

И. С. КАЦНЕЛЬСОН

ТУТАНХАМОН

и сокровища его гробницы

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

И. С. КАЦНЕЛЬСОН

ТУТАНХАМОН

и сокровища
его гробницы

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1976

Редакционная коллегия

К. З. АШРАФЯН, Г. М. БАУЭР, Г. М. БОНГАРД-ЛЕВИН,
Р. В. ВЯТКИН, Э. А. ГРАНТОВСКИЙ, И. М. ДЬЯКОНОВ,
М. А. КОРОСТОВЦЕВ (председатель), С. С. ЦЕЛЬНИКЕР

Автор предисловия
академик М. А. КОРОСТОВЦЕВ

Кацнельсон И. С.

К 30 Тутанхамон и сокровища его гробницы. Предисл. М. А. Коростовцева. М., Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1976. 152 с. с. ил. («По следам исчезнувших культур Востока»)

Книга известного советского египтолога И. С. Кацнельсона рассказывает об истории открытия в начале XX в. английским археологом Говардом Картером гробницы египетского фараона Тутанхамона. Она содержит обстоятельную характеристику времени Тутанхамона, описание самой гробницы и найденных в ней предметов, часть которых демонстрировалась на выставке в Москве, Ленинграде и Киеве.

К 10603-129
013(02)-76 — 128-76

9(М)03

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1976.

ПРЕДИСЛОВИЕ

22 ноября 1922 г., в день, навсегда вошедший в историю науки, английскому археологу Говарду Картеру и его спутникам впервые за всю полуторавековую историю археологических исследований в Египте удалось обнаружить почти полностью сохранившееся захоронение фараона вместе с огромным количеством великолепных памятников древнего искусства. Это было подлинным «археологическим открытием века», и хотя с тех пор минуло уже более пяти десятилетий — срок более чем достаточный, чтобы оно перестало быть сенсацией,— сокровища гробницы Тутанхамона и все, что связано с безвременно умершим молодым фараоном, до сих пор вызывают огромный интерес. Доказательством тому служили нескончаемые очереди перед Британским музеем в Лондоне и перед Лувром в Париже, где несколько лет назад экспонировались предметы из усыпальницы фараона, а затем и у нас в Москве, Ленинграде и Киеве.

Трехтомное описание открытия Г. Картера, выходившее на протяжении десяти лет (1923—1933), неоднократно переиздавалось и было переведено на многие языки. Его книга, изданная и у нас в 1959 г. *, мгновенно разошлась и сразу стала библиографической редкостью; ее ответственным редактором и автором вступительной статьи к ней был египтолог, доктор исторических наук И. С. Кацнельсон, который, откликаясь на запросы тех, кто хотел бы подробнее ознакомиться со всем, что связано с открытием гробницы Тутанхамона, и написал настоящую книгу.

Книга «Тутанхамон и сокровища его гробницы» содержит обстоятельную характеристику эпохи, историю открытия гробницы, описание ее и значение для науки. Конечно, в ней нет той непосредственности ощущений, которая в высокой степени присуща создававшейся по свежим следам первой публикации Г. Картера. Это вполне естественно, да и автор ставит перед собою иные задачи. Свои об-

* В 1927 г. вышел перевод первого тома, сделанный не с английского оригинала, а с немецкого перевода, к которому было приложено краткое изложение содержания второго тома, составленное Н. Д. Флиттнер.

ширные знания он излагает легко и увлекательно, ясно и доступно и вместе с тем на уровне, отвечающем всем требованиям современной науки. За истекшие полвека мы узнали о том времени, когда жил Тутанхамон, да и о нем самом много больше, чем знал Г. Картер. Как и всякая наука, египтология не стоит на месте.

Сочетание строгой научности с простотой — качество, которое необходимо иметь авторам научно-популярной литературы. Для этого, безусловно, требуется отличное знание предмета, превосходное владение методикой и стилем изложения, что, как мне представляется, присуще И. С. Кацнельсону. Я не сомневаюсь, что настоящий экскурс в далекое прошлое будет с интересом встречен многими читателями, которые, невзирая на огромный, как показывает действительность, интерес к древнему Египту и его великой цивилизации, далеко не избалованы отечественной литературой о нем. Вот почему следует приветствовать инициативу Главной редакции восточной литературы издательства «Наука», взявшей на себя издание этой книги, написанной одним из ведущих наших ученых-египтологов.

Академик М. А. Коростовцев

30 июня 1798 г. французская эскадра, доставившая в Египет экспедиционную армию Наполеона, отдала якоря на рейде Александрии. Вместе с войсками на берег высадилась и группа ученых, приглашенных командующим принять участие в походе. Много томное «Описание Египта», опубликованное ими с 1809 по 1828 г., положило начало всестороннему научному изучению страны. Значительное место уделялось ее прошлому, и в частности описанию памятников, созданных великой древней цивилизацией. Они вызывали удивление и восхищение еще греков и римлян, побывавших на берегах Нила.

С тех пор вот уже сто семьдесят пять лет, не прерываясь, ведутся в Египте археологические раскопки и изыскания. Хищническое кладоискательство авантюристов, стремившихся с целью наживы удовлетворить спрос коллекционеров и музеев, сменилось оснащенными по последнему слову техники научными экспедициями, фиксирующими каждую деталь исследуемого объекта и принимающими все меры для его консервации. За эти годы было обнаружено множество гробниц царей и сановников, руины храмов и дворцов, даже неизвестные ранее пирамиды, клады, тайники с мумиями фараонов, подземелья с захоронениями священных животных, саркофаги, статуи, поселения и города, папирусы и стелы. Сообщения о некоторых открытиях вызывали в свое время подлинную сенсацию и надолго приковывали внимание не только ученых. Так было, например, в 1850 г., когда О. Мариэтт нашел Серапеум с мумиями священных быков-Аписов, или в 1881 г., когда в Дейр-эль-Бахри Э. Бругш и Г. Масперо заставили кладоискателей выдать тщательно охраняемый ими секрет тайника, где некогда были спрятаны останки наиболее прославленных фараонов эпохи Нового царства. Так было и в

1925 г., когда Д. Рейзнер случайно наткнулся на погребение царицы Хетепхерес, матери Хеопса — строителя Великой пирамиды. Но сколь ни значителен был успех американского археолога, он произвел меньшее впечатление, чем заслуживал. Это объясняется тем, что в течение трех лет неугасающий интерес всей нашей планеты привлекло другое открытие, затмившее все предшествующие: гробница Тутанхамона — «самая значительная находка из всех сделанных когда-либо в Египте». Эти слова принадлежат археологу и египтологу А. Вейгаллу, долго и успешно руководившему раскопками в долине Нила. Не один год занимал он ответственную должность генерального инспектора Службы древностей в Южном Египте. Это дало Вейгаллу возможность в числе очень немногих войти в усыпальницу Тутанхамона в тот знаменательный, увековеченный историей день, когда туда впервые ступила нога человека, спустя тридцать три столетия после того, как писцы приложили печати царского некрополя к ее замурованному входу.

Очередь жаждущих попасть на выставку «Сокровища гробницы Тутанхамона», целыми днями простаивавшие недавно у Лувра и Британского музея, а затем у Государственного музея изобразительных искусств им. Пушкина и Государственного Эрмитажа, лучше всего доказывают, что интерес к сокровищам гробницы не угас и по сей день, спустя более полувека. И это понятно: никогда прежде не находили в одном месте такого количества памятников искусства древнего Египта периода наивысшего его расцвета. Одни из обнаруженных в гробнице предметов были прежде неизвестны ученым, а о других они знали лишь по изображениям на фресках и рельефах. Гробница Тутанхамона — единственное неразграбленное или, точнее, почти неразграбленное, дошедшее до нас погребение фараона. Нельзя не принять во внимание психологического фактора — молвы о найденных в ней сказочных богатствах. Вот почему интерес к этому открытию столь долговременен и устойчив.

ТУТАНХАМОН И ЕГО ВРЕМЯ

Что было известно о Тутанхамоне до открытия его гробницы? Даже в самых подробных обзорах истории Египта ему уделяли не более двух-трех абзацев, а иногда ограничивались лишь упоминанием его имени. И не удивительно. Одна стела, возвещающая о восстановлении при нем культа верховного бога страны Амона, на которой имя его было заменено именем правившего за ним фараона Хoremхеба; скульптурная группа, где он изображен вместе с этим богом (причем голова Тутанхамона отбита), да несколько предметов и амулетов с его именем — вот все, что дошло от девятилетнего царствования Тутанхамона, вступившего на престол еще ребенком и скончавшегося в возрасте восемнадцати-девятнадцати лет. Да и насыщенные бурными и во многом для нас неясными событиями годы его царствования отнюдь не благоприятствовали сохранению памяти о нем, тем более, что для этого были приняты соответствующие меры. Когда тысячелетие спустя в конце IV в. до н. э. жрец Манефон, основательно изучивший прошлое своей родины, писал ее историю, он даже не упомянул Тутанхамона в перечне бывших владык.

Но теперь этот фараон не менее знаменит, чем самые прославленные правители Египта — строители пирамид Хеопс и Хефрен, великие завоеватели Тутмос III и Рамсес II, реформатор древней религии — «еретик» Аменхотеп IV (Эхнатон). Слава пришла к Тутанхамону спустя более трех тысячелетий после смерти благодаря счастливой случайности — открытию гробницы. Но можно ли это объяснить только счастливым случаем? Ведь все имеет известную закономерность. Для того чтобы понять, как это произошло, придется начать издалека.

Но прежде оговоримся: не следует удивляться многочисленным «вероятно», «возможно», «по-видимому»,

«быть может» и т. п., которыми будут изобиловать последующие строки. До нас не дошли ни летописи, ни хроники, повествующие о событиях того времени. Мы располагаем лишь случайными и неполными источниками, по которым, как из отдельных камней поврежденной мозаики, значительная часть которой безнадежно утрачена, далеко не всегда удается полностью восстановить картину событий. Попытаемся в общих чертах рассказать о Тутанхамоне и его времени лишь то, что более или менее определенно установлено, используя не только те сведения, которые удалось получить в результате открытия его гробницы,—кстати сказать, довольно скудные,—но и все то новое, что накопилось за прошедшие с той поры десятилетия.

Основатель XVIII династии — правитель Фив фараон Яхмос I победоносно завершил дело своих предшественников и около 1560 г. до н. э. окончательно изгнал из пределов Египта племена азиатов — гиксосов, которые почти полтора века угнетали страну. В борьбе с поработителями он сплотил отдельные области — «номы», как их называли греки, — разобщенные многолетними смутами и иноземным игом. Объединив страну, Яхмос I, преследуя врагов, вторгся со своими отрядами в Южную Палестину и восстановил господство египтян на юге — в Куше (Северной Нубии). Этим было положено начало тому периоду в истории Египта, который впоследствии получил название Нового царства. Преемники Яхмоса I — его внук Тутмос I и особенно внук последнего Тутмос III оказались достойными продолжателями начатого им дела. В результате многолетних непрерывавшихся походов они подчинили Египту все примыкающие страны, от южных районов Малой Азии — начала западной излучины Евфрата — до четвертого порога Нила. На 3200 км с севера на юг простерлись владения фараонов. Египет стал гегемоном передневносточного мира. С ним не могли соперничать ни могущественная Хеттская держава, ни воинственное царство Митанни, расположенное в долине Евфрата и его притоков. В столицу Египта Фивы стекались несметные богатства: золото из рудников Куша, благовония и ценные породы дерева из страны Пунт (современное побережье Сомали), серебро, медь, слоновая кость, изделия искусных ремесленников Сирии, Кипра и Крита, драгоценные камни и,

наконец, рабы. Конечно, львиная доля богатств доставалась фараону, жрецам и знати. Небывалая роскошь господствовала при дворе «повелителя Обеих земель», как титуловали себя правители Египта. Им подражали вельможи и сановники. Кое-что доставалось и средним слоям населения — зажиточным земледельцам и ремесленникам. Но массы крестьян по-прежнему оставались обездоленными. К их обычным повинностям и тяготам добавились новые: непрестанные военные кампании отрывали их от труда, разоряли, но не приносили почти никаких выгод. Разумеется, сказалось это не сразу. И в годы правления Аменхотепа III (1455—1424 гг. до н. э.), правнука Тутмоса III, Египет достиг такого могущества, какого не имел ни до, ни после этого. Никто не решался противостоять сильнейшему из владык. Цари окружающих стран обращались со лстивыми посланиями в Фивы, униженно восхваляя их правителя, заверяя в своей верности и покорности и выпрашивая подачки. Письма шли от князьков Сирии и Палестины, от царей далекого Вавилона и нередко сопровождались просьбами о присылке золота. «...Пусть брат мой пришлет золото в очень большом количестве, без меры, и пусть он пришлет мне больше золота, нежели моему отцу, ибо в стране моего брата золото все равно что пыль», — так писал грозный Душратта, царь Митанни, перед которым трепетало все Двуречье.

Знания наши об этом времени смутны, неполны, а порой и противоречивы. Многие остаются загадочными. Разные гипотезы, нередко зыбкие и мимолетные, сменяют друг друга. Чтобы объяснить события того времени, мы часто вынуждены воздерживаться от определенных выводов до получения убедительных доказательств. Так, например, лишь недавно удалось установить со значительной долей уверенности, что Аменхотеп III был сыном Тутмоса IV. Возможно, в юности ему не прочили престола. Женой его стала некая Ти́и, дочь Иуйи и Туйи. По-видимому, они принадлежали к провинциальной знати и, быть может, имели значительную примесь нубийской крови. Тем самым была нарушена давняя традиция. Обычно фараоны для сохранения чистоты крови женились на ближайших своих родственницах, которые получали титул «главной супруги», а сыновья их наследовали престол.

Но Аменхотеп III пренебрег обычаем предков и возвысил Тии над всеми своими женами, тем самым нарушив установленную традицию. Как мы можем предположить, Тии была женщиной умной и энергичной и, должно быть, оказывала большое влияние на своего царственного супруга. Все это, вместе взятое, видимо, вызывало недовольство в придворных кругах, где отношение к Тии и ее сыну, будущему фараону Аменхотепу IV (супругу Нефертити), скорее всего, было недоброжелательным. Во всяком случае, Аменхотеп III счел необходимым подтвердить права своей главной жены, поставив ее имя рядом со своим на некоторых надписях.

Окруженный роскошью Аменхотеп III почти сорокалетнее свое царствование провел, наслаждаясь миром и покоем — благо воевать уже не было нужды. Он воздвигал дворцы и храмы и щедро одарял жрецов, экономическое и политическое влияние которых значительно возросло еще при его предшественниках, стремившихся снискать милость богов — прежде всего бога Фив — Амона, возглавлявшего общеегипетский пантеон. Возможно (насчет этого не существует единого мнения), к концу жизни Аменхотеп III сделал сына соправителем, как нередко случалось и при других фараонах, а сам отстранился от дел. Таким образом, Аменхотеп IV и его мать стали полновластными правителями страны. Им приходилось преодолевать оппозицию знати и жречества.

Конфликт этот, конечно, ни в коем случае не следует объяснять одними лишь личными симпатиями и антипатиями. Причины тому были много глубже и серьезнее. В то время противоречия между царем-деспотом и господствующей прослойкой, т. е. рабовладельческой знатью, составлявшей по существу единое целое со жрецами, резко обостряются. Фараон для сохранения и укрепления своей власти был вынужден искать поддержки у военачальников, важнейших сановников, высших кругов жречества, но они, особенно жрецы, накопившие огромные богатства и обширные земельные угодья, фактически ограничивали его власть. Храмам принадлежали целые города и поселения. Чтобы ослабить противника, следовало лишить его основного оружия — в данном случае идеологического влияния. Сила жрецов и тесно связанной с ними знати, естественно, зиждилась на религии.

Традиционные религиозные представления во многом оказались теперь неприемлемыми. Египет при фараонах XVIII династии стал первой мировой империей. Ей должна была соответствовать и религия. А древние ее формы с чисто египетскими характерными чертами и особенностями мало удовлетворяли новым потребностям и оставались непонятными и чуждыми населению покоренных стран.

Египетская религия действительно была довольно сложна и своеобразна. Первоначально каждая область — «ном» — имела своих богов, сохранивших на тысячелетия в силу присущего Египту консерватизма, обусловленного медлительностью развития производительных сил и связанных с ними производственных отношений, многие черты первобытных представлений, в частности зооморфизм. Отсюда столь распространенный в Египте культ животных, вызывающий удивление и недоумение иноземцев. Затем, по мере объединения страны, во главе общегосударственного пантеона обычно ставились боги того нома, который в данное время занимал господствующее положение. Когда в середине III тысячелетия до н. э. к власти пришли фараоны V династии, происходившие, видимо, из жрецов города Она-Гелиополя, как его называли греки, где почитался бог солнца Ра, последний стал верховным богом всей страны. В эпоху Среднего и Нового царств возвысились Фивы, и культ главного бога этого нома — Амона распространился по всему Египту, причем его отождествили с Ра. Одновременно в номах повсеместно почитались местные боги, а наряду с ними обожествлялись земля (Геб), небо (Нут), воздух (Шу), владыка царства мертвых (Осирис) и т. д.

В самом начале своего правления Аменхотеп IV устанавливает культ бога Атона. Слово «атон» прежде, во времена Среднего царства, обозначало «солнечный диск» и лишь позднее, при XVIII династии, стало чаще и чаще употребляться как имя солнечного божества. Издревле в некоторых номах бог солнца под различными именами — Ра, Атум, Гор — стоял во главе местных пантеонов. Но культ и связанные с ним идеи, введенные молодым царем, отличались многими особенностями.

В первые годы правления или еще соправления с отцом Аменхотеп IV только выделял Атона среди прочих

богов, провозгласив себя его верховным жрецом и усердно сооружая ему храмы. Этим он урезал доходы клира прочих богов, в первую очередь фиванских, что, естественно, не вызвало у жрецов особенного воодушевления, так же как и у знати, ибо царь стал приближать к себе новых людей, далеко не аристократического происхождения. Противоречия усиливались. В конце концов, примерно на 6-м году царствования, фараон решил радикальными мерами навсегда покончить с домогательствами своих противников. Атона провозгласили единственным богом, культ всех прочих богов был отменен, храмы их закрыты, а жрецы, возможно, разогнаны. Стремясь стереть даже память об именах прежних богов, Аменхотеп IV приказал повсеместно их уничтожить. Особенно тщательно стиралось и соскабливалось имя Амона, жрецов которого более всего ненавидел царь. Фараон не пощадил ни имени своего отца, ни своего собственного, так как в них входило столь неприятное ему слово («Аменхотеп» значит «Амон доволен»). Он стал называть себя «Эхнатон», т. е. «Угодный Атону». Более того, чтобы окончательно порвать со всеми традициями, царь оставляет столицу своих предков Фивы и в 450 км севернее, недалеко от современного Асьюта, основывает на пустом месте новую резиденцию, которой дает пышное название — «Ахетатон» («Горизонт Атона»). Теперь эта местность называется Тель-эль-Амарна, по имени обитавшего здесь прежде арабского племени бени-амран. Вот почему в современной науке время правления Эхнатона получило название Амарнского периода, а столица его — Тель-Амарна или Амарна.

В результате проведенной Эхнатоном реформы религия стала несколько прогрессивней. Ее универсализм более соответствовал потребностям Египетской державы. Кроме того, это был неоспоримый шаг вперед по направлению к более передовым на том уровне человеческого сознания монотеистическим представлениям. Подобная идея зародилась, видимо, еще при отце Эхнатона. Недаром роскошная барка, в которой он вместе с Тии совершал увеселительные прогулки, именовалась «Великолепие Атона».

После смерти Аменхотепа III внешне все как будто оставалось по-прежнему: так же поступала дань в сокровищницы фараона, так же безропотно гнули спину,

выполняя повинности, миллионы земледельцев и десятки тысяч рабов, такие же униженные письма слали правители палестинских и сирийских городов, все такими же полными хозяевами сознавали себя «царские сыновья Куша» — наместники в далекой знойной, обильной золотом Нубии. Но на севере уже сгущались тучи. Появляются племена хабиру — кочевники Сирийской пустыни, охотно служившие наемниками там, где им было выгоднее. Они вторгаются из окрестных степей и доходят до прибрежных финикийских городов. Некоторые правители встречают их радостно, надеясь с помощью пришельцев избавиться от египетского ига; другие тщетно взывают к Эхнатону, моля его поспешить на помощь и прислать войска. Но фараону, целиком поглощенному проводимыми им реформами и внутренними распрями, было не до них.

А недовольство в Египте росло. Теперь не только жрецы и знать, но и средние слои населения не поддерживали фараона. Расправляясь с их помощью со своими противниками, Эхнатон ничего не давал взамен. Нельзя, наконец, недооценивать и значение идеологического фактора. Народ за многие столетия привык к своим богам — традиции в Египте были всегда очень прочны и устойчивы, — верил в них, и, конечно, никакие декреты и административные меры не могли принудить его отказаться так быстро — в течение нескольких лет — от религии предков. Неудачи в Азии приписывались отступничеству царя и гневу исконных богов.

Словом, Эхнатон оказался в изоляции. Дабы удержаться на престоле, он вынужден был впервые в истории Египта прибегнуть к помощи наемников, скорее всего обитателей Эгейских островов. Таково оказалось внешнее и внутреннее положение страны к концу семнадцатилетнего правления «еретика», или «преступника из Ахетатона», как называли его впоследствии, чтобы не произносить преданное проклятию имя.

Правда, по некоторым намекам, очень смутным и неопределенным, можно предположить, что в последние годы правления под воздействием матери — царицы Тии, по-видимому сохранившей свое влияние, или просто осознав надвигающуюся опасность Эхнатон отказался от крайнего ригоризма и пошел на некоторые уступки.

Главной супругой его была Нефертити — красота и

грация которой увековечены в ее скульптурном портрете, ныне столь же известном, как и портрет Джоконды Леонардо да Винчи. Кто были ее родители? Когда и как появилась она во дворце фараонов? Обо всем этом пока можно лишь гадать. Нефертити считали то дочерью царя Митанни — Душратты, то дочерью Аменхотепа III от одной из его многочисленных жен. Но, скорее всего, она не принадлежала к царскому роду. Единственная родственница ее, о которой что-либо известно, — сестра Мутнеджмет, никакими титулами не обладала. Царица, видимо, не менее своего мужа была предана новой религии.

От Нефертити Эхнатон имел шесть дочерей. Старшая дочь — Меритатон на 13-м году правления отца была выдана замуж за царевича Сменхкара. Вторая умерла в детстве: сохранилось рельефное изображение царственных родителей, горестно заламывающих руки над ложем умершего ребенка, а третья дочь — Анхесенпаатон стала впоследствии женой, по всей вероятности, брата Сменхкара — Тутанхатона, будущего фараона.

О происхождении Сменхкара и Тутанхатона достоверных сведений не сохранилось. Все гипотезы и догадки ученых, занимавшихся этим вопросом, основываются на косвенных и очень неполных данных. Они сводятся в общем к двум предположениям: либо оба царевича были сыновьями Эхнатона от других жен, либо его сводными братьями. В пользу второй гипотезы свидетельствует то, что в гробнице матери Тии, обнаруженной в 1907 г. в Долине царей, была найдена мумия молодого человека, как полагают некоторые ученые, — Сменхкара. О других доказательствах, могущих подтвердить эту теорию, будет сказано далее. Но судя по возрасту братьев, определенному медицинским освидетельствованием мумий, они родились слишком поздно, чтобы быть детьми Аменхотепа III. В этом случае приходится допустить, что последний жил еще очень долгое время после вступления на престол Эхнатона. Однако памятники об этом молчат. Но как бы то ни было, и мумии Сменхкара и Тутанхатона, и их изображения обнаруживают несомненное семейное сходство с Эхнатоном и его дочерьми — прежде всего формой патологически удлиненного, оттянутого назад черепа.

Сменхкара после женитьбы на Меритатон был если

не тотчас, то вскоре объявлен соправителем фараона. Болезненный юноша прожил после этого недолго — около трех лет — и скончался, видимо, незадолго до смерти самого царя-еретика. Никаких сколько-нибудь заметных следов правление Сменхкара не оставило, и даже, как уже упоминалось, нет твердой убежденности, что останки его покоились в усыпальнице Тии. Что касается Эхнатона, то его, видимо, погребли в гробнице, высеченной в окружающих Ахетатон скалах. Во всяком случае, мумия его не обнаружена, хотя некоторые египтологи и предполагали, что именно его останки, а не Сменхкара укрыли от врагов в склепе Тии. Скорее всего, мумия Эхнатона не сохранилась. После реставрации культа Амона мстительные жрецы не ограничились повсеместным уничтожением имен царя и Атона, но надругались и над своим мертвым врагом, лишив его тем самым, по представлениям древних египтян, посмертного существования и вечного блаженства.

Таким образом, открылся путь для вступления на престол второго наследника, названного при рождении Тутанхатон. Его права узаконил брак с прямой наследницей — принцессой Анхесенпаатон. Точная дата смерти Сменхкара неизвестна. Поэтому мы не знаем, был ли Тутанхатон хотя бы недолго соправителем Эхнатона или унаследовал трон после его кончины. Как это можно заключить на основании некоторых изображений, найденных в гробнице Тутанхамона, Эхнатон все же пережил Сменхкара и сам успел назначить себе преемника. Царствовал Тутанхатон не более девяти лет. Умер он в возрасте восемнадцати-девятнадцати лет, что установлено путем анатомического исследования его останков. Таким образом, в год смерти Эхнатона Тутанхатону исполнилось примерно десять лет. Естественно, самостоятельно править он не мог. Прикрываясь его именем, страной управляли люди более зрелые и опытные. Один из них хорошо известен. Это Эйе, престарелый сановник, долголетний сподвижник Эхнатона. Он был «визирем, носителем опахала по правую руку царя, главным из друзей царя» и «отцом бога», а его жена — в свое время — кормилицей Нефертити.

Как уже упоминалось, о самом Тутанхатоне известно очень мало. Из текста большой стелы, воздвигнутой им, а вернее, от его имени в главном храме Амона —

Карнаке, было установлено, что он возвратился к культу прежних богов и вернул жрецам Амона все их права и достояние. Реставрация произошла не сразу. Некоторые сдвиги, видимо, наметились еще при Эхнатоне. Первые три года после вступления на престол Тутанхатон продолжал еще пребывать вместе со двором в Ахетатоне. Только после того, как сторонники прежней религии окончательно взяли верх, он перебрался в Фивы, и некоторое время спустя имя Атона стали уничтожать с той же энергией и настойчивостью, как за несколько лет до этого преследовалось имя Амона.

Тутанхатон («Живое подобие Атона») стал отныне именоваться Тутанхамоном («Живое подобие Амона»), а царица Анхесенпаатон («Живет она Атоном») соответственно изменила свое имя на Анхесенпаамон («Живет она Амоном»). Однако некоторое, правда недолгое, время культы обоих богов сосуществовали. На стеле, хранящейся ныне в Берлинском музее, Тутанхатон приносит моления Амону, хотя называет себя по-прежнему. В Ахетатоне же при раскопках нашли два кольца с надписями, где фараон именует себя Тутанхамоном. Как мы увидим в дальнейшем, доказательства тому обнаружены и в его гробнице. Таким образом, реставрация культа Амона и других исконных богов произошла именно при Тутанхамоне.

Так завершилась попытка Эхнатона реформировать древнюю религию и укрепить деспотическую власть фараона.

Возможно, что умиротворение внутри страны, достигнутое при юном царе его ближайшим окружением во главе с Эйе, способствовало и некоторому упрочению внешнего положения Египта. Из надписи в гробнице одного из живших тогда чиновников известно, что несколько сирийских племен регулярно выплачивали дань. Поступали подати и из Куша, где, впрочем, власть Египта не ослабевала даже при Эхнатоне.

Вот почти все, за исключением отдельных мелких фактов, что мы знаем о Тутанхамоне и событиях времени его царствования. Однако замечание Говарда Картера — «из всей жизни Тутанхамона нам достоверно известен лишь один факт, а именно: он умер и был погребен» — представляется нам все же неверным. При нем, пусть и без активного его участия, завершились события

Статуя Ка (двойник) Тутанхамона

огромного политического и особенно идеологического значения. Реакция, если допустимо применить здесь этот термин, одержала победу и тем самым на десятилетия и даже столетия предопределила дальнейшие судьбы Египта.

К сожалению, гробница Тутанхамона почти ничем не обогатила наши скудные сведения о политической истории того времени. В ней не обнаружено ни исторических текстов, ни даже папирусов религиозного содержания. То, что удалось установить путем изучения отдельных предметов и изображений, а также в результате обследования мумии царя, в конце концов касается только частных деталей. Мы можем судить о его личных вкусах и склонностях, но продолжаем оставаться почти в полном неведении о важнейших событиях его царствования.

Тутанхамона после примерно девятилетнего правления сменил на престоле Эйе. Стремясь закрепить права на престол, несмотря на свои далеко уже не молодые годы, он женился на юной вдове — царице Анхесенпатамон, чему предшествовали не лишние драматизма события, о которых еще пойдет речь. Эйе не долго носил двойную корону* фараонов. Он скончался на 4-м году правления. Его именем завершается XVIII династия — самая могущественная на всем протяжении многовековой истории Египта.

После Эйе престол занял Хоремхеб. Этому талантливому полководцу, энергичному администратору и, очевидно, умному интригану удалось еще при Эйе частично восстановить влияние Египта в азиатских владениях. В дальнейшем он укрепил там свою власть и стабилизировал положение внутри страны. Его царствованием начинается новый период в истории Египта — правление XIX династии, при которой великая цивилизация, достигнув вершины своего развития, сначала медленно, а потом все быстрее и быстрее клонилась к упадку.

* Двойная корона фараонов — объединенная корона Верхнего и Нижнего Египта. — *Здесь и далее примечания автора.*

ГРОБНИЦЫ И ГРАБИТЕЛИ

Сколь ни радикальна была попытка Эхнатона изменить древние верования, реформа его ни в коей степени не коснулась культа мертвых и представлений о загробном мире, которые занимали столь важное место в религии древних египтян. Вместе с тем никак нельзя согласиться с мнением, довольно часто высказываемым даже самыми авторитетными египтологами и в том числе Говардом Картером, что «существование после смерти казалось древним египтянам всегда важнее, чем земное бытие». Рельефы и фрески, украшающие стены гробниц и изображающие сцены повседневной жизни, некоторые лирические песни, сказки, повести и поучения, дошедшие до нас, наконец, предметы, обнаруженные в могилах и усыпальницах, неопровержимо доказывают, во-первых, страстную привязанность древних обитателей долины Нила к радостям именно земного бытия, хотя жизнь большинства из них была насыщена повседневным изнурительным трудом, и, во-вторых, страх, с которым относились они к потустороннему миру, созданному их воображением и теологическими спекуляциями жрецов. Они боялись мрака и неизвестности смерти и населяли загробное царство фантастическими чудовищами и препятствиями, которые должен был преодолеть каждый мертвец на пути к вечному блаженству в «полях Иалу», как называли египтяне свой рай.

Чтобы сподобиться райского блаженства, умерший прежде всего должен был сохранить тело — вместилище души — и обладать всеми теми земными материальными благами, без которых не мыслилось счастье и довольство. Ведь пребывание в «полях Иалу» представлялось по образу и подобию земной жизни, как ее беспечальное и беззаботное продолжение. Душа представлялась состоя-

шей из двух начал — Ка и Ба, определить которые можно только в общих чертах.

Ка — гений человека, жизненная сила, даваемая ему при рождении. Она невидима, но имеет облик того, кому придана. После смерти Ка хотя и покидает тело, но все же продолжает заботиться об усопшем и приходит, внимая молениям, ему на помощь. Поэтому гробница считалась местом обитания Ка, и ему следовало приносить жертвы для ублаговления покойного и обеспечения его посмертного благополучия.

Ба — понятие менее определенное — душа, пережившая человека и оставляющая его тело при кончине. Поэтому она представлялась в облике птицы с человеческой головой. Чтобы Ба могла возвратиться, необходимо было сохранить ее вместилище, т. е. тело. Вот почему египтяне так заботились об умерших.

В глубочайшей древности они зарывали трупы в сухой песок окружающих долину Нила пустынь. Позднее, когда умерших стали погребать в гробницах, их тела предохранялись от тления при помощи натрона и специальных бинтов и повязок. В результате длительного опыта бальзамировщики в конце концов достигли такого совершенства, что научились сохранять трупы на тысячелетия, правда в условиях чрезвычайно сухого климата страны.

Какие средства и методы они для этого применяли, мы узнаём из подробного описания путешественника и историка Геродота, посетившего Египет в середине V в. до н. э. Он сообщает о трех способах бальзамирования. Вот что рассказывает Геродот о самом совершенном и дорогом из них: «...прежде всего с помощью железного крючка извлекают из головы через ноздри мозг; так извлекается, впрочем, только часть мозга, другая часть — посредством вливаемых туда медикаментов; потом острым эфиопским камнем делают в паху разрез и тотчас вынимают из живота все внутренности; вычистивши полость живота и выполоскавши ее пальмовым вином, снова вычищают ее перетертыми благовониями; наконец, живот наполняется чистой растертой смирной, касоей и прочими благовониями, только не ладаном, и зашивается. После этого труп кладут в самородную щелочную соль на семьдесят дней... по прошествии семидесяти дней покойника обмывают, все тело обрачи-

вают в тонкий холст, порезанный в тесьмы и снизу смазанный гумми, который в большинстве случаев употребляется у египтян вместо клея. Тогда родственники получают труп обратно, готовят деревянную чело-векоподобную фигуру (саркофаг.— *И. К.*), кладут туда труп, закрывают ее и сохраняют в могильном скле-пе...» *.

Хотя между смертью Тутанхамона и пребыванием Геродота на берегах Нила прошло девять веков, методы мумификации почти не изменились; разве что вместо железных тогда употреблялись бронзовые или медные инструменты. Таким образом, мы можем вполне довериться приведенному описанию.

Извлеченные из трупа внутренние органы — сердце, печень, желудок — складывали в специальные, большей частью алебастровые сосуды; обычно их было четыре — так называемые каноны, фигурные крышки которых изображали головы духов-защитников, «детей Гора», или, как это было в гробнице Тутанхамона, самого покойника.

Однако все эти меры могли оказаться недостаточными. А если тело, вместилище Ка и Ба, все же погибало? Тогда его должны были заменить изваянные для этого из твердых пород камня или дерева портретные статуи. В гробнице Тутанхамона две такие статуи стояли по бокам замурованного входа; одна из них была показана на выставке в Москве, Ленинграде и Киеве. Эти представления во многом способствовали появлению и развитию в Египте скульптурного портрета, создавая который египетские ваятели достигали порой вершин мастерства.

Умершего на пути к «полям Иалу» ожидали жестокие испытания: населявшие подземный мир чудовища, порожденные изощренной фантазией жрецов, всевозможные опасности, наконец, судилище сонма богов, возглавляемое владыкой царства мертвых Осирисом, перед которым покойнику следовало оправдаться и доказать, что он достоин блаженства и что, подобно самому Осирису, ему должно быть уготовано вечное бытие.

С помощью сложного ритуала умершего отождест-

* Геродот, II, 86, М., 1888.

вляли с Осирисом и специальным обрядом подготавливали к загробной жизни. Десятки и сотни статуэток слуг и рабов, державших в руках земледельческие орудия (так называемые ушебти — «ответчики»), которые клали в гробницу усопшего, должны были ожить и обеспечить своему хозяину беззаботное и легкое загробное существование, подобно тому как это делали при жизни его рабы и крестьяне.

В гробницах сановников и знати, но не фараонов, стены камер и переходов покрывались рельефами и многокрасочными фресками, на которых изображали умершего и его близких за повседневными занятиями и развлечениями, а его слуг и крестьян — за работой. Эти картины преследовали отнюдь не декоративные цели. Они должны были обеспечить покойного всем, что окружало и дорого было ему при жизни. Особенно часто художники изображали алтари, на которых громоздились в изобилии всевозможные яства — неисчерпаемый запас продовольствия для насыщения. Ка на тот случай, если потомки перестанут приносить жертвы. Заклинания должны были превратить эти изображения в подлинные продукты.

Запомнить все формулы, речения и заклятия, помогающие отвратить опасности загробного мира и добиться оправдания на судилище богов, знать, где, когда и какие произносить, было очень трудно, почти невозможно. Обычно эту премудрость постигали только жрецы, да и то, вероятно, далеко не все. Поэтому священные тексты высекали или писали на стенах гробниц и саркофагов («Тексты саркофагов») или на папирусах, которые клали вместе с мумией. Последние дошли до нас в огромном количестве. Они известны обычно под названием «Книги мертвых». Кроме «Книги мертвых» имеются и другие сочинения подобного рода, настоящие «путеводители» по потустороннему миру, например «Книга о том, что в загробном царстве» (обычно ее называют «Амдуат»), описывающая его двенадцать областей и населяющих их богов и духов. Эти области соответствуют двенадцати часам ночи, и бог солнца Ра проплывает их в своей солнечной барке, покидая на закате небосвод. Существует также «Книга врат» и другие.

На стенах царских гробниц изображались лишь всевозможные ритуальные обряды, связанные с погребением,

и образы загробного мира, потому что фараон и в своем земном бытии был уже богом.

Каждый египтянин, имевший к тому возможность, заблаговременно заботился о своем погребении, чтобы не испытывать ни в чем недостатка в царстве мертвых и обеспечить себе пребывание в «полях Иалу». И не мыслилось большего несчастья, чем погребение на чужбине, среди варваров, где «заворачивают в баранью шкуру и зарывают за простой оградой».

Это ярко отображено в литературных произведениях. В «Истории Синухета», очевидно весьма распространенной (судя по числу сохранившихся списков), как о величайшем горе говорится о возможности кончины за пределами Египта. Фараон, желая оказать милость Синухету, убежавшему в Сирию, приглашает его возвратиться на родину и в виде особого благоволения сулит взять на себя все заботы о его похоронах. Он пишет ему:

«...должен ты подумать о дне погребения и о последнем пути к вечному блаженству.

Здесь уготована тебе ночь с маслами благовонными, здесь ждут тебя погребальные пелены... Изготовят тебе саркофаг из золота, а изголовье его — из чистого лазурита. Свод небесный* раскинется над тобой, когда положат тебя в саркофаг, и быки повлекут тебя. Музыканты пойдут впереди тебя, и перед входом в гробницу твою исполнят священный танец Муу**. Огласят для тебя список жертвоприношений. Заколют для тебя жертвы у погребальной стелы твоей. Поставят гробницу твою среди пирамид детей фараона, и колонны ее воздвигнут из белого камня»***.

Хотя «История Синухета» создана по меньшей мере лет за пятьсот до смерти Тутанхамона, его хоронили так, как описано в этом письме фараона. Только, конечно, гораздо пышнее. Характерно, что даже при Эхнатоне, когда все прежние религиозные представления отвергались, верования и обряды, связанные с куль-

* Свод небесный — балдахин над погребальными саями, на которых перевозились саркофаги, или внутренняя крышка саркофага с изображением богини неба Нут.

** Танец Муу — ритуальная погребальная пляска, исполняемая обычно карликами.

*** «Фараон Хуфу и чародеи», М., 1958, стр. 35—36.

том мертвых, почти не изменились. Он заботился о своем погребении точно так же, как и его предшественники.

Обычно гробницу начинали готовить еще задолго до смерти того, для кого она предназначалась. Только в случае неожиданной, преждевременной или скоропостижной смерти ее приходилось сооружать второпях. Так, видимо, было и с Тутанхамоном. Многие признаки указывают на большую поспешность, проявленную при строительстве и отделке помещений его гробницы.

Как уже было сказано, пребывание в «полях Иалу» мыслилось по образу и подобию земного бытия. Умерший поэтому нуждался не только в пище и воде, но и во всем том, что окружало его и чем он пользовался при жизни. Чем богаче и знатнее был человек, тем, естественно, больше были и его потребности, тем щедрее могли снабдить его для пребывания в царстве мертвых.

Бедняков просто зарывали в песок, иногда у погребений тех, кому они служили при жизни, чтоб им и за гробом перепадали крохи со стола их хозяев. И конечно, роскошнее и обильнее всех снаряжали в последний путь фараонов. Тут не жалели решительно никаких затрат. Доказательство тому — гробница Тутанхамона, далеко не самого могущественного из правителей Египта.

Но именно эти бесчисленные сокровища, которыми снабжали усопших владык, членов их семей и сановников для беспечального загробного существования, таили в себе неотвратимую угрозу. Еще с самой отдаленной древности — первых династий — они привлекали жадные взоры тех, кто ничего не имел. А таких было большинство. Ведь одна ночь могла обеспечить на всю жизнь любого бедняка. Правда, в случае неудачи смельчакам грозила мучительная казнь. Но, как мы знаем, это их не отпугивало. Тому имеется множество примеров.

Против грабителей гробниц не помогали ни страшные заклятия, ни искусственные горы-пирамиды, ни хитроумные уловки строителей — замаскированные входы и ловушки, замурованные камеры, потайные лестницы, ложные ходы, ни тщательная охрана, ни, наконец, тайна. Недаром архитектор Инени, строивший гробницу для фараона Тутмоса I, одного из отдаленных предшественников Тутанхамона, счел нужным упомянуть в сво-

ей автобиографии, что он «наблюдал за тем, как высекалась гробница его величества, причем был один, никто другой ничего не видел и ничего не слышал». Некоторые ученые полагают, что людей, занятых сооружением царской усыпальницы, убивали.

И литературные памятники — например, сказка о фараоне Рампсините и хитром воре, переданная Геродотом, — и дошедшие до нас официальные документы и данные археологии — все свидетельствует о беспощадной, но вместе с тем и безуспешной войне, которую с отдаленнейших времен вели с грабителями гробниц даже самые могущественные фараоны, стремясь обеспечить себе посмертный покой, а своим усыпальницам — неприкосновенность. В этой ожесточенной, длившейся тысячелетиями — продолжавшейся до самого последнего времени — борьбе с одной стороны были власть, сила, средства, с другой — нужда, хитрость, отвага, настойчивость и риск. И грабители побеждали.

Убедившись в безнадежности всех усилий отстоять неприкосновенность своих усыпальниц от посягательства воров, фараоны вынуждены были отказаться от строительства пирамид, которые они воздвигали еще в эпоху Среднего царства, — правда, далеко не столь величественными и прочными, как во времена Древнего царства, — и прибегнуть к иным мерам.

Когда в Фивах воцарилась XVIII династия, положившая начало эпохе Нового царства, ее первые фараоны по примеру царей XI династии избрали для своего погребения западный берег Нила, противоположный тому, где находилась их резиденция. Здесь среди голых, бесплодных диких скал простирается целый лабиринт пустынных, мрачных и знойных ущелий. В одном из них, известном ныне под названием Бибан-эль-Молук, что по-арабски означает «Врата царей», приказал высечь в скалах свою гробницу третий фараон этой династии Тутмос I — тот самый, которому верой и правдой служил архитектор Инени. Европейцам это ущелье известно ныне под названием Долины царей.

Уединенная, безлюдная, угрюмая, окаймленная остроконечными отвесными скалами, выветренные склоны которых прорезаны трещинами и расселинами — следами давних землетрясений и редких, но сильных ливней, она как нельзя лучше подходила для печальной цели —

Общий вид царского некрополя в Фивах — Долины царей.
На заднем плане вершина Рог

служить местом последнего упокоения. Только лай и вой лисиц, шакалов и гиен нарушает по ночам царящее здесь постоянное безмолвие. Над Долиной господствует Рог — высшая точка окружающих ее гор, место обитания богини-покровительницы некрополя — Меретсегрет («Любящая молчание»), «Владычицы Запада», т. е. царства мертвых. Она изображалась в образе змеи, которых, кстати, здесь немало, и, по представлениям древних египтян, охраняла усопших и их покой.

Но не много на земле есть мест, где развернулось столько драматических событий, как в этой мирной и тихой на первый взгляд долине. Они могли бы наполнить увлекательнейшими сюжетами и захватывающими эпизодами десятки приключенческих романов и повестей.

Примеру Тутмоса I последовали все фараоны трех последующих династий, до XXI включительно, которые приказывали высекать себе гробницы здесь, в скалах. Для лучшего обеспечения тайны места погребения и

более надежной охраны заупокойные храмы, где за фараонов возносили моления и приносили им жертвы, сооружались не рядом с усыпальницей, а внизу, на берегу Нила. Некоторые из них сохранились и поныне, например расположенный на террасах знаменитый храм царицы Хатшепсут в Дейр-эль-Бахри. От других уцелело лишь немного, как «колоссы Мемнона»*, а от иных храмов вообще ничего не осталось.

Посетившие Египет в I в. до н. э. греческий историк Диодор и его соотечественник географ Страбон нашли гробницы Долины царей давно заброшенными и опустошенными. Страбон насчитал тогда «около сорока царских гробниц, высеченных в каменных пещерах, замечательно отделанных и заслуживающих осмотра». И действительно, туристы в древности охотно посещали их. Мы узнаём об этом из многочисленных надписей — граффити, процарапанных или (реже) нанесенных краской на стенах камер и переходов. Среди них были даже обитатели далекого от Египта северного побережья Черного моря — Скифии и Танаиса, оставившие здесь свои имена. После распространения в долине Нила христианства некоторые склепы служили приютом для первых аскетов и монахов, искавших в уединении спасения от соблазнов мира. Поверх фресок и рельефов, дабы отвратить чары злых «демонов» — богов своих предков, они наносили изображения креста и благочестивые изречения.

Европейские путешественники XVIII в. Покок, Норден, Брюс и другие застали в Долине царей разбойничьи шайки, опустошавшие еще случайно уцелевшие гробницы. Пришельцев они встречали весьма недружелюбно.

Некоторые из царских усыпальниц были подлинными подземными дворцами, как, например, гробница фараона Сети I (XIX династия), царствовавшего всего четырнадцать лет (1312—1298 гг. до н. э.). Лестницы, коридоры, переходы и камеры уходили на 100 м в глубь скалы, образуя, так же как и гробница Рамсеса III, правившего столетия спустя, настоящий лабиринт. Все стены расписаны фресками, сохранившими яркость кра-

* «Колоссы Мемнона» — статуи, стоявшие некогда у входа в заупокойный храм Аменхотепа III, ныне не существующего.

сок и по сей день. Они иллюстрируют книгу «Амдуат» и «Книгу врат» и изображают умершего царя, представшим перед богами подземного мира. В гробнице Рамсеса III помимо этих сюжетов художники изобразили еще «поля Иалу». Эти фрески очень напоминают сцены повседневной жизни, которые обычно украшали стены гробниц вельмож и сановников.

Не потому ли в сказках «Тысяча и одной ночи» — их окончательная редакция, как известно, сложилась именно в Египте — герои то и дело попадают в подземелья, где спрятаны заполненные золотом и драгоценными камнями сундуки и сосуды? А подземный сад и чудовища из сказки «Волшебная лампа Аладдина»? Не навеяны ли они изображениями на фресках скальных усыпальниц фараонов и их приближенных?

Сокровища, наполнявшие гробницы, были поистине огромны, что можно заключить по содержимому усыпальницы Тутанхамона. Если в его относительно скромной по площади и числу помещений — их было всего четыре — гробнице найдены такие богатства после ее ограбления, то трудно даже представить себе, с какой расточительной щедростью снаряжали в последний путь правивших до и после него более могущественных и дольше занимавших престол фараонов. Конечно, это не было ни для кого секретом. И грабители пользовались этим, и притом довольно успешно. Но порой их все-таки настигала кара, судя по некоторым дошедшим до нас источникам.

Несколько папирусов, рассеянных по различным музеям мира, — наиболее интересные находятся в Лондоне и Нью-Йорке — позволяют восстановить достаточно подробно события, происшедшие в основном в 16-й год правления фараона Рамсеса IX. Он принадлежал к XX династии — так называемым Рамсессидам, потому что все представители ее именовались Рамсесами, — и правил в конце XII в. до н. э., когда Египет уже многие десятилетия находился в состоянии глубокого упадка в результате потрясшего его социально-экономического кризиса и внешнеполитических осложнений. Сокровищница фараонов опустела. Не было средств ни для выдачи довольствия рабочим царского некрополя, жившим тут же в своих жалких лачугах, — каменотесам, скульпторам, бальзамировщикам, плотникам и т. д., ни

для содержания надежной стражи. Рабочие даже прекращали работу, требуя причитающегося им довольствия. На протяжении нескольких веков в Долине царей, где в силу традиции и лучшего обеспечения охраной продолжали хоронить фараонов, скопились десятки царских гробниц, и, разумеется, их местонахождение давно перестало быть тайной. Естественно, что подобные обстоятельства были только на руку грабителям.

По показаниям одного из преступников, в 14-м или в начале 15-го года правления Рамсеса IX было ограблено чрезвычайно богатое погребение фараона XIV династии Себекемсафа и жены его царицы Нубхаас. С этим связаны весьма любопытные события, имевшие далеко идущие последствия.

Слухи о преступлении дошли до Песиура, правителя жилой части Фив, расположенной на восточном берегу Нила. В силу, очевидно, не то служебного рвения, не то из желания досадить своему коллеге Певеро, ведавшему западной частью города на противоположном берегу реки, где находились некрополи и поселения рабочих, Песиур, не испугавшись неизбежного скандала, доложил о случившемся своему непосредственному начальнику визирю Хемуасу, указав, что грабители проникли в десять гробниц фараонов, которые он назвал, четыре гробницы жриц бога Амона и во множество склепов лиц не столь важных. Подобная точность, как оказалось впоследствии, стала для него пагубной. Специальная комиссия из девятнадцати высоких сановников, в которую по должности вошел и сам Песиур, с 18-го по 22-й день 3-го месяца времени наводнения в 16-й год правления Рамсеса IX проверяла правильность заявления. Но, к посрамлению доносителя, только одна из указанных им царских гробниц, а именно Себекемсафа, а также гробницы двух жриц действительно оказались ограбленными. Остальные погребения фараонов были признаны ненарушенными. Так ли оно было на самом деле, или члены комиссии во избежание неприятностей проявили снисходительность, ограничившись лишь поверхностным осмотром, сказать теперь, конечно, трудно. Что касается остальных захоронений, то их действительно опустошили воры. Но, с точки зрения проверяющих, это казалось не столь уж существенным: ведь они принадлежали менее важным особам.

Хотя обвинение в общем не подтвердилось, Певоро все же приказал арестовать около двадцати пяти рабочих некрополя, которых подозревал и назвал в своей жалобе Песиур. Они были беспощадно высечены и подвергнуты пыткам, после чего некоторые признались в ограблении усыпальниц. Но так как предъявленные Песиуром обвинения, по мнению комиссии и визиря Хемуаса, подтвердились не все, а лишь незначительная часть из них, да и комиссия была, очевидно, заинтересована в том, чтобы не привлекать внимания фараона к положению дел в некрополе и тем самым не навлечь его гнев, Хемуас счел возможным оправдать Певоро, хотя и противозаконно: преступление все же было обнаружено.

Певоро торжествовал победу над Песиуром. Чтобы ему досадить, он собрал своих подчиненных и переправил их на восточный берег Нила, к дому своего врага. Здесь они устроили настоящую демонстрацию, а затем прошли по улицам столицы, посрамляя врага. Песиур не мог стерпеть подобного поношения. Придя, очевидно, в ярость и утратив всякую осторожность, он пригрозил, что пожалуется фараону, т. е. сделает то, чего, видимо, больше всего опасался Хемуас. Мы даже знаем подробности этой ссоры: она подробно описана в одном из дошедших до нас документов — папирусе Аббот (папирусы часто называют по фамилиям их первых владельцев):

«Вы издевались надо мной перед каждой дверью моего дома. Что вы хотите этим сказать? Я князь, докладывающий властелину!» — кричал Песиур в гневе перед входом в храм Пта в Карнаке своим преследователям.

Он обвинил их в том, что гробница Себекемсафа все же ограблена, и угрожал суровыми карами. Сторонники Певоро возражали. Спор ожесточился. И тут Песиур допустил ошибку.

— Я напишу об этом фараону, моему господину, чтобы он послал слуг фараона, дабы они занялись вами! — сказал он».

Об этой угрозе Певоро немедленно донес Хемуасу. Через два дня был созван суд, который рассматривал вопрос только о неразграбленных гробницах. Песиур, присутствовавший при этом как член суда, оказался в

незавидном положении: ему пришлось выслушать насмешки своего врага и укоры визиря. Дело об ограблении гробницы Себекемсафа по существу обошлось молчанием.

Таково вкратце содержание папируса Аббот. Но он имеет продолжение — так называемый папирус Амхерст, судьба которого достойна того, чтобы посвятить ей несколько строк.

Папирус Амхерст, названный так по имени лорда Амхерста, из коллекции которого он происходит, известен еще с семидесятих годов прошлого века, когда его впервые опубликовали. Затем папирус был приобретен американским миллиардером Морганом и увезен в Нью-Йорк, где хранится ныне в библиотеке, носящей его имя. Но текст-отчет о процессе обвиняемых в ограблении царских гробниц, известных нам по папирусу Аббот, сохранился не полностью. Отсутствовало начало. И не было решительно никакой надежды, что его когда-либо посчастливится обнаружить.

Во вторник, 5 февраля 1935 г. известный бельгийский египтолог профессор Капар пришел рано утром в свой кабинет в Музее искусства и истории в Брюсселе. Он намеревался в этот день ознакомиться с небольшим собранием египетских древностей, переданных в музей по распоряжению короля. Их привез из Египта в середине минувшего века герцог Брабантский, впоследствии вззошедший на престол под именем Леопольда II. В основном это были хотя и любопытные, но все же часто встречающиеся бронзовые и фаянсовые статуэтки различных богов. Среди них находилась полая деревянная погребальная статуэтка довольно грубой работы, принадлежавшая некоему писцу Хаи, «главному надсмотрщику за работами», как гласила начертанная на ней надпись. В такие статуэтки иногда клали погребальные папирусы вроде «Книги мертвых». Поэтому Капар не был поражен, когда, повернув статуэтку, нашел сзади в углублении папирус шириной примерно 20 см, на первый взгляд хорошо сохранившийся.

Убеденный в том, что это один из текстов, которые в большом количестве имеются в каждом крупном музее, профессор решил, что завтрак из-за этого откладывать не стоит. И только после полудня он начал, осторожно орудуя ножом, разворачивать свиток. Каково

же было его изумление, когда он увидел хорошо известную каждому ученому-египтологу дату — «год 16-й Рамсеса IX». Она ведь постоянно встречается в папирусе Аббот. А дальше следовали знакомые по этому папирусу и папирусу Амхерст имена. К огромной радости профессора Капара, ему не составило большого труда установить, что он держит в руках, казалось бы безнадежно утраченное, начало папируса Амхерст. Феллахи, найдя папирус, нередко делят его на части и продают разным лицам, стремясь получить побольше денег. Очевидно, герцогу Брабантскому был предложен в бытность его в Египте подобный разрезанный на отдельные куски папирус. Капар назвал найденный им кусок «папирус Леопольд II».

Таким образом, мы можем теперь гораздо лучше ознакомиться с показаниями преступников, обвиненных в нарушении посмертного покоя фараонов. Каменотес Аменпнуфер, сын Анхернахта, рассказал, что совместно с восемью соучастниками он «имел обыкновение» грабить гробницы. В усыпальнице фараона Себекемсафа, находившейся вблизи Долины царей, «мы взяли наши медные инструменты и пробили ход в пирамиде этого царя. Через ее внутреннюю часть мы нашли ее подземные камеры, и мы взяли факелы в руки и спустились вниз. Мы пробились сквозь щебень, которым было забито отверстие тайника (?), и мы нашли этого бога (фараона) лежащим в глубине своей усыпальницы, и мы нашли место погребения царицы Нубхаас, его супруги, лежащей рядом с ним. Они были защищены плитами и покрыты щебнем. Мы пробили их и нашли их останки [там]. Мы открыли их саркофаги и их гробы, в которых они были, и мы нашли почтенную мумию этого царя, который был вооружен мечом. Множество амулетов и золотых украшений было у него на шее и на голове — золотая диадема. Почтенная мумия царя была сплошь покрыта золотом, и гробы его были внутри и снаружи украшены золотом и серебром и покрыты всевозможными драгоценными камнями. Мы забрали золото, найденное на почтенной мумии этого бога, и амулеты, и украшения, бывшие у него на шее, а также [золото] с гроба, в котором он покоем. Мы нашли царицу в точно таком же состоянии. Мы забрали также все, что нашли на ней, и сожгли их гробы. Мы забрали

все их убранство, которое мы нашли, из золотых, серебряных и бронзовых предметов и поделили это между собой. Так как нас было девять человек... то на каждого пришлось двадцать дебенов золота, что составляет всего сто восемьдесят дебенов*, не считая обломков украшений [гробов]. Затем мы переправились в Фивы».

Естественно, что после подобного признания в самом омерзительном, по мнению египтян, святотатственном преступлении виновные не могли рассчитывать на снисхождение. Результаты следствия доложили фараону, и все они, очевидно, были казнены.

История эта, кратко рассказанная здесь, имеет неожиданное продолжение, и притом почти через три тысячелетия.

Если фараоны XX династии — Рамессиды — не могли обеспечить посмертный покой своих предшественников, то правители следующей, еще более слабой XXI династии, когда кризисное состояние страны усугубилось и она фактически утратила былое единство, в еще меньшей степени могли обеспечить порядок в некрополе, даже в святой святыне его — Долине царей. Самые жестокие кары не останавливали грабителей. Они становились все наглее и наглее. И жрецам то же дело после очередного вторжения грабителей приходилось облачать царские мумии в новые пелены и снабжать драгоценными амулетами и украшениями взамен похищенных. Естественно, далеко не столь щедро. В конце концов они вынуждены были прибегнуть к крайней мере, так как с ворами сладить оказалось невозможно. В первую очередь следовало сохранить останки царей, потому что, утратив земную оболочку — прибежище души Ка, они лишались загробной жизни.

Единственное средство, могущее обеспечить посмертный покой усопших фараонов, — сохранение полной тайны места их захоронения. Но на то, чтобы хоронить их поодиночке, а тем более надежно сторожить, не имелось уже ни сил, ни средств. Поэтому, вероятно, под покровом глухих безлунных ночей, при тщательном соблюдении всех мер предосторожности специально отобранные и проверенные немногие люди, на чью верность

* Дебен=91 г. Таким образом, на долю каждого пришлось 1820 г золота, а всего было похищено 16 кг 380 г.

и честность вполне можно было положиться, собирали по гробницам останки фараонов эпохи Нового царства, некоторых их жен и близких. Всего перезахоронили свыше сорока мумий. Их спрятали, разделив на две группы. Меньшая — тринадцать мумий — нашла прибежище в гробнице Аменхотепа II в Долине царей, другую укрыли в тайнике, вырубленном в амфитеатре отвесных скал, окружающих храм царицы Хатшепсут в Дейр-эль-Бахри. Это произошло при фараоне XXI династии Пайноджеме I, правившем в конце XI в. до н. э. Мы знаем обо всем из пометок, оставленных писцами на саркофагах, например: «Год 6-й, третий месяц времени зимы, день 7-й. В этот день верховный жрец Амона-Ра, царя богов, Пайноджем, сын верховного жреца Амона Паианха, послал главного управляющего Белого дома * Паинеферхира, чтобы перезахоронить царя Охеперенра». Все это было в спешке начертано на саркофаге Тутмоса II. Некоторые мумии пришлось переносить неоднократно. Тело Рамсеса II, после того как грабители побывали в его усыпальнице, спрятали, как гласит надпись на саркофаге, сначала в гробнице его отца Сети I. На сей раз мумии владык Египта укрыли надежно: их нашли лишь через двадцать девять веков.

Жители расположенного вблизи царского некрополя селения Курна издавна, несмотря на строжайший запрет правительства, промышляли тайными раскопками и кладонискательством, зная, что в случае удачи их щедро вознаградят богатые туристы, жаждущие увезти на память о посещении страны пирамид какую-нибудь диковинку. В 1871 г. один из обитателей Курны, Ахмед Абд-эль-Расул, отправился, как обычно, на поиски кладов вместе со своим старшим братом Мухаммедом и одним из соседей. На дне глубокой расселины, прорезающей скалы над храмом Хатшепсут, они натолкнулись на вертикальную шахту глубиной 12 м. От нее внизу отвешлялся коридор, завершающийся продолговатым склепом. Когда Ахмед, спущенный на веревке, оказался перед замурованным входом в галерею, а затем, пробив его, попал в помещение, наполненное почти до потолка саркофагами, он понял, что найденные здесь предметы

* Белый дом — административное здание. Белый цвет символизировал Верхний (Южный) Египет.

могут до конца дней обеспечить его и его близких. Но чтобы избежать дележа, открытие следовало сохранить в тайне от соседей. Поэтому Ахмед, истошно крича, что увидел злого духа — африта, бросился к выходу. Его немедленно подняли вверх. Кладоискатели в ужасе бежали. О том, что там было на самом деле, Ахмед рассказал только брату. В ту же ночь они вернулись к этой шахте, ведя на поводу осла. Убитое животное было сброшено вниз, чтобы, разлагаясь, зловонием отпугивать посторонних. По верованиям арабов, африты очень скверно пахнут. Спустя некоторое время братья убрали падаль и вынесли для продажи несколько корзин, наполненных погребальными статуэтками — ушебти, скарабейми, канопами, свитками папирусов и другими предметами, удобными для переноски. В поисках украшений братья распеленали некоторые мумии. Как профессиональные кладоискатели, они прекрасно понимали значение сделанного ими открытия. По опыту они знали, что имена фараонов всегда пишутся в овальных рамках — картушах. А здесь картуши имелись почти на всех саркофагах. За десять лет «достойные братья», стремясь оградить себя от неожиданностей, лишь трижды спускались в тайник за новыми партиями «товара». Они проникали туда по ночам, соблюдая такие предосторожности, что даже самые близкие соседи не могли ничего заподозрить, хотя и дивились их внезапному обогащению. Древности продавались обычно партиями и только тем покупателям, которые имели разрешение на вывоз их из Египта. Однако некоторые из древностей начиная с 1874 г. стали появляться на антикварном рынке Парижа. Это были статуэтки — ушебти с обведенным картушем тронным именем фараона, чаще всего Пайноджема I (XXI династия). Затем всплыли папирусы с текстами погребальных ритуалов, также явно из царских захоронений. Все это не могло не привлечь внимания крупнейшего французского ученого-египтолога Гастона Масперо, который долгое время занимал ответственный пост директора Службы древностей Египта — департамента, ведавшего охраной памятников. В 1878 г. на страницах специального журнала он высказал предположение, что феллахи открыли одну или несколько доселе неизвестных гробниц фараонов XXI династии.

Длительное расследование привело в итоге к

братьям Абд-эль-Расул и к консульскому агенту Англии и Бельгии в Луксоре Мустафе Аге Айату, приторговывавшему по совместительству древностями. Дипломатическая неприкосновенность делала его неуязвимым. Пришлось взяться за обоих братьев. По ходатайству Г. Масперо их арестовали и доставили к местному мудиру — правителю области — Дауд-паше, о нем можно было сказать все что угодно, кроме того, что ему свойственны снисходительность и мягкость обращения. В доме Абд-эль-Расулов произвели обыск, который, как и следовало ожидать, решительно ничего не дал. Впрочем, Масперо и не тешил себя надеждой на успех. Эта мера должна была оказать психологическое воздействие и побудить кладоискателей к признанию. Но все оказалось напрасным. Ни угрозы, ни деньги не могли заставить их открыть столь тщательно оберегаемый секрет. Более того, все допрошенные жители Курны во главе со старостой единодушно заверяли, что нет никого среди них, кто был бы честнее и бескорыстнее, чем Ахмед Абд-эль-Расул, что он никогда ни тайно, ни явно не производил раскопок, что он не способен утаить даже самый незначительный памятник древности и тем самым нарушить закон. Словом, нет человека менее виновного в приписываемом ему преступлении. Сам Ахмед пытался прикрыться дипломатическим иммунитетом Мустафы Аги, выдавая себя за его слугу. В конце концов его пришлось отпустить на поруки после двухмесячного пребывания в тюрьме и неоднократных «душе-спасительных» увещеваний Дауд-паши, о которых Ахмед без всякого энтузиазма вспоминал до конца своих дней. Так обстояли дела к середине мая 1881 г. Масперо ни с чем возвратился в Париж, пообещав на прощание продолжить следствие зимой.

Это обстоятельство, а также оставшиеся от дознаний впечатления послужили причиной начавшихся в семье Абд-эль-Расулов раздоров. Одни полагали, что минувшими неприятностями все уже кончилось, другие считали, что целесообразнее, пожалуй, выдать секрет и получить обещанное вознаграждение, чем подвергаться риску и лишиться всего. Не обошлось и без меркантильных соображений: Ахмед потребовал в качестве компенсации за свою стойкость и проведенные в тюрьме месяцы половину всех доходов вместо одной пятой, полу-

чаемой прежде. При этом он угрожал донести обо всем властям, если его претензии не будут удовлетворены. Тогда старший брат Мухаммед, предвидя, что ничего хорошего из этой свары не получится, решил предупредить события и извлечь для себя столько выгоды, сколько возможно при сложившемся положении.

Он отправился к мудиру и 25 июня повинился во всем. Дауд-паша немедленно уведомил об этом телеграммой хедива *, который знал от Масперо о безуспешных поисках. Поняв всю важность полученного сообщения, хедив затребовал уточнения. На следующий день в Каир поступило срочное донесение о том, что обнаружено более тридцати саркофагов, в большинстве своем, судя по картушам, принадлежащих фараонам, а также множество других предметов. Перечень обнаруженных вещей может быть составлен только тогда, когда их вынесут из подземелья. Неотложные дела задерживали Масперо на родине. Поэтому в Луксор отправился его заместитель — Эмиль Бругш, брат выдающегося египтолога Генриха Бругша. В распоряжение Э. Бругша предоставили судно и снабдили всеми необходимыми полномочиями. Тем временем Мухаммед Абд-эль-Расул выдал Дауд-паше все вынесенные при последнем «визите» в тайник предметы, среди которых были четыре каноны царицы Яхмес Нефертари и заупокойные папирусы двух других цариц и одной принцессы.

В сопровождении Мухаммеда Э. Бругш и его сотрудники 6 июля спустились в тайник, вход в который был так искусно замаскирован древними строителями, что только случайность позволила его обнаружить. Колодец имел 12 м глубины и 2 м ширины. На дне его на восток отходил коридор высотой 1 м 40 см и 80 см шириной. Через 7,5 м он под прямым углом поворачивал на север и тянулся почти на 60 м, то сужаясь, то расширяясь. Камера, в которую он вел, имела площадь 7×5 м при высоте 4 м. Она была сплошь заполнена саркофагами и мумиями, а также остатками погребального инвентаря, уцелевшего от посягательства древних и современных грабителей. Несколько саркофагов, не уместившихся в камере, преграждали коридор, в том числе саркофаг с останками фараона Сети I. То, что предстало при

* Хедив — титул вице-короля Египта, подчиненного Турции (1867—1914 гг.).

мерцающем свете свечи глазам Э. Бругша, превзошло все самые смелые ожидания. В этом небольшом убогом склепе были собраны, точнее, навалены фараоны. И какие фараоны! Освободители Египта от ига гиксосов — Секененра и Яхмос I, великий завоеватель Тутмос III, воитель и строитель Рамсес II, память о котором пережила века, основатель величия XIX династии — его отец Сети I и другие, не столь прославленные правители.

Братья Абд-эль-Расул так старательно оберегали свой секрет, что даже их ближайшие соседи были поражены такой находкой. Это дало повод для самых фантастических слухов: говорили о сундуках, полных золота, об ожерельях и браслетах, усеянных драгоценными камнями, о могущественных талисманах. Распаленное подобными разговорами воображение могло повлечь за собой даже вооруженное нападение. Ведь жители Курны считали Фиванский некрополь своей неоспоримой собственностью. Надо было действовать быстро и решительно. За сорок восемь часов двести рабочих извлекли все содержимое тайника. Затем каждый саркофаг команда из двенадцати — шестнадцати человек перетаскивала на берег Нила и грузила на судно, на что уходило семь-восемь часов. В разгар лета, под беспощадными лучами солнца, по каменистой и пыльной дороге — поистине адский труд. Несмотря на самый бдительный надзор и контроль, все же одна корзина с пятьюдесятью фаянсовыми ушебти бесследно исчезла. Через три дня после того, как последние предметы доставили на судно, экспедиция благополучно прибыла в Каир.

Так описывает Г. Масперо обстоятельства, сопровождавшие одно из самых удивительных открытий, сделанных в минувшем веке в долине Нила. Действительно, даже при самом смелом воображении трудно себе представить, что мы увидим — пусть в музейной витрине — самых известных фараонов Египта.

Рассказывают, что, когда судно с необычным грузом отплыло от Луксора и начало спускаться вниз по реке, феллахи открыли ружейный огонь, как это принято у них при похоронах, а женщины, распустив волосы, сопровождали жалобными воплями и причитаниями былых владык страны, отправившихся в далекий и неведомый путь.

В тайнике Дейр-эль-Бахри мумии некоторых фараонов эпохи Нового царства отсутствовали. Часть из них нашел через семнадцать лет Виктор Лоре, производивший раскопки в Долине царей. В феврале 1898 г. он натолкнулся на гробницу фараона XVIII династии Тутмоса III, давно уже ограбленную, а спустя месяц неподалеку ему посчастливилось обнаружить усыпальницу наследника и сына этого царя — Аменхотепа II, грозы князьков Сирии и Палестины. Нет возможности подробно описывать это примечательное открытие и обстоятельства, ему сопутствующие. Достаточно сказать, что, расчистив весьма искусно скрытый вход, распознать который можно было только по несколько отличному цветуществу, Лоре проник в ход, перегороженный глубоким колодцем-ловушкой для грабителей, что, впрочем, не помешало им давным-давно побывать здесь не без пользы для себя. Во всяком случае, ценностей уже никаких не осталось. Преодолев препятствие, Лоре, пройдя подземные залы, лестницу и наклонный ход, очутился перед ступеньками, ведущими в крипту*. На дне ее стоял огромный саркофаг из песчаника. Крышка отсутствовала, но антропoidный гроб фараона был на месте, а в нем — мумия Аменхотепа II, единственная до того времени, обнаруженная в Долине царей.

В первом зале на модели судна (их было в гробнице всего четыре; две имели по крайней мере 2 м длины) лежала мумия, лишенная даже покровов. В одной из четырех боковых камер, примыкавших к последнему залу, находились еще три мумии: вероятно, царицы, принца лет пятнадцати, — скорее всего, сына Аменхотепа II — и какого-то мужчины. Саркофаги их отсутствовали. В другой камере, вход в которую был замурован, стояли девять саркофагов, причем только пять имели крышки. Видимо, грабители действовали здесь беспощадно: обломки крышки и части мумии — например, нога молодого принца — попали в первый зал, а части моделей барок оказались в помещении с саркофагами. В саркофагах покоились Тутмос IV, Сети II, Рамсесы IV, V, VI, если судить по картушам и надписям. Но варварские действия грабителей и безответственная поспешность и небрежность чиновников, некогда доставивших сюда остан-

* К р и п т а — гробница, усыпальница.

ки царей или прибиравших гробницу после очередного вторжения в нее воров, привели к тому, что не всегда удается точно отождествить мумии. Например, на нижней части одного из гробов значится имя Рамсеса III, тело которого найдено в тайнике Дейр-эль-Бахри. На крышке другого гроба начертано имя Сети II, но на сделанной приписке мы читаем тронное имя Аменхотепа III. Оно же стоит на самой мумии. Случай этот не единственный.

Мумии Аменхотепа II и некоторых из тех, кого нашли в его усыпальнице, оставили на месте, обеспечив охраной и закрыв вход в нее массивной железной дверью. Тем самым на них навлекли новые беды, о которых рассказывает Говард Картер, занимавший тогда пост старшего инспектора Службы древностей в Южном Египте.

Среди местного населения, и в том числе среди жителей уже знакомой нам Курны, разумеется, распространился слух, будто вновь найденные мумии царей сплошь убраны всевозможными драгоценностями, золотом и серебром. Однажды, в конце ноября 1901 г., во время очередной инспекционной поездки Г. Картера, ночные сторожа некрополя сообщили, что, когда они ужинали, на них напали тринадцать человек с оружием и в масках. Они пригрозили сторожам смертью, если те пошевельнутся или станут звать на помощь. Затем шестеро нападавших остались у входа, а остальные отправились в гробницу Аменхотепа II и ограбили ее. Уходивших с добычей воров сторожа якобы пытались преследовать, но по ним трижды стреляли, и пришлось отступить.

Поспешно прибывшие на место сотрудники Службы древностей установили, что мумия Аменхотепа II вскрыта и ограблена, другая мумия — из переднего зала — разломана на части, а большая модель судна похищена. Через две недели была ограблена одна из горбниц, расположенная в соседней долине Шейх-Абд-эль-Курна, принадлежавшая Имадуа. Следствие, проведенное полицией, в котором активное участие принимал и Г. Картер, доказавший, что присущие археологам наблюдательность и умение делать правильные заключения по малейшим следам не уступают профессиональным навыкам опытного сыщика, установило виновность уже известного нам семейства Абд-эль-Расулов, прежде всего

Мухаммеда, и обоих сторожей, симулировавших ограбление. Виновные понесли заслуженную кару, но похищенная модель судна исчезла бесследно. В общем грабители, видимо, испытали немало разочарований: драгоценностей не было и в помине. Их далекие предшественники похитили всё почти три тысячелетия назад. С тех пор, как правило, обнаруженные в гробницах предметы и мумии предпочитают сразу переправлять в Каирский музей.

Можно привести множество других подобных историй, когда археологам действительно приходилось в том же Фиванском некрополе прибегать к оружию, чтобы отстоять находки от наглых посягательств бандитов, но это, пожалуй, уведет нас далеко от основной темы. Нам следует рассказать о событиях, непосредственно предшествовавших раскопкам Г. Картера и повлекших за собою в конце концов открытие гробницы Тутанхамона.

ПРЕДЫСТОРИЯ ОТКРЫТИЯ ГРОБНИЦЫ

Хотя очень многие гробницы Фиванского некрополя были давным-давно полностью опустошены, тем не менее археологи, начавшие здесь работать еще в прошлом столетии, собрали обильный урожай. Так, например, была открыта углубляющаяся на сотню метров в толщу скал подземная анфилада камер, переходов и зал, образующих усыпальницу Сети I. Правда, ее ограбили еще в древности. И хотя почти каждый из ученых, который руководил раскопками в Долине царей, полагал, что им обнаружено все, что только возможно, тем не менее труды последующих экспедиций XIX в. увенчивались нередко существенными для науки результатами. Сколь оправданно было мнение тех, кто считал, что возможности Долины далеко не исчерпаны, доказывает сенсационное открытие «склада» мумий фараонов в гробнице Аменхотепа II Виктором Лоре. Правда, после этого голоса «скептиков» зазвучали громче, но «оптимистов» они не отпугнули.

Таким оптимистом был американец, «медный король» Теодор Девис (1837—1915), наживший миллионное состояние. Он увлекся египтологией и по совету некоторых видных ученых добился концессии на право монопольных раскопок в Долине царей. Все обнаруженные им предметы, согласно договору, должны были остаться в Египте. При всей своей самоуверенности — а этим свойством, по воспоминаниям людей, его знавших, природа его не обделила — Девис прекрасно понимал, что руководить работой должны специалисты, которых — следует отдать ему должное — он щедро финансировал.

«Экспедиция Теодора Девиса в Долине царей» — под таким заголовком выходили в свет роскошно издаваемые им отчеты — работала с 1903 по 1912 г. Ее, последовательно сменяя друг друга, возглавляли знающие,

опытные и талантливые археологи — Говард Картер, Артур Вейгалл, Эдвард Айртон, которым неизменно сопутствовал успех. В 1903 г. Г. Картер натолкнулся на гробницу Тутмоса IV. Она, правда, была не завершена, но стены двух камер покрывали фрески, изображающие различных богов. Боевая колесница, отделанная великолепными рельефами, а также различные предметы погребального инвентаря, обнаруженные в ней, вполне оправдали затраченные усилия и средства. Последующие годы ознаменовались еще более значительными открытиями. Из них особенно примечательны два: расположенная в не исследованном до того участке Долины между гробницами Рамсеса III и Рамсеса XI гробница родителей царицы Тии — Иуйи и Туи, занимавших высокие посты в клире Амона, и склеп, вернее, тайник самой царицы. В первой из них, вскрытой в феврале 1905 г., находились наилучшие из всех до того найденных предметов мебели — кресла, ложа, а также колесница, богато изукрашенная золотом. Вообще золота не жалели, и, хотя здесь побывали вездесущие грабители, множество ценных изделий и великолепных произведений прикладного искусства еще осталось на месте. Превосходно сохранились и мумии Иуйи и Туи, хотя воры вытащили их из саркофагов и, сорвав погребальные пелены, похитили все украшения и драгоценности. Через два года после того, как А. Вейгалл нашел эту гробницу, в 1907 г. Э. Айртон откопал грубо высеченный в скале тайник — камеру, в которую после восстановления культа Амона тайно снесли останки членов семьи Эхнатона, чтобы уберечь их от мести приверженцев старой религии. Это случилось, очевидно, при Тутанхамоне или Эйе, связанных узами родства с царем-еретиком, скорее при первом из них, потому что найденные здесь печати были с его именем. Видимо, работа велась с соблюдением самых строгих мер предосторожности, потому что, судя по всему, никто не знал о тайнике и всё, даже золото, уцелело. Но многое, очень многое из обнаруженного здесь вот уже почти седьмое десятилетие заставляет ученых ломать голову над установлением истины и служит предметом спора, который они ведут на страницах своих трудов.

Надписи на сосудах, шкатулках, инструментах и других предметах говорят о том, что драгоценности принад-

лежали царице Ти, иногда супругу ее Аменхотепу III, ее же был и большой катафалк, на котором тело доставили в место последнего упокоения. В этом нет никакого сомнения, ибо текст на нем гласит, что сделан он для «матери царя, великой жены царя — Ти». Но кто покоем в великолепном, богато орнаментированном, позолоченном и инкрустированном антропоидном саркофаге, к сожалению сильно пострадавшем от времени и просочившейся воды? Упавший с потолка камень повредил не только саркофаг, но и саму мумию. От нее остались только разрозненные кости и обрывки кожи. Анатомы расходились в определении (и неоднократно меняли его), кому принадлежат останки — мужчине или женщине.

Колонки иероглифов, начертанных на саркофаге, содержали титулатуру Эхнатона, но имя его в картуше старательно стерли. Стерли его и на золотых пластинках, покрывавших мумию. Вначале большинство анатомов склонялись к определению, что все же здесь погребли мужчину. Египтологи приняли его за Эхнатона, чье тело украдкой перевезено из Ахетатона после перенесения столицы в Фивы. Но последующие исследования определили, что останки должны принадлежать лицу, умершему в более молодых годах, скорее всего Сменхкара. Это предположение сейчас почти общепризнанно, хотя некоторые ученые его не разделяют. Так, советский египтолог, один из лучших знатоков Амарнской эпохи, Ю. Я. Перепелкин в своей книге «Тайна золотого гроба» * высказал остроумную, но вместе с тем не лишённую спорности мысль. В тайнике находился саркофаг впавшей в немилость одной из жен Эхнатона — Ки. В какой степени эта догадка верна, покажут дальнейшие изыскания.

Но сколь ни близки по времени и связям с Тутанхамоном были эти открытия экспедиции Т. Девиса, их намного превзошли другие ее находки.

Зимой 1906 г. внимание Т. Девиса «по таинственным причинам», как пишет он сам, привлекла большая скала. Он попросил Э. Айртона осмотреть ее повнимательнее. И действительно, интуиция его не обманула. У самого подножия скалы, в небольшом углублении, лежал

* Ю. Я. Перепелкин, Тайна золотого гроба, М., 1968.

превосходный кубок из голубого фаянса с начертанным на нем тронным именем Тутанхамона — «Прекрасный бог Небхепрура, которому дана жизнь». В следующем, 1907 г., когда был найден склеп с останками Сменхкара, к северу от гробницы Хoremхеба, фараона, сменившего на престоле Эйе, — с ним нам еще придется встретиться — Гарольд Джонс, один из помощников Т. Девиса, на глубине примерно 7,5 м раскопал камеру, почти доверху заполненную высохшей глиной, некогда занесенной сюда просочившейся водой. В ней находился поломанный ларец, в котором лежали золотые лепестки с оттиснутыми на них именами Тутанхамона, Анхесенпатаон и Эйе (последнее без титулов). Под слоем глины лежала алебастровая статуэтка. Через несколько дней после этого археологи натолкнулись поблизости на выдолбленное в скале углубление, в котором были запрятаны большие глиняные сосуды простой работы, содержащие всякий мусор, оставшийся, очевидно, после похорон Тутанхамона: гирлянды листьев и цветов, мешочки с порошкообразной массой, обрывки льняных бинтов, черепки и тому подобный хлам. Поверх сломанной крышки одного из этих кувшинов был намотан обрывок ткани. На нем значилось имя Тутанхамона. По совокупности всех обнаруженных предметов Т. Девис решил, что найдена разграбленная еще в древности гробница Тутанхамона. Заключение это следует признать поспешным и неосмотрительным. Камера была слишком мала, чтобы служить местом погребения фараона XVIII династии. Скорее всего, ее вырубили позднее и упрятали в нее предметы, отысканные помощниками Т. Девиса.

Что касается содержимого сосудов, то после беглого осмотра Т. Девис отправил сосуды на склад экспедиции, так как не усмотрел в них решительно ничего интересного. Только через некоторое время они привлекли внимание американского археолога, сотрудника «Метрополитен-музеума» Г. Уинлока. Ознакомившись с тем, что показалось Т. Девису бесполезным хламом, он выпросил сосуды для музея и, заполучив их, тщательно изучил все, что там находилось. А были в них вещи весьма и весьма примечательные: глиняные печати, одни — царского некрополя, другие — с именем Тутанхамона, фрагменты художественных ваз, венки, которыми

украшали себя плакальщицы на похоронах (как видно на фресках), куски ткани (на одном из них имеется самая поздняя из всех известных нам дат правления этого фараона) и всякие иные предметы, оставшиеся от его погребения. Связанные с сакральными действиями, они, видимо, не подлежали уничтожению. Поэтому их бережно схоронили.

В 1912 г. Т. Девис издал последний из пяти томов отчета о финансируемых им раскопках в Долине царей. Он был посвящен описанию находок в гробнице Хoremхеба и в камере, принятой им за гробницу Тутанхамона. В предисловии к этой книге Т. Девис писал: «Я опасаюсь, что Долина царей теперь исчерпана». С ним согласился и Г. Масперо, который продолжал возглавлять Службу древностей Египта. Иного мнения был Г. Картер.

ГОВАРД КАРТЕР ИЩЕТ ГРОБНИЦУ

Теперь настало время познакомить читателя с Говардом Картером, имя которого будет еще часто встречаться на страницах этой книги. Он родился в 1874 г. в графстве Норфолк (Англия) и был младшим сыном из девяти детей Самуэля Джона Картера, довольно известного в свое время художника-анималиста. Унаследовав художественные способности отца, Г. Картер семнадцатилетним юношей принял участие в качестве рисовальщика в очередной экспедиции «патриарха» египетской археологии, одного из основоположников современного научного метода ведения раскопок — Флиндерса Петри. Под его непосредственным руководством Г. Картер приобрел первые навыки и опыт в области археологии и египтологии. Это была отличная школа.

С тех пор жизнь Г. Картера целиком была посвящена изучению и охране памятников древностей великой цивилизации долины Нила. С 1893 по 1899 г. он работает как художник в экспедиции Фонда египетской археологии в храме Хатшепсут в Дейр-эль-Бахри, а в 1900 г. становится генеральным инспектором Службы древностей в Южном Египте. Он проявил себя здесь как энергичный и знающий сотрудник. В это время им были сделаны интересные открытия, например гробницы Сеннефа в Курне. Именно Г. Картер контролировал раскопки Т. Девиса в Долине царей, в которых вначале сам принимал участие. Затем его перевели на ту же должность в Саккара. Здесь Г. Картер пробыл недолго: из-за занятой им принципиальной позиции в конфликте между одним из его подчиненных и французским журналистом он был вынужден в 1905 г. выйти в отставку и вновь зарабатывать на жизнь живописью. В 1906 г. Картера познакомили с лордом Карнарвоном. Так пересеклись пути этих двух людей. Их встреча, а потом сотрудничество увенчались одним из самых замечательных археологических открытий.

Совершенно иные дороги привели Джорджа Эдварда Стенхопа Молине Герберта лорда Карнарвона, пятого носителя этого титула, к запечатанному входу гробницы Тутанхамона. Наследник огромного состояния, коллекционер и спортсмен, Карнарвон страстно увлекался автомобилизмом — ему принадлежала третья по счету машина, ввезенная в Англию. В результате тяжелой автомобильной катастрофы Г. Карнарвон вынужден был долго и упорно лечиться. Врачи посоветовали ему на зиму отправиться в Египет — подальше от Англии с ее туманами и сыростью. Разумеется, такого коллекционера и любителя старины не могли не заинтересовать, а потом и не увлечь памятники древности Египта, которыми он старался теперь пополнить свои собрания. Лучшим способом для этого, конечно, могли быть раскопки. Но чтобы организовать и руководить ими, надо иметь опыт и специальные знания. Ни тем, ни другим лорд Карнарвон не обладал. После того как он некоторое время, разумеется безуспешно, проработал зимой 1906/07 г. один, Г. Масперо поставил условием выдачи ему лицензии на право производства раскопок обязательное сотрудничество со специалистом-археологом и порекомендовал Г. Картера. Так и состоялось их знакомство.

Надо признать, что упорство в достижении цели, терпение и вера в успех были присущи им обоим. Трудился, конечно, один Г. Картер. Помощь Г. Карнарвона ограничивалась преимущественно наблюдением за работой и подписыванием чеков. Правда, он не скупился.

Г. Картера не оставляла мысль о Долине царей. Но пока концессия на право проведения там раскопок принадлежала Т. Девису, даже думать о ней не приходилось. Окрыленный успехом, Т. Девис ни за какие блага не отказался бы от своих прав. Поэтому Г. Картеру и лорду Карнарвону пришлось довольствоваться исследованиями в других частях Фиванского некрополя. Нельзя сказать, чтобы им сопутствовала неудача, но и похвалиться было особенно нечем. Правда, удалось найти один памятник выдающегося для истории страны значения — небольшую деревянную табличку с начертанным на ней началом легенды или предания об изгнании из Египта фараоном Камесом поработителей-гиксосов.

В остальном превосходно изданный том отчета, подводящий итог раскопок 1907—1912 гг. и озаглавленный «Пять лет раскопок в Фивах», решительно ничего особенно примечательного не содержал.

К лету 1914 г. закончился наконец срок концессии Т. Девиса, и лорд Карнарвон незамедлительно обратился с ходатайством в Службу древностей о предоставлении ему права на производство раскопок в Долине царей. Г. Масперо препятствий не чинил, разрешение выдал, но при подписании документа заметил, что, пожалуй, Т. Девис прав: Долина полностью исчерпана, и на успех рассчитывать не приходится. При всем авторитете Г. Масперо эти доводы Г. Картера не убедили. Примерно то же говорили в свое время Т. Девису, да еще задолго до его раскопок, в XIX в., неоднократно раздавались голоса скептиков. Но и другие причины, более основательные, побуждали Картера не соглашаться с мнением французского академика. Он превосходно изучил Долину и знал, что здесь есть места, еще не исследованные археологами. Их закрывали груды щебня, оставленные прежними раскопками и снесенные редкими, но зато потопообразными ливнями. Правда, чтобы убрать эти сотни и тысячи тонн щебня, следовало запастись терпением и затратить немало сил, средств и времени. Кроме того, среди мумий фараонов, обнаруженных в тайнике Дейр-эль-Бахри и гробнице Аменхотепа II, мумия Тутанхамона отсутствовала, а его, несомненно, должны были похоронить в Долине, потому что именно при нем царскую резиденцию перенесли из Ахетатона обратно в Фивы, да и предметы, оставшиеся от похорон и найденные экспедицией Т. Девиса, служили тому подтверждением. Кроме того, тут находились гробницы близких ему людей. Словом, Г. Картер твердо верил в успех и веру свою сумел внушить Карнарвону.

Прежде всего следовало очистить дно Долины от накопившегося веками и оставшегося от предшествующих раскопок щебня. В это время началась первая мировая война, и Г. Картеру, призванному в армию, лишь урывками удавалось вести раскопки, и то крайне ограниченные. Тем не менее они сопровождались интересными находками. Так, в результате расчистки известной еще с 1799 г. гробницы Аменхотепа III выяснилось, что

предназначалась она для Тутмоса IV, а захоронили в ней царицу Ти. Не обошлось, разумеется, и без грабителей.

Однажды, когда Г. Картер на несколько дней случайно приехал в Луксор, до него дошла весть, что в глухом месте на западном склоне горы, возвышающейся над Долиной, обнаружена неизвестная до того гробница. Шайки грабителей, пользуясь тем, что во время войны труднее стало поддерживать порядок, активизировались и бесцеремонно шарили по Фиванскому некрополю. Но еще раньше, чем слух этот дошел до Г. Картера, другая банда воров, проведав о находке, вооружившись, поспешила на место событий и после схватки овладела гробницей. Только глубокой ночью Г. Картер вместе со своими также вооруженными рабочими поднялся на шестисотметровую гору, где незадолго до того сражались конкуренты. Здесь он увидел веревку. Она круто спускалась по отвесному склону. Снизу доносились приглушенные звуки. Там лихорадочно работали грабители. Отвязав их веревку и привязав свою, Г. Картер недолго думая соскользнул по ней на дно узкой расщелины, где находился вход в гробницу. По собственному его признанию, подобное рискованное предприятие ему решительно никакого удовольствия не доставило. Не вызвало радости его неожиданное появление и у воров. Их было восемь. Не теряя присутствия духа, Г. Картер предложил им либо немедленно убраться, либо оставаться здесь сколько им заблагорассудится, потому что веревку в случае отказа он уберет. До гребня скалы было 43 м, а до дна долины — 73. Грабителям ничего не оставалось, как уступить.

В дальнейшем Г. Картер исследовал эту гробницу, хотя подступиться к ней оказалось делом очень нелегким, а сама она была сплошь заполнена щебнем. Пришлось даже соорудить специальный подъемник. К сожалению, затраченные значительные усилия совершенно не оправдались. Гробница не была закончена, а стоящий в ней большой саркофаг из песчаника оказался пустым. Она предназначалась для царицы Хатшепсут. Но та потом предпочла, подобно другим фараонам, Долину царей. В 1903 г. Г. Картер, работая еще в составе экспедиции Т. Девиса, нашел там ее опустошенную уже в древности гробницу. Если бы Хатшепсут не меняла свое-

Долина царей. Вход в гробницу Тутанхамона.
Над ней — гробница Рамсеса VI

го первоначального намерения, ее посмертный покой, быть может, никто не потревожил бы до наших дней, подобно тому как это случилось с останками фараонов в тайнике Дейр-эль-Бахри.

И только с осени 1917 г. Г. Картер смог наконец приступить к осуществлению намеченного плана — полностью очистить дно Долины от щебня. Для начала убрали треугольный участок, расположенный между гробницами Рамсеса II, Мернепта и Рамсеса VI. Ниже входа в последнюю находились остатки хижин рабочих, некогда занятых ее сооружением. Туристы охотно посещали эту гробницу: она примечательна цветными рельефами, изображающими странствия души усопшего в загробном мире. Г. Картер, не желая мешать осмотру, не тронул фундаменты лачуг, предполагая убрать их как-нибудь потом. Если бы он только мог предвидеть, во что обойдется ему такое решение!

Проходил один раскопочный сезон за другим, миновали 1918, 1919, 1920 и 1921 годы, тысячи тонн щебня убраны со дна Долины, тысячи фунтов стерлингов израсходованы — все напрасно. Результаты далеко не соответствовали затраченным усилиям и средствам: обнаружены лишь две недостроенные гробницы да жертвы закладки* у входа в одну из них.

Так же безуспешно завершились раскопки зимы 1921/22 г. Летом 1922 г. лорд Карнарвон пригласил Г. Картера в свое имение. Поблагодарив за самоотверженный труд, он сказал, что безрезультатность поисков и денежные затруднения, вызванные послевоенным кризисом, вынуждают его прекратить финансирование раскопок. Но археолог был твердо убежден, что работу ни в коем случае прекращать не следует до тех пор, пока хотя бы один участок Долины не останется неисследованным. Он изложил все доводы, побуждающие его верить, что гробница Тутанхамона все же будет найдена. Более того, Г. Картер заявил, что если Карнарвон откажется от дальнейшей оплаты расходов, то он готов взять их на себя. Эти слова произвели впечатление; лорд призадумался. В конце концов они решили испытать счастье еще раз в раскопочную кампанию зимы 1922/23 г.

* Ритуальные статуэтки или таблички с магическими текстами. Считалось, что они обеспечивают сохранность сооружения.

ГОВАРД КАРТЕР НАХОДИТ ГРОБНИЦУ

28 октября 1922 г. Г. Картер приехал в Луксор и через три дня, 1 ноября, приступил к работе. Чтобы добраться до дна Долины на участке перед гробницей Рамсеса VI, следовало убрать остатки лачуг. На это ушло три дня. Под ними находился слой щебня и грунта примерно с метр толщиной. 4 ноября, когда Г. Картер пришел, по обыкновению утром, на место раскопок, ему сообщили, что под полом первой же снесенной хижины и залегавшим под ней слоем щебня показалась ступенька примерно в 4 м под входом в гробницу Рамсеса VI. Мелькнувшая надежда на успех подгоняла рабочих; они стали копать с удвоенной энергией. За первой ступенькой появились вторая, третья, четвертая. Через два дня верхнюю часть лестницы расчистили со всех четырех сторон. Сомнений не оставалось — обнаружен вход в чью-то гробницу. Но тут же возникли опасения: быть может, гробница осталась незавершенной или ее давным-давно опустошили воры, как большинство усыпальниц Фиванского некрополя.

Рабочие тем временем продолжали расчистку ступеней. К вечеру показался верх замурованного входа. На обмазке ясно виднелись оттиски печатей с изображением шакала — священного животного, бога бальзамирования Анубиса, а под ним девять связанных пленников — по три в ряд. Это была хорошо известная печать царского кладбища. Таким образом, гробница явно предназначалась для лица весьма высокопоставленного. Кроме того, в нее никто не мог проникнуть после того, как соорудили усыпальницу для Рамсеса VI, так как вход надежно перекрывали не только слой щебня, но и выстроенные на нем хижины рабочих.

Ирония судьбы! Дважды в предшествующие годы

Остатки хижины рабочих, под которой находился вход
в гробницу Тутанхамона

Г. Картер непосредственно приближался к откопанной теперь лестнице. В первый раз, когда он участвовал в экспедиции Т. Девиса, до нее оставалось лишь 2 м, но Т. Девис предложил тогда перенести раскопки в другое место, как ему казалось, обещающее больше находок. В другой раз — пять лет назад, когда было принято решение сохранить пока домики рабочих

Дойдя до двенадцатой ступеньки, Г. Картер пробил отверстие в верхней части входа и, просунув туда электрический фонарь, убедился, что дальше проход завален мусором и щебнем. Появилась надежда — быть может, гробница не тронута.

Лорд Карнарвон находился в эти дни в Англии. Предчувствуя большой успех, Г. Картер, будучи человеком в высшей степени порядочным и добросовестным, не считал удобным продолжать раскопки в отсутствие того, кто их щедро оплачивал. Поэтому он приостановил работы и отправил 6 ноября в Англию телеграмму: «Наконец сделал в Долине чудесное открытие: обнаружил великолепную гробницу с нетронутыми печатями. Засыпана до Вашего приезда. Поздравляю». Если бы Г. Кар-

тер откопал оставшиеся четыре ступеньки, его бы не томил в течение почти трех недель вызванный мучительной неизвестностью вопрос: кому принадлежит найденная им гробница?

Пока же следовало сберечь ее от возможных покушений. Траншею засыпали, а сверху навалили кучу камней, оставшихся от древних хижин рабочих. Не забыли и про охрану. Надо было подумать и о помощниках. Ведь каждый сколько-нибудь значительный вновь открытый объект ставит множество дополнительных и даже неожиданных задач. Г. Картер пригласил опытного археолога Л. Коллендера, уже не раз работавшего с ним.

23 ноября лорд Карнарвон вместе с дочерью прибыли в Луксор. На следующий день ведущую в гробницу лестницу вновь откопали. Теперь уже до конца — все шестнадцать ступеней. Внизу замурованного входа ясно различались оттиски печатей — среди них несколько с именем Тутанхамона. Интуиция и опыт не обманули надежд Г. Картера: гробница найдена. Но в этот момент достижения, казалось бы, полного успеха сомнение и беспокойство вновь овладели присутствующими. На облицовке двери сверху отчетливо было видно, что ее некогда вскрывали, и притом, вероятно, дважды. Именно здесь приложили печати царского некрополя. Таким образом, и тут, очевидно, побывали грабители, но, конечно, до того, как начали сооружать усыпальницу для Рамсеса VI. В дальнейшем — об этом еще пойдет речь — удалось установить, что воры вторично проникли в гробницу лет через десять — пятнадцать после погребения фараона. Затем ее надежно скрыли щебень, грунт и поставленные на нем хижины рабочих.

Утром 25 ноября, после того как самым тщательным образом на рисунках и фотографиях запечатлели оттиски печатей, разобрали каменную стену, преграждавшую вход. За ней, доверху засыпанный щебнем и камнем, шел наклонный коридор высотой 2,5 м и шириной 2 м. Внизу масса, заполнявшая галерею, состояла из белых обломков, перемешанных с землей, а верхний левый угол, где был когда-то прорыт узкий неровный ход, засыпали обломками темного кремня.

Рабочие приступили к расчистке коридора. Следы, оставленные грабителями, становились всё более явст-

венными: целые алебастровые сосуды и их осколки, черепки, расписные вазы, печати всё чаще и чаще попадались среди щебня. К вечеру значительную часть галереи очистили, но до конца так и не дошли.

Наступило утро 26 ноября — дня, который стал для Г. Картера «днем из всех дней, самым чудесным днем моей жизни». После полудня, когда от входа по коридору прокопали 10 м, показалась другая дверь, также замурованная и запечатанная печатями Тутанхамона и царского некрополя. И здесь виднелись следы взлома. У самого входа лежала превосходной работы деревянная полихромная портретная голова Тутанхамона, как бы вырастающая из подставки, имеющей форму цветка лотоса.

Решающий миг наступил. Сейчас должно выясниться, что ждет их за замурованным входом — очередное разочарование (давно опустошенная гробница или тайник, куда в спешке снесли то, что уцелело от грабежа) или, может быть, им действительно посчастливилось и найдено первое потревоженное или почти не потревоженное погребение фараона! Г. Картер, наученный неоднократно горьким опытом, склонялся к первому варианту.

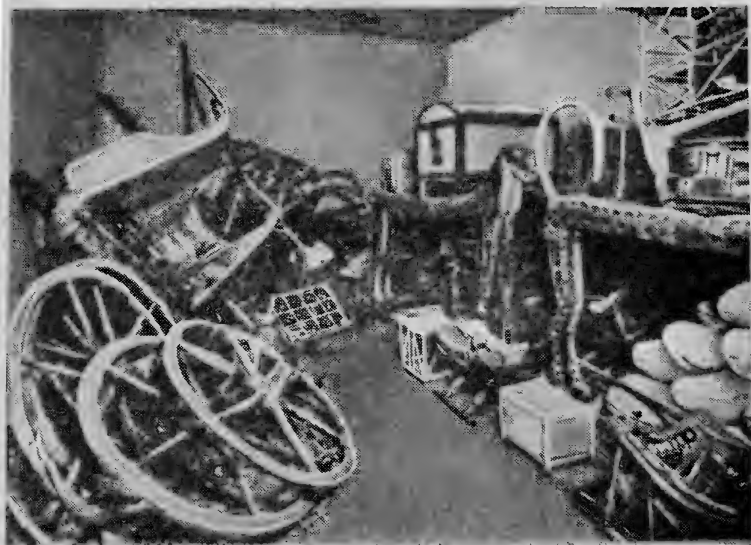
Из коридора вынесли последнюю корзину щебня. В левом верхнем углу двери Г. Картер пробил отверстие — там, где за тысячелетия до него его проделали грабители. Изнутри вырвалась струя спертого нагретого воздуха, которым почти тридцать веков назад дышали люди, последними оставившие гробницу. Просунутый в дыру шуп двигался свободно. Следовательно, за дверью завалов нет. Г. Картер осторожно поднес к отверстию свечу. При ее трепетном свете он увидел то, что не доводилось видеть до него ни одному египтологу, да едва ли доведется когда-либо еще увидеть. На мгновение он лишился дара речи. Обеспокоенный молчанием Картера, лорд Карнарвон с нетерпением спросил:

— Вы что-нибудь видите?

— Да, чудесные вещи! — единственное, что нашелся ему ответить Картер.

А теперь ненадолго предоставим слово ему самому, потому что никто лучше не сможет передать чувства, испытанные им от представшего зрелища:

«Впечатление было грандиозное, смутное, подавляю-

Внутренний вид в момент открытия передней комнаты. Южная часть. Колесницы и ложа с головами зверей. Под передним ложем белые овальные коробки с запасами провизии

щее... ни о чем подобном мы даже не мечтали. Перед нами была комната, настоящий музейный зал... полный всевозможных предметов. Некоторые казались нам известными, другие совершенно ни на что не походили, и все они были навалены друг на друга в неисчерпаемом изобилии.

...Прежде всего справа от нас выступили из темноты три больших позолоченных ложа... Боковыми сторонами каждого ложа служили фигуры чудовищных зверей... головы [их] вырезаны с потрясающим реализмом... Затем еще дальше направо наше внимание привлекли две статуи, две черные скульптуры фараона в полный рост. В золотых передниках и золотых сандалиях, с булавами и посохами в руках, со священными уреями-хранителями на лбу, они стояли друг против друга, словно часовые.

Это были главные предметы... Между ними, вокруг них и над ними громоздилось множество других вещей:

сундуки с тончайшей росписью и инкрустацией; алебастровые сосуды, некоторые с прекрасными сквозными узорами; странные черные ковчег; из открытой дверцы одного из них выглядывала огромная золоченая змея; букеты цветов или листьев; красивые резные кресла; инкрустированный золотом трон; целая гора любопытных белых футляров овальной формы; трости и посохи всевозможных форм и рисунков. Прямо перед нашими глазами на самом пороге комнаты стоял великолепный кубок в форме цветка лотоса из полупрозрачного алебаstra*. Слева виднелось нагромождение перевернутых колесниц, сверкающих золотом и инкрустациями, а за ними — еще одна статуя фараона».

Однако никаких признаков погребения, ни саркофагов, ни мумии не было ни в помине. Присутствующие решили было, что открыт еще один тайник. Но когда внимательнее взгляделись в правую стенку комнаты, где, устремив друг на друга пристальный взор, стояли деревянные покрытые черной краской статуи фараона — изображения его Ка, то между ними заметили еще одну замурованную дверь. Появилась надежда, что за нею имеются и другие помещения и в одном из них, быть может, укрыт саркофаг с мумией царя.

Закрыв вход в гробницу и оставив охрану, археологи, потрясенные увиденным, возвратились на свою базу. Весь вечер строились догадки, предположения о том, что находится за третьей дверью. «Я думаю, что в ту ночь почти все не спали» — так завершает рассказ об этом незабываемом дне Г. Картер.

27 ноября работа началась с рассветом. Прежде всего в гробницу провели электрическое освещение. Одновременно фотографировались и зарисовывались печати на второй двери. Затем разобрали ее и вошли в переднюю комнату — как она была названа Г. Картером и как будет в дальнейшем именоваться нами. Естественно, как только доступ в нее был открыт, археологи прежде

* Кубок этот был показан на привезенной в Советский Союз выставке. Ручки его имеют форму связок из цветка и двух бутонов лотоса. На них — резная фигурка человека, держащего в руках иероглифы, обозначающие «год», опирающиеся на другой знак — «сто тысяч дней», что все вместе символизирует вечную жизнь. По верхнему краю кубка — титулы царя и восхваления ему. Спереди начертано имя бога Амона-Ра и Тутанхамона с его титулами.

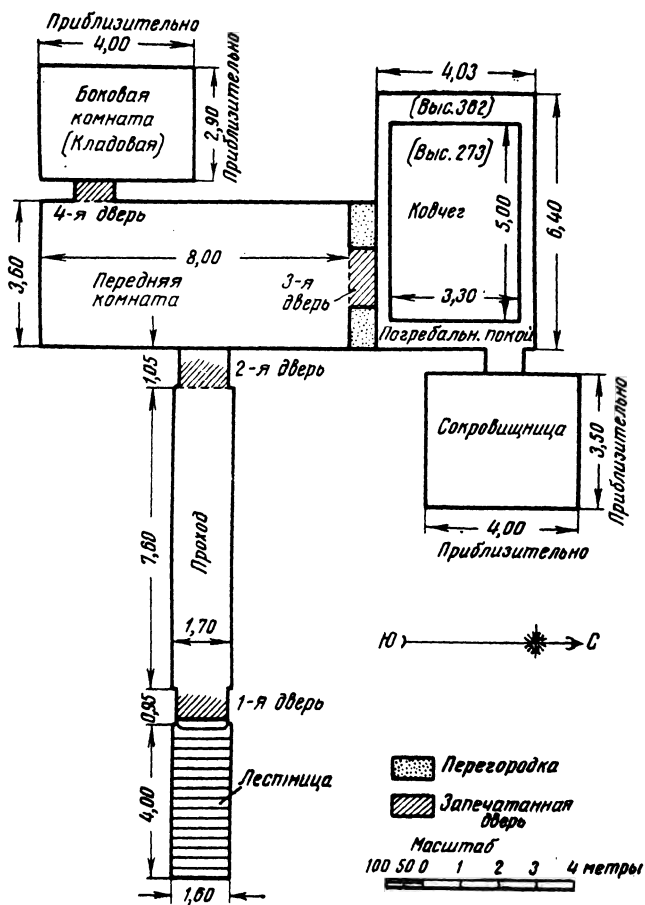

Алебастровый кубок, обнаруженный у входа в переднюю комнату

всего подумали о третьей запечатанной двери. Здесь их постигло разочарование. Внизу, на уровне пола, выделялась заделанная и запечатанная небольшая брешь, достаточная, однако, для того, чтобы через нее мог пробраться мальчик или очень худой мужчина.

Как ни хотелось Г. Картеру, лорду Карнарвону и другим археологам проникнуть за манившую их своей загадочностью дверь, об этом нечего было и думать. Для того чтобы убрать обмуровку, неизбежно пришлось бы сдвинуть с места кое-какие предметы. Могло случиться и худшее — некоторые из них могли быть повреждены, чего, разумеется, следовало всячески остерегаться.

Один из непререкаемых законов современной археологии гласит: ничего не может быть взято или сдвинуто с того места, где находилось в момент открытия, пока не будет точно зафиксировано на плане и сфотографи-

План гробницы Тутанхамона

ровано, а в случае необходимости и зарисовано. Особенно хрупкие предметы следует подвергнуть тут же предварительной консервации — в противном случае возможен непоправимый ущерб. Труд археолога во многом напоминает работу следователя и технического эксперта уголовного розыска одновременно: как последние по мельчайшим следам и приметам восстанавливают картину совершенного преступления и изобличают виновного, так и умелый археолог заставляет говорить

вещи, которые, как правило, рассказывают о событиях, отстоящих иногда на тысячи, а то и на десятки тысяч лет от наших дней. Но рассказ будет правдив только в том случае, если все предметы останутся на тех же местах, где когда-то в последний раз прикасались к ним люди. Г. Картер принял единственно правильное с научной точки зрения решение: вскрыть замурованную дверь лишь тогда, когда в передней комнате будет завершена вся работа и ее полностью освободят.

Первый же беглый и поверхностный осмотр показал, что многие предметы уникальны: некоторые были просто неизвестны, о других знали лишь по изображениям, а третьи сохранились частично, иногда в виде жалких обломков. Любой из всех этих достойных восхищения предметов способен вознаградить за целый сезон раскопок, признает Г. Картер. Следует принять во внимание, что все эти вещи были созданы в период Амарны, когда искусство Египта достигло своего наивысшего расцвета. Ответственность за их сохранение была поэтому особенно велика.

В тот день еще одно открытие ожидало Г. Картера. При более тщательном и внимательном осмотре передней комнаты выяснилось, что под одним ложем, стоявшим направо от входа в юго-западном углу, пробит лаз. Оказалось, что здесь имеется еще одна замурованная дверь, в которой осталось незаделанное отверстие.

Соблюдая величайшую осторожность, дабы ничего не повредить и не сместить, Г. Картер прополз под ложем через брешь в помещение, получившее впоследствии название боковой комнаты или кладовой. В отличие от передней комнаты, имевшей 8 м в длину и 3,6 м в ширину, она была значительно меньше: 4 м в длину и 2,9 м в ширину. Чиновники, пытавшиеся придать передней комнате некоторый порядок после вторжения грабителей, здесь всё оставили в состоянии хаоса, в которое ее привели злоумышленники. Пробраться в кладовую было просто невозможно: ее сплошь загромождали самые разнообразные предметы. Тот из воров, что пролез сюда сквозь пролом, переворошил решительно все, а содержимое ларцов и сундуков просто вывалил на пол. Кое-какие вещи он передал своим сообщникам в переднюю комнату, где те их бросили, поскольку они показались им недостаточно ценными. Естественно, что заняться

кладовой можно было также только после того, как будет очищена передняя комната.

Теперь, когда картина стала более или менее ясной, следовало подумать об организации работы и ее методах. Прежде всего каждую вещь, как уже упоминалось, надо было сфотографировать и нанести на план, а в случае необходимости подвергнуть предварительной консервации. Затем найти подходящее место для лаборатории: ведь все следовало описать, более тщательно отснять, возможно, заняться реставрацией и, наконец, упаковать для перевозки в Каир. Следовательно, требовался и достаточно надежный склад. Для всего этого необходимы были самые разнообразные материалы и, конечно, прежде всего люди — опытные специалисты: археологи, эпиграфисты, химики-реставраторы, художники, фотографы.

29 ноября 1922 г. состоялось торжественное открытие гробницы в присутствии ответственных лиц, а на следующий день ее осмотрел директор Службы древностей. Теперь этот пост занимал профессор Пьер Лако. Тогда же, 30 ноября, в «Таймсе» появилась заметка под заголовками «Египетское сокровище. Важное открытие в Фивах. Длительные поиски лорда Карнарвона». Далее следовал текст, в котором говорилось — здесь корреспондент газеты против обыкновения не преувеличил, — что находка гробницы «обещает быть наиболее сенсационным открытием века в области египтологии». Затем давалось краткое описание обнаруженных предметов, основанное на первых, беглых, не совсем точных впечатлениях.

С этого дня имя Тутанхамона, известное до того лишь ограниченному кругу специалистов, вот уже более полувека не сходит со страниц газет и журналов всего мира. Несколько лет подряд армия журналистов, фоторепортеров, кинооператоров и туристов, устремившихся в обычно тихий и провинциальный Луксор, наводняла печать отчетами, заметками, очерками, статьями и фотографиями, где под самыми заманчивыми, невероятными «шапками» сообщалось о найденных английскими археологами сказочных сокровищах фараона. Популярность Тутанхамона достигла апогея: в Париже даже появляются предметы дамского туалета «à la Тутанхамон». Вся эта шумиха до крайности мешала Г. Карте-

ру и его помощникам, доставив им в дальнейшем немало забот и неприятностей.

Обеспечив надежную охрану гробницы, Г. Картер 6 декабря отправился в Каир для закупки всего необходимого. Что касается лорда Карнарвона, то он возвратился в Англию, надеясь позднее вновь приехать в Египет.

В Каире Г. Картер не только запасся нужными ему материалами и оборудованием, заказав в первую очередь надежную стальную решетку, но и договорился о сотрудничестве с опытными и надежными специалистами. Из экспедиции «Метрополитен-музеума», также работавшей в Фивах, к нему перешли фотограф Г. Бертон и два чертежника. Обещал помощь археолог А. Мейс. Директор Химического департамента, знаток древнеегипетского ремесла и технологии А. Лукас также охотно согласился оказать содействие. Впоследствии к ним присоединились один из лучших знатоков египетского языка, профессор А. Гардинер, и не менее известный историк профессор Д. Брэстед.

В середине декабря Г. Картер вернулся в Долину царей и, установив прежде всего срочно доставленную сюда стальную решетку перед входом в переднюю комнату, с 18 декабря принялся за работу, несмотря на неудобства, вызванные притоком посетителей. Только теперь он получил возможность не торопясь всесторонне ознакомиться с содержанием этого помещения. Следуя его описаниям, постараемся коротко рассказать о наиболее примечательных предметах, находившихся в нем.

Когда чиновники после ограбления гробницы приводили ее в порядок, они оставили посреди передней комнаты проход. Однако он был столь узок, а помещение так загромождено вещами, что двигаться приходилось, соблюдая величайшую осторожность, дабы ничего не повредить и не сдвинуть с места.

Направо от двери стояли на полу широкий алебастровый сосуд цилиндрической формы и два погребальных букета. Рядом находился великолепно расписанный по гипсовой грунтовке деревянный ларец — одно из лучших произведений египетской живописи не только из обнаруженных в гробнице, но и вообще. Крышка его — выпуклая. На ней изображены сцены царской охоты, на боковых стенках — фараон на колеснице, поражающий в сражении с одной стороны азиатов, с другой — негров, на торцах — он же в образе льва попирает своих противников. Необыкновенное по тонкости и по сочетанию красок письмо художника напоминает лучшие образцы иранской и индийской миниатюры. В ларце находились сандалии и парадная одежда царя, подголовники и другие вещи. Все они были беспорядочно перемешаны.

У северной стены по бокам запечатанной двери высились черные статуи Ка фараона. Они были завернуты в льняные покрывала. Далее — по западной стене — тянулись три разборных ложа со скульптурными головами зверей на боковых узких сторонах: льва, коровы и фантастического животного, несколько напоминающего гиппопотама, с раскрытой, усеянной зубами пастью. На них и под ними самые разнообразные предметы образовывали беспорядочную груду.

На первом ложе со львиными головами стояла кровать черного дерева с веревочной сеткой. На панели в ногах находились резные изображения кривоногого карлика — бога домашнего очага и веселья Беса. На кро-

вати лежали колчан со стрелами, луки и посохи. Эти составные луки сделаны очень искусно. На одном — полосы надписей перемежались с орнаментом, на концах другого были вырезаны головки пленников, их затылки служили нарезками для тетивы. Под ложем стояли подставки для светильников из золота и бронзы, алебастровые сосуды для ритуальных возлияний и инкрустированный бирюзовым фаянсом и золотом ларец. В нем обнаружили жреческое облачение царя из шкуры леопарда с нашитыми на ней золотыми и серебряными звездами, большой скарабей и скипетр из золота и голубой стеклянной пасты, воротники и ожерелья из фаянсовых бус, завязанные в платок массивные золотые кольца.

В другом, также стоявшем под ложем сундуке из черного и красного дерева с украшениями из слоновой кости хранились сосуды из алебастра и стекла, ларец с позолоченной змеей, детское креслице, спинка которого тонко сработана из эбенового дерева, слоновой кости и золота, — его можно было увидеть на выставке в Москве и Ленинграде, складные скамеечки, также отделанные слоновой костью, и резная алебастровая шкапулка с красками.

Еще один сундук, окрашенный в белый цвет, был предназначен для луков, стрел и посохов, из которых часть грабители разбросали по комнате. Вместо них они засунули туда скомканные нижние одежды царя. Любопытно, что металлические наконечники стрел оказались похищенными. Из разных посохов наиболее примечателен один — с изогнутой ручкой, образованной сплетенными ногами фигурок двух пленников со связанными руками: африканца и азиата. Их лица, великолепно передающие этнические характерные черты, сделаны соответственно из черного дерева и слоновой кости.

Между первым ложем и следующим (с коровьими головами), на котором было навалено еще больше вещей, находились туалетный столик и превосходной резьбы алебастровые сосуды.

Что касается самого ложа, то на нем стояла, вернее, балансировала еще одна деревянная кровать, а на ней два табурета, один из них — из слоновой кости и красного дерева. Под кроватью лежали белое резное кресло и два систра. Наваленные внизу овальные белые короб-

Расписной ларец

ки с жареными утками и другими яствами предназначались для довольствия фараона в потустороннем мире. Подле ложа стояли два ларца. На одном лежали воротник, связка колец и еще два совсем простых табурета.

Содержимое большего из ларцов, перечисленное в строках курсивного письма, выведенного на крышке, состояло первоначально из семнадцати сосудов из синего фаянса для возлияний. В наличии остались лишь шестнадцать, а недостающий впоследствии нашли в одном из углов этого помещения. Зато в ларец положили фаянсовые чаши, два бумеранга из сплава золота с серебром, резную шкатулку из слоновой кости, а также одеяния и части парадного панциря, состоявшего из нескольких тысяч золотых, фаянсовых и стеклянных деталей.

Еще одно кресло — из кедра — с резьбой, украшенное золотом, лежало на боку между вторым и третьим ло-

Детское кресло Тутанхамона и складной стул

жами. На третьем помещалась лишь одна укладка, ее филенки, окрашенные в белый цвет, вставлены в черную раму. Крышка — выпуклая. На одной из филенок начертаны имена Тутанхамона и его жены. Скрученные в тугие свертки нижние одежды царя были вложены в нее таким образом, что при первом взгляде их приняли за свитки папируса. Это вызвало всеобщий восторг, ибо памятники древней письменности — самое драгоценное приобретение для науки. И тем горше было разочарование.

Под ложем стоял парадный трон фараона. Тот самый, что ныне воспроизводится во всех изданиях, посвященных культуре и искусству Египта. И не удивительно: это подлинный шедевр, одно из величайших достижений художественного мастерства, порожденного великой древней цивилизацией долины Нила. Трон инкрустирован стеклом, фаянсом, цветными камнями и покрыт золотом. Его ножки, которым приданы очертания кошачьих лап, завершаются львиными головами. Они по-

ражают совершенством передачи натуры. Подлокотники имеют форму крылатых змей, увенчанных коронами. Шесть кобр из позолоченного дерева извиваются между поддерживающими спинку брусьями. Но основное, что поражает, это изображенная на спинке трона сцена.

В одном из залов дворца (возможно, еще Ахетатона), колонны которого обвиты гирляндами цветов и украшены фризом из изображений священных кобр — уреев, в кресле в непринужденной, даже несколько небрежной позе сидит Тутанхамон. Падающие сверху лучи солнца озаряют его и Анхесенпаамон. Она, видимо, умашает супруга благовониями из сосуда, который держит в руке. Подобные интимные сюжеты, передающие сцены повседневного быта, чрезвычайно характерны для искусства того времени, так же как и утонченность, плавность, мягкость линий. Цветовая гамма, несмотря на первоначальную — сейчас она несколько потускнела — яркость и обилие тонов, также говорит о тонком вкусе и чувстве гармонии. Обнаженные части тела и лица фараона и его жены выполнены красной стеклянной пастой, головные уборы — бирюзовым фаянсом, а одежда — серебром. Все это, так же как и инкрустированные украшения и орнамент, наложено на золотой фон.

Для историка этот памятник очень интересен. В нем как бы запечатлен тот краткий переходный период, когда религия Атона еще уживалась с восстановленным культом Амона. Солнечный диск изображен так, как его изображали при Эхнатоне: отходящие от диска лучи переходят в человеческие ладони, но имя Атона уничтожено и заменено именем Амона.

У ложа стояли два табурета. Один, показанный на выставке, привезенной в СССР, — великолепен: он изготовлен из черного дерева, золота и слоновой кости и имеет форму складного стула; концам скрещивающихся ножек придана форма утиных головок, а сиденье сделано в виде шкуры леопарда.

Далее, у южной стены, находился другой примечательный предмет, также представленный на выставке, — ковчежец. Со всех сторон он обшит довольно толстыми золотыми листами с выбитым на них барельефом, несколько грубовато и упрощенно передающим различные эпизоды семейного быта Тутанхамона. И здесь имя Атон заменено на Амон. Дверцы ковчежца, имевшего

Золотой трон Тутанхамона. На спинке изображена Анхесенпаамон, умащающая царя

Ковчежец, в котором находилась похищенная грабителями золотая статуэтка какого-то бога или самого царя

очертания небольшого храма или часовни. были раскрыты, внутри находилась подставка для статуэтки, но сама статуэтка, видимо золотая, исчезла бесследно. Очевидно, ее похитили грабители. Ожерелье из огромных золотых, сердоликовых и стеклянных бусин с золотой подвеской, лежало рядом.

Тут же находились еще один сундук для одежды и части разобранного балдахина, а за ними до самого

входа, занимая остальную часть южной стены и отрезок восточной, стояли также разобранные на части четыре колесницы. Покрывающие их украшения были сорваны, а затем в полном беспорядке брошены грабителями. Эти колесницы потребовали тщательной и трудоемкой реставрации.

Здесь же было разбросано множество разнообразных мелких предметов: алебастровые сосуды, посохи, луки, сандалии, четыре опахала из лошадиных хвостов, позолоченные ручки которых завершались львиными головками.

Всего в передней комнате, по предварительным подсчетам, находилось шестьсот — семьсот предметов, и, для того чтобы сохранить многие из них — это было ясно с первого взгляда, — требовались недели тяжелого, кропотливого труда.

Действительно, грабители, а затем должностные лица царского некрополя оставили переднюю комнату, да и вообще гробницу, как выяснилось в дальнейшем, в состоянии такого хаоса, что в тесноте подступиться к отдельным предметам, не рискуя сдвинуть с места, уронить или даже повредить другие, далеко не всегда оказывалось возможным. Чтобы достать некоторые вещи, не нанося ущерба соседним, приходилось прибегать к таким ухищрениям и приемам, что, по словам Г. Картера, «наша жизнь в это время напоминала кошмар». Следовало учитывать и фактор времени. Если, например, для изделий из золота или поделок из камня века и тысячелетия никакого значения не имели, то для других материалов, например ткани, кожи, они оказывались губительными.

Сплошь и рядом, прежде чем прикоснуться к какому-либо предмету, его необходимо было консервировать, иначе он грозил превратиться в бесформенную массу или рассыпаться в прах. Обычно прибегали к парафину или раствору целлулоида. Так закрепили погребальные букеты, расшитые бусами сандалии.

Более тщательная реставрация, но далеко не всегда окончательная, производилась в полевой лаборатории. Под нее приспособили одну из соседних гробниц. Естественно, что при таких условиях дело продвигалось очень медленно и требовало полной отдачи времени, сил и нервов археологов. Ведь каждое необдуманное реше-

ние или неосторожное движение могло повлечь за собой гибель порой уникального памятника, который необходимо было сохранить для науки и последующих поколений.

Самые невероятные слухи о немыслимых сокровищах, обнаруженных Г. Картером, распространились по всей округе и далеко за ее пределами. Они могли возбудить и возбуждали алчность не только обитателей Курны, но и соседних поселений. Следовало опасаться и профессиональных преступников. Денно и ночью три независимых друг от друга отряда стражников охраняли гробницу и подступы к ней. Стальная и деревянная решетки, каждая с четырьмя запорами, надежно замыкали вход. Работа велась только сотрудниками экспедиции.

Порядок ее установили такой: после того как на фотографиях запечатлели общим планом в различных ракурсах вид передней комнаты, группы предметов снимались отдельно, чтобы зафиксировать их взаимоположение. Разумеется, каждой вещи присваивали свой номер. Крупно написанный на листе картона, он прикреплялся к ней и также фиксировался на снимках. Обязанности между сотрудниками были четко распределены. Одни занимались фотографированием, другие — зарисовками и планами, третьи — описанием и предварительной очисткой и консервацией, а также транспортировкой.

27 декабря из гробницы вынесли первый предмет — расписной ларец. Вещи небольшого размера укладывали на носилки, обитые изнутри мягким материалом, для прочности обвязывали — они могли сдвинуться при транспортировке — и бережно несли в лабораторию, где оставляли на носилках до тех пор, пока не придет черед до этих вещей. Что касается крупных предметов, которые не проходили через дверь, то они разбирались на части. Поэтому ложа и колесницы разбирали, а затем, доставив на склад или в лабораторию, собирали вновь. Кстати, их точно таким же образом вносили в гробницу при погребении Тутанхамона, с той только разницей, что теперь это была далеко не легкая операция: за тысячелетия бронзовые шипы наглухо приросли к пазам.

Исследуя обнаруженные в передней комнате предметы, их взаимоположение и некоторые следы, остав-

ленные грабителями, Г. Картер смог в общих чертах восстановить события, происшедшие здесь три тысячи лет назад. Видимо, в первый раз грабители проникли сюда (естественно, ночью), года через три-четыре после захоронения Тутанхамона. После того как это выяснилось, проход, ведущий от первой двери ко второй, засыпали. Обломки сосудов и различных предметов, найденные на полу и в нижних слоях щебня, говорят о том, что до этого времени он был свободен. Когда впоследствии другая шайка (также ночью) решила туда пробраться, вора́м уже пришлось прорывать узкий лаз сквозь заполненный щебнем коридор. Проползти через него могли люди, не отличающиеся полнотой, да и то с трудом. Поэтому преступникам пришлось довольствоваться лишь мелкими предметами.

В кладовой грабители перевернули решительно все. Пол ее был так усеян вещами, что некуда было даже ногу поставить. Когда гробницу приводили в порядок, сюда, должно быть, никто из служителей некрополя не заглянул, так как, чтобы попасть в эту комнату, пришлось бы проползти на животе под ложем. А может быть, решили оставить все как было.

Что касается передней комнаты, то ей постарались придать надлежащий вид. Конечно, до полного порядка было далеко. Сначала можно было подумать, что небрежность в размещении вещей допущена служителями еще во время захоронения фараона: ведь, с их точки зрения, все равно никто не посмел бы нарушить вечный покой усопшего царя. Но впечатление это было обманчиво. Грабители хозяйничали здесь, видимо, так же, как и в кладовой. Иначе трудно понять, почему детали некоторых предметов очутились в разных углах комнаты, а то, что хранилось в сундуках, частично оказалось вываленным на пол. Отдельные вещи попадались в совершенно неожиданных и неподходящих местах, например: крышка одного из ларцов была обнаружена среди разобранных колесниц, сам же ларец стоял в другом конце помещения. При разборе сундуков и укладок выяснилось, что порой содержимое их перепутано — так, одежды фараона лежали вместе с посохами и луками; другие же посохи и луки валялись на полу. Фаянсовые сосуды попали в одну шкатулку с ювелирными украшениями и статуэтками. Некоторые укладки оказались на-

половину, а то и более пустыми. Но не только это доказывало, что первоначальный порядок нарушен. На многих сундуках и ларцах имелись небольшие таблички с перечнем хранящихся в них вещей. Поэтому нетрудно было установить, что в них находилось до того, как в гробнице побывали грабители. С помощью таких перечней удалось частично определить похищенное.

Когда воры сквозь проломы в обеих дверях проникли внутрь — как уже было сказано, разумеется, это произошло ночью, скорее всего безлунной, и, быть может, не без ведома охраны, несшей в это время службу, — они с лихорадочной торопливостью занялись поисками ценной добычи, но такой, чтобы ее удобно было вынести и спрятать. Ведь до восхода солнца следовало скрыться и по возможности замести следы, а, судя по всему, воры оставались в гробнице не один час. Им пришлось пробить четыре лаза сквозь замурованные двери, да и поиски добычи заняли время. При тусклом и мерцающем свете маленького светильника или факела они судорожно рылись в сундуках, выбрасывая все, что не представляло для них интереса и отшвыривая в сторону мешавшие им предметы. Иногда в спешке грабители ошибались, принимая позолоченное дерево за драгоценный металл. Поэтому оказались выломанными многие резные украшения мебели, покрытые позолотой. Но кое-что второпях воры и не заметили. Поэтому некоторые весьма ценные золотые изделия, на радость археологам, уцелели. Но зато другие пропали бесследно, как уже упомянутая золотая статуэтка из ковчежца. Перевернув все в передней комнате, грабители, пробив лаз под ложем, проникли в кладовую, а затем и в другие помещения гробницы. Забегая вперед, скажем, что если им не удалось поживиться в погребальном покое, то из примыкавшей к нему Сокровенной сокровищницы исчезли хранившиеся там многие драгоценные украшения. Но об этом стало известно лишь спустя несколько лет.

Возможно и даже вероятно, среди грабителей находился человек (или несколько человек), хорошо знакомый с расположением помещений гробницы. Ход в кладовую, несмотря на то что замурованную дверь заслоняло ложе, пробили точно в надлежащем месте.

Воры так торопились, что даже позабыли явно приготовленные для выноса массивные золотые кольца, за-

вернутые в платок. Это доказывает, что люди, приводившие помещение в порядок, хотя и не отличались аккуратностью, зато были безусловно честными. Похитить такой сверток ничего не стоило.

Но, возможно, как полагает Г. Картер, грабителей удалось захватить на месте преступления или несколько позднее, и украденные ими вещи возвратили обратно. В этой гипотезе он находит объяснение тому обстоятельству, что очень многие ценные предметы все же сохранились. Но тогда остается непонятным, почему немало вещей исчезло. Если грабителей поймали сразу, то при них должны были найти и всю добычу. Если же их арестовали позднее, когда кое-что они успели продать, то возникает вопрос: на какое время усыпальница оставалась открытой? Едва ли надолго. Разумеется, обо всем этом мы можем лишь гадать вместе с Г. Картером.

Второй раз грабители проникли в гробницу для того, чтобы выкрасть благовонные масла и смолы, хранившиеся в каменных сосудах. Эти ароматные вещества, доставлявшиеся с большими трудностями и затратами из далеких южных стран, очень ценились. Вынести тяжелые и громоздкие сосуды нечего было и думать. Для масел припасли меха, которые протаскивали через лаз.

Обнаружив вторичное ограбление, служители некрополя вновь замуровали вход в переднюю комнату и поставили на нем печати с изображением шакала и девяти связанных пленников. Прорытый в коридоре ход засыпали щебнем. Точно так же замуровали и запечатали наружный вход. Как удалось оградить гробницу от новых посягательств — сказать трудно. Может быть, ее завалили землей и утрамбовали. Во всяком случае во времена правления XIX династии и первых фараонов XX династии в гробницу никто не проникал. А затем ее надежно скрыли лачуги рабочих, строивших усыпальницу для Рамсеса VI. Они, конечно, не подозревали, какие сказочные сокровища таятся под полом их жалких жилищ.

Пожалуй, нигде в мире, кроме зоны вечной мерзлоты, климатические условия так не благоприятствуют сохранению памятников древности, как в Верхнем Египте, где находится Долина царей. Причина тому — сухой

воздух в сочетании с очень редкими дождями. Но все же время не могло не сказаться. Состояние изделий из дерева, пока те находились в гробнице, казалось, не внушало никаких опасений. Но, вынесенные оттуда, они начинали из-за разницы температур сжиматься, что угрожало покрывавшей многие из них грунтовке, которая трескалась и осыпалась. А повреждение грунтовки нанесло бы непоправимый ущерб имеющейся на ней живописи или листовому золоту, украшавшему эти предметы. Пострадали и ткани, особенно те, что были скомканы и в таком виде втиснуты в сундуки. Особое опасение внушали узоры из бус и розеток, которыми они были расшиты. Кожа превратилась в клейкую массу. Все это, разумеется, следовало восстановить.

На помощь пришли терпение и химия. Иногда сразу же на месте приходилось нанизывать бусину за бусиной на новую нитку или в том же порядке переносить на покрытый тонким слоем парафина лист картона или фанеры, с тем чтобы в более удобных условиях окончательно закрепить вышивку, воротник или какое-либо иное украшение. Хорошо, если пронизь была только одна, но это случалось редко. Египтяне очень любили воротники, состоявшие из нескольких скрепленных между собою рядов пронизей. Иногда приходилось заменять безнадежно поврежденные от времени детали, например истлевшее дерево, для того, чтобы сохранить весь предмет в первоначальном виде.

Как велась работа в лаборатории? Это был очень ответственный участок. От аккуратности и добросовестности занятых здесь сотрудников зависела не только сохранность вещей, но и надежность и точность научных выводов, которые предстояло сделать в дальнейшем.

Каждый поступающий в лабораторию предмет прежде всего регистрировался и получал свой номер. Затем составлялось его описание, куда заносились сведения о размерах, надписях, если они имелись, сохранности, примененных способах консервации и т. п. Здесь производилась и предварительная реставрация. В дальнейшем выяснилось, что некоторые памятники, на первый взгляд или первое время не внушавшие опасения, нуждались в серьезной и срочной помощи. Так, через несколько недель великолепный расписной ларец, вынесенный первым из гробницы, начал рассыхаться, грунтовка грози-

ла осыпаться. Надо было срочно спасти живопись. Помог растопленный парафин, которым закрепили грунтовку.

На восстановление отдельных вещей ушли многие недели кропотливого труда. Здесь придется ограничиться лишь одним примером, но, пожалуй, наиболее характерным — реставрацией парадного панциря, разодранного и разброшенного грабителями. Изображения таких панцирей известны давно, но найден он впервые. Этот экземпляр был искусно составлен из четырех частей: «собственно панциря, выложенного золотом и сердоликом, с окантовкой из лент и наплечниками, инкрустированными золотом и цветными бусами; из воротника с традиционными бусами из сердолика, зеленого и голубого фаянса и золота и из двух великолепных ажурных золотых пластинок с разноцветной инкрустацией, одна из которых свисала на грудь, а вторая уравнивала первую сзади».

Сначала был установлен рисунок и расположение его верхних и нижних полос, инкрустированных золотыми пластинками, затем определили, как верхний воротник соединяется с наплечниками при помощи золотых же палочек. По фрагменту ожерелья восстановили точное его расположение. Конечно, реконструкция была приблизительной, так как некоторые детали обнаружить не удалось, остались, кроме того, кое-какие неясности, но все же теперь это был панцирь, а не разрозненные обрывки, собранные археологами.

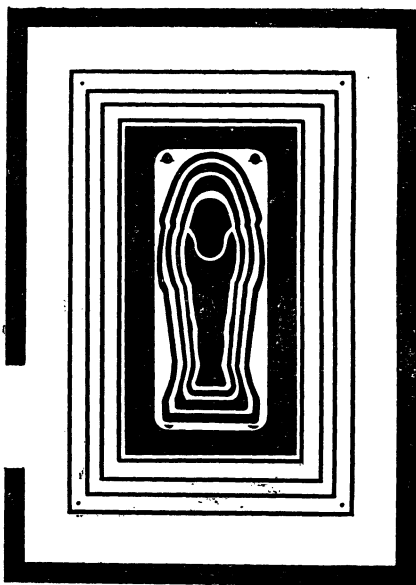
Летом раскопочный сезон завершился — работать в это время года в Долине царей из-за неимоверной жары невозможно. Следовало подвести итоги и заняться упаковкой и перевозкой всех найденных вещей в музей Каира. Каждый предмет уложили так тщательно, чтобы была обеспечена его полная сохранность. Погребальные букеты засыпали опилками, а луки, посохи, ножи стульев и т. п. перебинтовали. Всего к отправке было подготовлено восемьдесят девять ящиков. По специально проложенной узкоколейке их перевезли к берегу Нила. Рельсы укладывали секциями. Когда тележки проходили данный отрезок, их снимали и переносили вперед. Наконец, 15 мая 1923 г. все ящики погрузили на баржу. Под охраной солдат, сопровождавших бесценный груз, она через неделю благополучно достигла Каира.

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ПОКОЙ

Еще за три месяца до того, как баржа отчалила от пристани Луксора, из передней комнаты был вынесен последний предмет. В ней оставались только стоявшие по сторонам замурованного входа две статуи Ка фараона, огражденные досками. Теперь можно было наконец приступить к вскрытию запечатанной двери. Этот день, со страстным нетерпением ожидаемый Г. Картером и его сотрудниками, да и не только ими, наконец наступил. 17 февраля 1923 г. избранные посетители, допущенные в гробницу, уселись за легким барьером.

Когда Г. Картер, соблюдая максимальную осторожность, пробил в перегородке небольшую брешь и просунул в нее электрический фонарь, перед ним на расстоянии метра замерцала стена, будто бы сделанная из чистого золота. Работа продвигалась медленно; ведь камни, которыми была замурована дверь, могли обрушиться внутрь и повредить все, что там находилось и еще оставалось невидимым, да и оттиски печатей хотелось сохранить.

Брешь постепенно увеличивалась. Когда она стала достаточно широкой, то выяснилось, что золотая стена — это не что иное, как бок огромного позолоченного ковчега. Только через два часа утомительной работы Г. Картер передал последний камень помогавшим ему Мейсу и Коллендеру. Наконец путь был свободен. Пол помещения, куда предстояло проникнуть археологам, располагался более чем на метр ниже уровня передней комнаты. Менее метра оставалось между ней и стенками ковчега. Осторожно спустившись, Г. Картер с фонарем в руках двинулся вдоль ковчега. Как только он дошел до угла, дорогу ему преградили две великолепные вазы, выточенные с необыкновенным мастерством из але-

Схематический план погребального
покоя, ковчегов, саркофага и антро-
пoidных гробов с мумией Тутанх-
амона

бастра. Отметив место, где они стояли, Г. Картер передал вазы коллегам, а сам отправился дальше.

Ковчег почти полностью заполнял погребальный покой, как называли это помещение. Он имел 5 м в длину, 3,3 м в ширину и 2,73 м в высоту. Что касается самого погребального покоя, то его площадь равнялась $6,40 \times 4,03$ м. Таким образом, для прохода оставался лишь узкий промежуток — примерно 0,65 м.

Золотая облицовка сплошь покрывала ковчег. Только пластинки из блестящего синего фаянса с изображением магических символов нарушали монохромность его поверхности. Вокруг ковчега располагались всевозможные эмблемы и магические знаки, долженствующие обеспечить фараону посмертный покой и безмятежное пребывание в загробном мире, а в северном углу лежали семь весел, которыми ему следовало воспользоваться при переправе через потоки потустороннего царства.

Из всех помещений гробницы только стены погребального покоя были расписаны фресками и сопровождающими их надписями. Некоторая небрежность рисунка возмещалась яркостью красок, подобранных со вкусом.

Двустворчатая дверь во всю ширину восточной стенки замыкала ковчег. Печати отсутствовали. Значит, грабители проникли и сюда? Медленно распахнулись массивные створки, словно и не прошло трех тысяч лет с того дня, как их закрыли в последний раз. Нетрудно представить себе восторг археологов, когда они увидели, что на втором ковчеге, находившемся внутри первого, засов скреплен нетронутой печатью. Этот ковчег покрывал полог с нашитыми на нем золотыми розетками. Ничего не тронув и закрыв створки, Г. Картер и его сотрудники продолжали осмотр погребального покоя. И вновь — неожиданность. В восточной части помещения оказалась низкая дверь, которая вела в небольшую камеру, по площади примерно равную боковой комнате (кладовой). Камера эта получила название Сокровенной сокровищницы. В глубине ее также стоял ковчег, но значительно меньших размеров. Его венчал карниз из изображений уреев — священной кобры, олицетворения богини Уаджит, отвращающей зло от царя. Широко раскинув в стороны руки, четыре статуэтки богинь-хранительниц — Исиды, Нефтиды, Нейт и Селкит — стояли с четырех сторон ковчега, как бы оберегая его. Резчик сумел передать с необыкновенным изяществом и искусством нежность и кротость их лиц в сочетании с юной женственностью. В этом ковчеге хранились вынутые при бальзамировании и помещенные в специальные сосуды — канопы — внутренние органы покойника. Согласно ритуалу их было четыре.

Вход оберегал распростертый на постаменте, установленном на салазках, завернутый в льняные пелены бог-шакал Анубис. За ним стояла голова коровы Мехурет, воплощение богини Хатор. Эти образы связаны с загробным миром. В Сокровенной сокровищнице находилось еще множество других прекрасных вещей. Но даже при первом, беглом осмотре стало очевидным, что и сюда проникли воры. Какой ущерб они здесь нанесли, предстояло выяснить в дальнейшем. Пока же Г. Картер, его сотрудники и приглашенные в этот день гости один

за другим выходили из погребального покоя, совершенно потеряв дар речи от изумления и восторга.

Через неделю вход в гробницу опять засыпали — в третий раз — и установили надежную наружную охрану, чтобы обеспечить ее неприкосновенность до начала следующего сезона. В оставшиеся недели, до отправки в Каир вещей из передней комнаты, работа продолжалась в лаборатории.

Новый сезон также начался здесь. Следовало завершить консервацию колесниц и подготовить их вместе с парадными ложами к перевозке в Каир, так как раньше сделать это не успели. В гробнице обе статуи Ка фараона отодвинули от разделяющей погребальный покой и переднюю комнату перегородки, а саму ее снесли. Иначе работать в погребальном покое и выносить оттуда вещи не представлялось возможным. Кроме того, следует принять во внимание царившие в гробнице страшную жару и духоту при полном отсутствии вентиляции.

А задача, стоявшая перед археологами, была очень нелегка и весьма ответственна. Предстояло разнять и извлечь тяжелые позолоченные ковчег. Как выяснилось в дальнейшем, их было четыре. На изготовление ковчег пошли дубовые доски до 5,5 см толщиной. Дерево покрывала грунтовка с нанесенной на нее позолотой. Наружные стороны ковчег украшали рельефные изображения богов и всевозможных символов, а сопровождавшие их столбцы иероглифических текстов содержали отрывки из некоторых глав «Книги мертвых». Каждый из ковчег имел символическое значение. Внутренний, четвертый, олицетворял дворец фараона, третий и второй — дворцы Южного и Северного Египта, а первый с его двойной выгнутой крышкой — горизонт. Его размеры, как уже упоминалось, были весьма внушительны: длина — 5,08 м, ширина — 3,3 и высота — 2,73 м. Естественно, что величина внутренних ковчег последовательно уменьшалась до соответственно $2,90 \times 1,48 \times 1,90$ м последнего из них — четвертого.

Эти огромные «контейнеры» уникальны. Других подобных памятников не сохранилось. Надо полагать, что и остальные фараоны того времени были захоронены точно таким же образом. Поэтому изучение ковчег позволило бы восстановить обряд погребения эпохи Нового царства наиболее полно. Следовательно, надо было

принять все меры предосторожности, чтобы ничего не повредить. От времени и сухости дубовые доски сжались, образовав пустоты между ними и слоем позолоты, которая начала осыпаться. Части ковчегів соединялись между собой скрытыми деревянными шипами, и найти места скрепления под покрывавшими всю поверхность рельефами и резными украшениями было нелегко. Когда, наконец, их удалось обнаружить, шипы перепилили с помощью плоской пилы.

Ковчегі извлекали по частям. Действовать приходилось с величайшей осторожностью — и это при весе отдельных деталей от 250 до 750 кг. Дело осложнилось еще более, когда выяснилось, что отдельные шипы сделаны из массивной бронзы и на них начертано имя Тутанхамона, что безусловно обязывало их сохранить.

Постоянно возникали новые трудности, которые приходилось устранять в неимоверной тесноте. Г. Картер и его помощники ходили все время с царапинами и с синяками. В общей сложности все четыре ковчега были собраны из восьмидесяти отдельных частей, причем каждая требовала, так сказать, «индивидуального» подхода в зависимости от степени сохранности и положения по отношению к другим частям.

Второй ковчег был перекрыт полотняным пологом с нашитыми на нем металлическими розетками. Под их тяжестью истлевшая ткань грозила разорваться, и тогда восстановить узор не удалось бы. Пришлось ее закрепить дюропреном *. Накрученный на деревянный валик, полог был вынесен в лабораторию, где подвергся дополнительной консервации, обеспечившей его сохранность.

Когда покров сняли, появилась возможность открыть двери второго ковчега. Печати на них, как уже говорилось, к великой радости ученых, оказались нетронутыми. Сохранились они и на дверях остальных двух ковчегів, которые один за другим, отодвигая засовы и отводя в стороны тяжелые створки, открывал Г. Картер. За последней дверью его взору предстал огромный желтый саркофаг из кварцита. Распростертыми руками и крыльями его обнимали изваянные на углах богини-хранительницы, уже известные нам Исида, Нефтида, Нейт и Селкит.

* Д ю р о п р е н — хлорированная резина, смешанная с каким-либо органическим раствором,

Но прежде чем вскрыть саркофаг, предстояло еще разобрать и вынести из погребального покоя оставшиеся три ковчега, на что ушло восемьдесят дней, заполненных до предела тяжелой физической работой. При этом выяснились некоторые любопытные обстоятельства: удалось установить, как собирали ковчеги древнеегипетские мастера. Им также приходилось трудиться в тесноте и духоте и к тому же при очень слабом освещении. Они, по-видимому, внесли вначале части первого ковчега и расставили их вдоль стен в той последовательности, какая им требовалась для сборки; затем соответственно — части второго, третьего и четвертого. Естественно, что вначале собрали внутренний, четвертый ковчег. Стремясь облегчить работу, древние плотники и столяры аккуратно перенумеровали детали и отметили ориентировку. Но в темноте и в спешке — а ее следы видны во всем — рабочие перепутали ориентировку боковых стенок по отношению к сторонам света. Поэтому двери ковчег-ов обращены не на запад — как того требует ритуал, — где, по представлениям египтян, находилась обитель мертвых, а на восток. К порученному заданию они отнеслись не очень добросовестно: молотком или каким-то другим инструментом повреждена при сборке позолота, кое-где даже отбиты детали, осталась неубранной стружка.

Между третьим и четвертым ковчегом лежали парадные луки и стрелы, а также два парадных опахала, которые обычно несли за фараоном и членами его семьи. Оба они покрыты листовым золотом. Одно из них демонстрировалось у нас на выставке. На нем изображен Тутанхамон в колеснице, в сопровождении охотничьей собаки, стремительно преследующий страуса, а также его триумфальное возвращение домой после удачной охоты. К сожалению, от страусовых перьев этих опахал остались лишь следы.

Когда вынесли части четвертого ковчега, посреди погребального покоя предстал во всем своем величии желтый кварцитовый саркофаг. Он имел 2,75 м в длину, 1,5 м в ширину и 1,5 м в высоту. Углы монолитной нижней части опирались на алебастровые подставки. У одной из сторон находился предмет, символизирующий позвоночный столб владыки загробного мира бога Осириса — «джед». Саркофаг перекрывала плита из розо-

Саркофаг из кварцита внутри четвертого ковчега в погребальном покое

вого гранита, окрашенная в желтоватый цвет. Для того чтобы ее приподнять, пришлось подготовить целую систему блоков — ведь она весила около 1250 кг.

Наконец, наступил долгожданный момент, когда можно было вскрыть саркофаг. По команде Г. Картера плита медленно поднялась и повисла в воздухе. Нетерпеливому взору избранных, допущенных в этот день в погребальный покой, предстало вначале нечто темное и бесформенное — это были покровы из полотна. Но когда их сняли, ослепительно засверкало золото. Крышка деревянного, покрытого золотой фольгой гроба изображала Тутанхамона. Гроб покоился на носилках и заполнял

весь каменный саркофаг. Он имел 2,25 м в длину. Распростертые крылья богинь Исиды и Нефтиды заключали его в свои объятия. Скрещенные на груди руки царя, сжимавшие скипетр и бич — символы власти фараона, были сделаны, как и его голова, из массивного золота. Глаза, выполненные из арагонита и обсидиана, имели необыкновенно живое выражение. Специально подобранным сплавом золота художник стремился как можно точнее воспроизвести цвет тела. Две эмблемы — коршун и кобра — символы Нехебт и Буто, богинь Верхнего и Нижнего Египта, покровительниц власти царя, — венчали лоб фараона. На них был надет маленький, сплетенный из васильков венок, как предполагает Г. Картер, последний дар юной вдовы Анхесенпаамон своему безвременно умершему супругу. Васильки цветут в Египте в конце марта — начале апреля. Таким образом, погребение Тутанхамона состоялось, вероятно, в это время.

Только теперь, когда из погребального покоя вынесли ковчеги, появилась возможность детально ознакомиться с фресками, покрывавшими его стены. Несомненно, перегородку, отделявшую это помещение от передней комнаты, воздвигли лишь после того, как собрали ковчеги. Иначе невозможно было бы ни внести громоздкие детали, ни соединить их. Погребальный покой оштукатурили и расписали фресками лишь после того, как плотники и столяры завершили работу, потому что фрески на всех четырех стенах выполнены в одной манере и на них незаметны следы повреждений, неизбежных, если бы ковчеги собирали до того, как была завершена роспись. Поэтому художники писали в совершенно невыносимых условиях — в узком проходе, ширина которого не превышала 65—70 см, и при недостаточном освещении коптящими светильниками.

На фресках изображены религиозные сюжеты и сцены погребения Тутанхамона. Из них особенно примечательна одна — на северной стене. Преемник Тутанхамона — престарелый Эйе в полном облачении фараона и с царскими регалиями совершает ритуальный обряд «отверзания уст», так, как это, согласно мифам, проделал некогда бог Гор со своим отцом Осирисом, которому уподоблен Тутанхамон. На некоторых других фресках умерший фараон представлен вместе с богами и богинями — Осирисом, Анубисом, Нут, Исидой и др. На

Первый антропoidный гроб внутри кварцитового саркофага

восточной стене изображена похоронная процессия. Придворные тянут гроб на полозьях. Они возглашают: «О царь! Добро пожаловать в мире! О бог, защитник страны».

Явные следы небрежности в погребальном покое, должно быть, являются следствием спешки, недостатка света и тесноты. Второй сезон работ продолжался только четыре месяца и был надолго прерван в связи с неожиданными обстоятельствами.

В апреле 1923 г. лорд Карнарвон скончался. Укус москита вызвал осложнения. Перевезенный в Каир, он заболел воспалением легких и умер. Его кончина послужила основанием для возникновения нелепой легенды о «проклятии фараона», долго раздуваемой прессой, ищущей дешевые сенсации и потрафляющей вкусам легковверных читателей. Заметим попутно, что главный «виновник осквернения могилы» Г. Картер всегда говорил о гробнице как о «самом безопасном месте на свете». Он на семнадцать лет пережил свое открытие и умер в 1939 г. в возрасте шестидесяти пяти лет.

Кончина лорда Карнарвона сразу же повлекла за собой финансовые затруднения, которые, правда, были

быстро ликвидированы, так как наследники покойного согласились оплачивать дальнейшие расходы. Но главные осложнения заключались отнюдь не в них. Огромный, непрекращающийся интерес, вызванный во всем мире открытием гробницы Тутанхамона, создал тяжелую, даже склочную обстановку вокруг Г. Картера. Толпы «высокопоставленных» и «влиятельных» посетителей, вооруженных рекомендательными письмами и записками, толпы репортеров, фотокорреспондентов и кинооператоров, несметные полчища туристов буквально осаждали гробницу, требуя разрешения на осмотр. Все это угрожало сохранности находившихся в ней памятников, не говоря уже о том, что затрудняло работу и замедляло ее темпы. Г. Картер — далеко не всегда сдержанный и совсем не дипломат — порой весьма резко и категорично отказывал посетителям, чем возбуждал, разумеется, обиды, недовольство и поток жалоб. Кроме того, лорд Карнарвон, имевший тенденцию, вопреки мнению Г. Картера, рассматривать гробницу чуть ли не как свою личную собственность, уступил за приличную сумму (в целях покрытия расходов) монопольное право первых публикаций газете «Таймс». Это вызвало протесты не только других газет, но и некоторых членов правительства Египта, вынужденных обращаться за информацией о событиях в своей собственной стране к английской прессе. Впрочем, стоявшие тогда у власти политики тоже не прочь были использовать гробницу, как источник обогащения. Но непримиримость Г. Картера служила всему помехой. В результате возникших весьма резких трений его отстранили от производства дальнейших работ, гробницу закрыли и у дверей поставили охрану. Дело перешло в суд. Только после довольно скандального процесса удалось достигнуть соглашения. Любопытно, что имя Г. Картера при этом почти не упоминалось. Права признавались лишь за наследниками Карнарвона, к которым перешла концессия. На все эти дразги, столь обычные, когда на первый план выступают меркантильные соображения, ушло немало времени. Поэтому вторая половина зимы 1923/24 г. и первая половина зимы 1924/25 г. оказались полностью потерянными для дальнейших исследований.

Вскрытие первого антропoidного гроба состоялось лишь во время четвертого сезона, который продолжался

Венок из васильков,
надетый на урей первого антропоидного гроба

с октября 1924 г. по май 1925 г. Как всегда, он начался с расчистки входа в гробницу, засыпанного во избежание появления непрошенных гостей.

Крышка гроба была скреплена с нижней его частью десятью серебряными шипами. С каждой ее стороны были сделаны для удобства по две серебряные ручки. Они держались еще достаточно прочно, чтобы можно было, пользуясь ими, поднять крышку, применив закрепленную на специально устроенных лесах систему блоков. Когда с трудом извлекли шипы и крышку, подвезанную за ручки, медленно и равномерно подняли, показался, покрытый тонкой пеленой, второй антропоидный гроб — также деревянный и позолоченный. Пелену устилали гирлянды из листьев ивы и оливы, перемежающихся с лепестками лотосов и васильков. На венчающем лоб урее тоже висел веночек. Так как инкрустации, украшающие второй гроб, кое-где грозили отвалиться, то

Верхняя часть третьего (внутреннего) антропoidного гроба

было решено извлечь его из каменного саркофага вместе с нижней частью первого гроба, в которую для этого вставили стальные болты и прикрепили к ним тяги. И опять посредством блоков оба гроба были приподняты и под них подведены доски, уложенные на саркофаг. Только тогда сняли покровы. Второй антропоидный гроб длиной около 2 м предстал во всем своем великолепии. Он изображал Тутанхамона в образе Осириса. Инкрустированный разноцветным стеклом, передающим цвета яшмы, бирюзы и лазурита, гроб во многом напоминал первый. Его также украшал орнамент из перьев, так называемый риши, но изображения богинь-хранительниц Исиды и Нефтиды были заменены змеей Буты и коршуном Нехебт.

Оба гроба так точно и плотно прилегали один к другому, что разнять их оказалось чрезвычайно трудно. Тщательность, с которой они были подогнаны, мешала извлечь серебряные гвоздики с золотыми шляпками, закреплявшие крышку второго гроба. Два дня ушло только на то, чтобы обдумать план действий. В конце концов, решили поступить следующим образом. С большими усилиями удалось выдернуть гвоздики на 6 мм; больше не позволял промежуток между гробами. К ним прикрепили проволоку и подвесили гроб к лесам. В наружный гроб ввинтили петли, через них пропустили канаты, и с помощью блоков опустили нижнюю часть первого гроба в глубь саркофага. Таким образом удалось отделить его от второго, который остался висеть на проволочных тягах. Прочными досками закрыли отверстие саркофага и на этот помост опустили второй гроб.

Тем же способом, т. е. с помощью ввинченных металлических петель и тяг, подняли крышку второго гроба. Под ней оказался третий — он также изображал умершего фараона в облике Осириса. До уровня шеи его скрывал полотняный, красноватого цвета покров. Когда его сняли, оказалось, что весь гроб (длиной 1,85 м) сделан из массивного золота. Он весил 110,4 кг. Лицу постарались придать портретное сходство с Тутанхамоном. Украшения этого гроба сочетали в себе орнамент и изображения обоих первых гробов. Поэтому на золотой поверхности крышки, сделанной способом перегородчатой эмали, выделялись красочные фигуры Исиды, Нефтиды, Буты и Нехебт.

Золотая маска Тутанхамона

Но и этот гроб извлечь стоило больших усилий, правда уже по другой причине. При погребении на него вылили смолистые благовония в таком количестве, что, застыв, они намертво склеили его со вторым гробом, вместе с нижней частью которого он был перенесен в более просторную переднюю комнату. Крышка золотого гроба закреплялась восемью золотыми шипами. После того как ее приподняли за ручки, показалась наконец тщательно обернутая, подобно гигантскому кокону, погребальными пеленами мумия фараона с сияющей золотой маской.

Портретная маска Тутанхамона — одно из величайших творений египетских художников-ювелиров. Она выкована из чистого золота и весит 9 кг. Глаза юного фараона, чуть-чуть скошенные, с большими черными зрачками, спокойно устремлены вперед. Их взгляд подчеркнут синим контуром, которым они обведены. Голову покрывает подобие полосатого платка с опускающимися на плечи и далее на грудь концами. Лоб венчают уже знакомые нам символы царской власти — коршун Нехет и змея Буто. Грудь украшает ожерелье из тройного ряда разноцветных бусин с головками сокола на концах. Маска имеет сходство с другими несомненно достоверными скульптурными портретами Тутанхамона. Более того, в ней можно уловить некоторые общие черты с Эхнатоном и, особенно в профиль, — с царицей Ти. Таким образом, она служит ценным доказательством близкого родства Тутанхамона с царской семьей. С шеи на ремнях, инкрустированных золотом, свешивался большой скарабей. В скрещенные на груди руки, сделанные также из массивного золота, были вложены скипетр и плеть — символы власти повелителя загробного мира Осириса. Полотняный покров вдоль тела перекрывали ленты, состоящие из золотых пластинок, скрепленных связками бус. На пластинках столбцы иероглифов содержали «речения» богов к умершему фараону. Вот, например, слова бога земли Геба: «Мой любимый сын, наследник престола Осириса, царь Небхепрура*, твое благородство совершенно, твой царский дворец могуществен, твое имя — в устах рехит (т. е. подданных), твоя незыблемость — в устах живущих. О Осирис,

* Небхепрура — тронное имя Тутанхамона.

Голова царицы Тии — супруги фараона Аменхотепа III и маска Тутанхамона. При сопоставлении видно несомненное семейное сходство

царь Тутанхамон, пребывает сердце твое в теле твоём вечно. Он находится во главе душ живущих, подобно Ра, он пребывает в небесах».

Вдоль боков мумии, от плеч до ног, прикрепленные к поперечным перевязям, тянулись такие же ленты, украшенные магическими эмблемами, урея и картушами фараона. При детальном рассмотрении их выяснилось любопытное обстоятельство: оказалось, что часть пластинок, составляющих эти ленты, первоначально предназначалась для Сменхкара, так как в тексте на обороте некоторых из них имеется его имя.

К сожалению, совершенно истлели нити, прикреплявшие золотые кисти рук и украшения к покрову, а также скипетр и плеть, которые рассыпались в прах при первом прикосновении. Поэтому пришлось всё — деталь за деталью — в том же порядке перенести на специальную подставку

На мумию и на золотой гроб при захоронении с излишней щедростью вылили по меньшей мере четыре ведра темных смолистых благовоний. В результате она и нижние части второго и третьего гробов склеились в

единую темную массу, разъединить которую механическим способом без риска повредить что-либо было невозможно. Тогда решили размягчить застывшие благовония, выставив оба гроба наружу, где жара достигала 65° С. Однако это ни к чему не привело; очевидно, температура была слишком низка. Пришлось прибегнуть к другому, более радикальному средству. Внутреннюю сторону гроба покрыли толстыми пластинками цинка. Наружный гроб — второй — обернули мокрым одеялом. Под золотой гроб поставили парафиновые лампы, степень нагрева которых регулировали так, чтобы ничего не повредить. Только через несколько часов при температуре 500° окаменевшие благовония размягчились и появилась возможность отделить золотой гроб и снять маску.

Первый гроб, точнее, его нижняя часть все еще оставалась в каменном саркофаге. Теперь ее подняли. От влаги, выделенной благовониями, вздулась и покорежилась позолота облицовки; ее пришлось закрепить растопленным парафином. Гроб стоял на позолоченных носилках. Твердое дерево, из которого они были сделаны, в течение трех тысяч лет без всякого вреда для себя выдерживало примерно 1250 кг веса — все три гроба с их содержимым.

На самом дне саркофага вместе с какими-то тряпками, обрывками гирлянд и тому подобным мусором лежал превосходно орнаментированный сосуд из электрона для благовоний.

Теперь наступил черед мумии. Обследование ее началось 11 ноября 1925 г.

Окисляясь, смолистые вещества обуглили полотняные покровы. Они стали хрупкими и рассыпались при каждой попытке отделить их друг от друга. Покровы пропитали нагретым парафином и, разрезав, снимали пластами. Благовония повредили не только внешние слои повязок. Проникнув вглубь, они в буквальном смысле слова скрепили мумию с дном гроба. В конце концов их пришлось отбивать с помощью долота целыми кусками. Действовать надо было с большой осторожностью, так как пострадали от благовоний не только повязки и бинты, но и останки фараона. Кроме того, на мумии между слоями покровов находилось множество различных предметов: украшений, амулетов и всевоз-

можных магических символов. Всего сто сорок три. Разумеется, даже перечислить их сложно, но нельзя не упомянуть хотя бы кратко о некоторых, наиболее примечательных экземплярах из этой уникальной коллекции.

Под маской на тыльной стороне находился маленький амулет в форме подставки для головы, на которой обычно спали египтяне. Его магическое значение связано с одним из речений «Книги мертвых». Самое же существенное то, что сделан он из чистого железа. Египет жил тогда еще в бронзовом веке и железа практически не знал. От того времени дошли до нас буквально считанные предметы, сделанные из этого металла.

Голову Тутанхамона, скрытую несколькими слоями повязок, обхватывает диадема — золотой обруч, украшенный кружками из сердолика. В центре каждого помещена золотая шишечка. Сзади к ней прикреплены золотые ленты и бант, а спереди — головы змеи и коршуна, символы богинь Буто и Нехебт. Последние при помощи скреп-застежек можно было снимать и надевать. Такие диадемы — один из древнейших символов власти царя — уже трижды удавалось находить в погребениях фараонов периода Среднего царства и XVII династии.

Под следующим слоем повязок лоб обвивала широкая свисающая до ушей лента из полированного золота. На затылке находились те же эмблемы — коршун и кобра, составленные из золотых пластинок. Еще один слой повязок скрывал род шапочки, надетой на выбритую голову фараона. На ней золотым и фаянсовым бисером был вышит узор из уреев. В середине каждого из них вписано в картуше имя Атона. Эту вышивку пришлось оставить на месте, настолько плотно она приклеилась к макушке.

Голова мумии Тутанхамона

Так как голова царя также обуглилась, то наложенные на нее покровы удалялись с необыкновенной осторожностью. По снятии остатков последнего из них открылось лицо Тутанхамона. Его выражение было «ясно и безмятежно». Сходство с Эхнатом не вызывало никаких сомнений, так же как и с лучшими сохранившимися портретами Тутанхамона. Это доказывает не только высокое мастерство художников того времени, но и их стремление точнее и реальнее передать натуру.

На шее фараона располагались ожерелья-воротники двух типов и двадцать амулетов в шесть слоев. Один из воротников — из чеканного листового золота — изображал сокола с распростертыми крыльями, т. е. бога Гора, и, согласно предписаниям «Книги мертвых», надевался на шею или на грудь умершему.

Что касается амулетов, то в большинстве своем они были сделаны из золота, некоторые инкрустированы и изображали либо различных богов — Тота, Анубиса, Гора, либо их символы — вроде «позвоночного столба» Осириса — «джед», коршуна богини Мут и т. п. Все они предназначались для того, чтобы отвести от умершего опасности, подстерегающие его на пути в царство мертвых.

Другая группа предметов — общим числом тридцать пять — располагалась в тринадцать слоев среди повязок на груди — от шеи до живота. Среди них были еще четыре золотых воротника, изображающие коршунов, змею и сокола. Их крылья достигали ключиц и завязывались на шее проволокой. Крылатый большой скарабей, закрепленный на золотой пластинке (он должен был заменить вынутое при бальзамировании сердце), свешивался до живота на золотой проволоке. Далее находились одно на другом два больших ожерелья-пекторалей, называемые в ритуальных текстах «ожерельями Гора». Нижнее, бывшее на выставке в СССР, — превосходный образец искусства древних ювелиров. Крылья сокола составлены из золотых пластинок, инкрустированных способом, близким к перегородчатой эмали. Далее, под бинтами, размещались еще три ожерелья, сходных с уже описанными, и три золотых браслета. К одному из них прикреплено сделанное из железа «око Гора» — священный символ солнечного божества. Ниже, в несколько слоев, лежали еще ожерелья — воротники и пектора-

ли — с изображениями коршуна, змеи, сокола, скарабея — почти все самой изысканной тонкой работы, заставляющие восхищаться вкусом подобранных расцветок инкрустаций и изобретательностью ювелиров, сумевших воплотить в них сочетания различных символов, имевших магическое значение. Среди пелен на груди и животе находились в общей сложности тринадцать перстней из золота, лазурита, халцедона различных оттенков и бирюзы. Некоторые были с печатками; на них или рядом с ними выгравированы картуши Тутанхамона.

Руки фараона запеленали отдельно, а затем согнутыми в локтях прибинтовали к туловищу, вложив в бинты два небольших браслета-амулета со священными символами. От предплечий до запястий на обе руки были надеты браслеты: семь — на правую и шесть — на левую. Они сделаны из ажурных сердоликовых пластинок, перемежающихся со скарабеями; некоторые инкрустированы цветным стеклом и полудрагоценными камнями. Пальцы рук вставлены в золотые футляры. На двух пальцах были надеты еще и кольца. На печатке одного вырезано изображение царя, преклонившего колени и подносящего фигурку богини истины — Маат.

На живот в пелены положили десять различных предметов. Кроме амулетов среди них находились два золотых пояса с приделанным полым цилиндром, в котором укреплялся хвост. С такими хвостами фараоны часто изображались во время совершения всевозможных ритуальных действий. Сами хвосты, находившиеся на дне гроба и сделанные из сплетенных пронизей бус и бисера, вдавились в сгустившуюся массу благовоний. Извлечь их оттуда удалось лишь с большим трудом. Так как основа истлела, то они нуждались в основательной реставрации. Под нижний пояс был засунут великолепный золотой кинжал, показанный у нас на выставке. Его рукоять украшена светло-желтой зернью, полосками полудрагоценных камней и цветного стекла и внизу увита орнаментом из золотых проволочных спиралей. Клинок также золотой, особой закалки. Он ничем не украшен, но форма его необыкновенно изящна. Самое примечательное в этом оружии — ножны, на одной стороне которых в технике высокого рельефа изображены лев, нападающий на каменного козла, собака, преследующая

теленка, леопард и лев, схватившие козла. Стилизованный растительный орнамент заполняет пространство между животными. Хотя на кинжале имеется картуш Тутанхамона, сопровождаемый хвалебными эпитетами, академик Б. Б. Пиотровский в противоположность мнению Г. Картера, приписывающего его египетским мастерам, полагает, что он был изготовлен либо где-то в Малой Азии, либо малоазийскими умельцами, проживающими в долине Нила. Впрочем, и сам Г. Картер отмечает «родство с эгейским миром или с островами Средиземного моря». Как бы то ни было, этот памятник — примечательное свидетельство культурных связей Египта с окружающим миром.

На бедрах мумии среди скрывающих их повязок лежал церемониальный передник, который, очевидно, подвязывался к одному из чеканных золотых поясов, упомянутых выше. Он сделан из семи золотых пластин, скрепленных полосками из бус и украшенных цветным стеклом. Рядом с передником находился еще один кинжал — не менее примечательный, чем первый, но по иной причине. Его рукоять, несколько напоминающая рукоять золотого кинжала, заканчивалась шишкой из горного хрусталя, а лезвие оказалось железным. Это третье из обнаруженных в гробнице железных изделий. На нем, если не считать нескольких пятнышек, не имелось следов ржавчины. Как уже говорилось, в Египте бронзового века железо было еще столь редким, что изделия из него признавались очень ценными и включались в состав сокровищ, придаваемых фараону для обеспечения его в царстве мертвых.

На ногах (на бедрах и между ними), в пеленах, лежали семь плоских колец и четыре ожерелья, выполненных в столь излюбленной в Египте технике перегородчатой эмали. Обули Тутанхамона для последнего пути в золотые сандалии. Их узор воспроизводил сплетенный тростник. Пальцы ног, подобно пальцам рук, были заключены в золотые футляры с изображенными на них ногтями и первыми суставами.

Как выглядел Тутанхамон при жизни? Это удалось установить путем детального обследования его останков учеными-медиками. Предваряя неизбежные вопросы, скажем сразу, что вопреки время от времени появляющимся в газетах сообщениям, рассчитанным на любите-

Железный и золотой кинжалы,
найденные на мумии Тутанхамона

телей дешевых сенсаций, никаких следов насильственной смерти обнаружено не было. Когда Тутанхамон умер, ему было не меньше восемнадцати, но не более двадцати лет, что устанавливается по степени окостенения суставов. Рост его при жизни достигал, очевидно, 1,68 см. Череп широкий, с плоской макушкой и удлиненной, оттянутой назад затылочной частью — черта, свойственная всем членам семьи Эхнатона. Фараон был юношей весьма слабого телосложения и, видимо, болезненным, что и послужило, очевидно, причиной его преждевременной кончины, обстоятельства которой точному установлению не поддаются. Анатомическое исследование мумии позволило сделать важное для историков заключение, которое подтверждается и другими фактами, что Тутанхамон был близким кровным родственником Эхнатона и Сменхкара.

Разумеется, главное в погребальном покое — само погребение. Но помимо него здесь находилось еще множество разнообразных предметов, которые не следует обходить молчанием.

У пробитого ворами лаза лежали части ожерелья, видимо потерянного в спешке одним из них. Грабители также сорвали печати с дверей наружного ковчега и со стоявших у стены сосудов с вином. Вообще же погребальный покой пострадал меньше остальных помещений гробницы.

В одном из углов стоял на резной подставке светильник из прозрачного алебаstra. Его ручкам придана форма иероглифов, обозначающих единение (подразумевается Египта) и вечность. Когда в светильник наливали масло и зажигали фитиль, на стенках явственно проступали силуэты фараона и его супруги. Это достигалось благодаря тому, что светильник состоял из двух вставленных один в другой сосудов, причем на внутренний был нанесен рисунок. Под ним лежала боевая серебряная труба, на которой вместе с растительными орнаментами выгравированы имена Тутанхамона и богов Амона, Ра и Птаха.

Перед дверьми наружного ковчега находился необыкновенно изящной формы другой алебастровый тройной светильник, сделанный в виде ответвляющихся от одной подставки трех чашечек цветов лотоса. Возможно, он символизировал триаду почитавшихся в Фивах богов —

Амона, Мут и Хонсу. Любопытна надпись на сосуде для вина: «Год 5-й, вино дома (?) Тутанхамона, с западной реки. Начальник виноградарей Ха».

Ковчег окружали всевозможные символы и магические эмблемы, связанные с заупокойным культом. Между первым и вторым ковчегом находились два превосходных произведения прикладного искусства: сосуд для благовоний и фигурная коробочка для притираний.

Сосуд принадлежал царю и царице. Он вырезан из алебаstra, украшен золотом и расцвеченной краской слоновой костью. Сам сосуд обрамлен с обеих сторон прорезным орнаментом из цветов лотоса и папируса, образующих иероглиф, обозначающий единение Верхнего и Нижнего Египта. Орнамент поддерживают также стоящие по бокам фигурки Хапи — божества Нила. На венчике сосуда — символ богини Мут: коршун с распростертыми крыльями. На панелях подставки — также резной — два сокола поддерживают крыльями укрепленный на знаке «нуб» («золото») золотой картуш с тронным именем Тутанхамона.

Цилиндрическая коробочка для притираний тоже сделана из алебаstra. Вырезанные из черного и красного камня головки пленников — африканцев и азиатов — служили ей ножками. На крышке помещена фигурка лежащего льва, чей язык, окрашенный в красный цвет, равно как и шарнир, на котором вращается крышка, вырезаны из слоновой кости. На самой коробочке выгравированы инкрустированные различными цветными составами сцены охоты и орнамент из гирлянд. Здесь также сказывается влияние искусства Восточного Средиземноморья.

В промежутке между стенками первых двух ковчегов находились всевозможные булавы, жезлы, посохи, скипетры и луки. Особенно привлекают внимание два жезла — золотой и серебряный. На трубчатых стержнях укреплены выкованные соответственно из золота и серебра и отчеканенные в деталях фигурки Тутанхамона. Он стоит во весь рост, руки чуть-чуть согнуты в локтях, поза спокойна и непринужденна. Золотой жезл был показан на выставке в Москве в одной витрине со статуей Ка фараона.

Что касается посохов, то они весьма разнообразны по форме и по материалу. Все богато изукрашены и

нередко свидетельствуют о незаурядной изобретательности и вкусе изготовлявших их мастеров. Любопытна простая тростниковая трость, обвитая золотой проволокой и опоясанная кольцами из золота и электрона. На ней имеется надпись, объясняющая столь богатое убранство: «Тростник, который его величество срезал собственной рукою».

В небольших нишах, выдолбленных в стенах погребального покоя, стояли магические фигурки. На них начертаны заклинания, долженствующие «отразить врага Осириса (т. е. усопшего.— *И. К.*), в каком бы виде он ни появился». Хотя и не вполне, но задачу свою они выполнили. Мумия Тутанхамона оставалась непотревоженной на протяжении почти трех тысячелетий.

Теперь, когда, подобно передней комнате, погребальный покой полностью освободили, можно было убрать доски, которыми загородили проход в сокровищницу, чтобы случайно чего-либо в ней не повредить при разборке огромных ковчегов. С того дня, 17 февраля 1923 г., когда Г. Картер впервые переступил порог и бегло ознакомился с ее содержимым, прошло почти четыре года.

Как уже говорилось, вход преграждала черная статуя бога-шакала Анубиса, возглавлявшего все похоронные обряды и обеспечивавшего посмертный покой усопшего. Изваянная из дерева и окрашенная черной смолой, настороженная фигура Анубиса, вытянув передние лапы, распростерлась на позолоченной ковчегообразной подставке, стоявшей на носилках. Льяное покрывало, подвязанное под шеей, скрывало его туловище. На покрывале имеется дата — «7-й год правления Эхнатона». Внутри постамента находились всевозможные символы — фигуры, напоминающие начертания иероглифов, связанных с культом мертвых; статуэтки богов, а также воротники, скорее всего ритуальные.

Палетка для письма из слоновой кости, «письменный прибор» древних египтян, лежала у ног Анубиса, по всей видимости брошенная здесь грабителями. В шести вырезанных в ней овальных чашечках видны следы разноцветных красок. Изящными и четкими иероглифами вырезан текст: «Царская дочь Меритатон, возлюбленная и рожденная великой женой фараона Нефер-Неферу-Нефертити». Форма написания имени Нефертити показывает, что палетка была, видимо, изготовлена между 6-м и 8-м годом правления Эхнатона. Меритатон — старшая его дочь, рано овдовевшая супруга Сменхкара. Палетка является еще одним доказательством родственных связей Тутанхамона с семьей царя-реформатора: Меритатон, его сводная сестра или племянница, быть

может, подарила ему эту изящную вещь с надписью, которая свидетельствует о том, что дочерей фараона обучали грамоте.

За Анубисом, также обернутая в покровы, стояла голова священной коровы Мехурет, одно из воплощений богини Хатор, владычицы обители мертвых. Голова покрыта позолотой, рога сделаны из меди, а подставка — черная, олицетворяющая подземное царство, откуда поднимается Мехурет, освещенная на закате прощальными лучами солнца.

Так же как в погребальном покое, в центре сокровищницы возвышался большой ковчег с канопами, опирающийся на поставленные по углам столбы. Он имел 1,5 м в длину, 1,2 м в ширину и 1,95 м в высоту. Таким образом, до потолка оставалось всего лишь 0,35 м. Его плоская крыша была обшита золотом, а карниз венчали ряды инкрустированных уреев с солнечными дисками на головах. Под ней находился собственно ковчег, также весь позолоченный и завершающийся наверху фризом из таких же уреев. Широко раскинув руки, как бы обнимая его, со всех четырех сторон стояли позолоченные статуэтки богинь-хранительниц. Внутри деревянного помещался высеченный из одного куска алебастровый ковчег, поставленный на позолоченные деревянные носилки с серебряными ручками. Он предназначался для сосудов с внутренними органами фараона, вынутыми при бальзамировании, — так называемых каноп. В гробнице Тутанхамона канопы заменили углублениями — отделениями, которые делили алебастровый ящик на четыре части. Они были закрыты крышками из чуть-чуть желтоватого алебаstra в виде головы Тутанхамона. Глаза, брови, уреи обведены черной краской, что придает этим портретам необыкновенную живость. Они несомненно вышли из мастерской незаурядного художника. Внутренности, спеленутые в виде мумий, уложили в маленькие золотые саркофаги, напоминающие по украшающим их орнаментам, выполненным в технике перегородчатой эмали, второй антропоидный гроб из ковчегов погребального покоя. Каждый орган и соответственно каждое из четырех отделений, в которых они находились, посвящались одному из четырех духов, именуемых сыновьями бога Гора, а они, в свою очередь, опекались четырьмя богинями-хранительницами. Поэтому внутри гробиков

«Сокровенная сокровищница» в том виде, в каком она впервые предстала взору Г. Картера. Впереди на переносном ковчеге завернутая в пелены статуя Анубиса в облике шакала, за ним — голова священной коровы Мехурет. На заднем плане — ковчег с внутренностями Тутанхамона. Слева — сундуки и модели судов

начертаны обращенные к ним моления. Один из них с изображением богини Нефтиды был представлен на выставке в Советском Союзе.

По углам алебастрового ковчега горельефом изображены богини-хранительницы с распростертыми руками, а на каждой стороне его начертаны магические формулы. Проложенные через золотые скобы шнуры с печатями царского некрополя, прикреплявшие крышку, оказались нетронутыми. Грабители не могли подступиться к ковчегу.

Любопытно, что твердо установленный погребальным ритуалом порядок при размещении богинь и опекаемых ими духов не то в спешке, не то по небрежности был нарушен.

У южной стены сокровищницы громоздились черные ларцы — всего двадцать два. В каждом из них находились одна или несколько статуэток фараона либо различных богов. Всего изображений Тутанхамона оказалось семь. Приведем краткое описание трех, привезенных в Москву и Ленинград. Все они деревянные и покрыты листовым золотом. Первая представляет царя в короне Нижнего Египта с посохом в одной руке и плетью — в другой, парная — в короне Верхнего Египта. Вторая статуэтка изображает Тутанхамона (также в короне Нижнего Египта) в челне из папируса (на это указывает зеленый цвет окраски) с копьем, которое он занес, чтобы поразить врага — гигантского бегемота или крокодила, воплощающих врагов бога Ра или Осириса. Сам Тутанхамон здесь олицетворяет солнечного бога-сокола Гора. Третья статуэтка представляет Тутанхамона стоящим на пантере с плетью и посохом в руках. Таких статуэток обнаружено две. Они связаны с какими-то мифологическими представлениями, неясными для нас. Вообще же эти изображения, как полагает Г. Картер, видимо, показывают фараона в его различных ипостасях в загробном мире. Они интересны не только для уяснения представлений египтян о «стране Запада» — Аменти, где, как они считали, находилась обитель мертвых, но и как замечательные произведения искусства, воплотившие лучшие традиции искусства периода Амарны, о котором нам еще предстоит говорить.

Настоящая флотилия моделей судов всех размеров, типов и форм частично размещалась на черных ящиках

Крышка каноны Ей придано портретное сходство с Тутанхамоном.
Алебастр

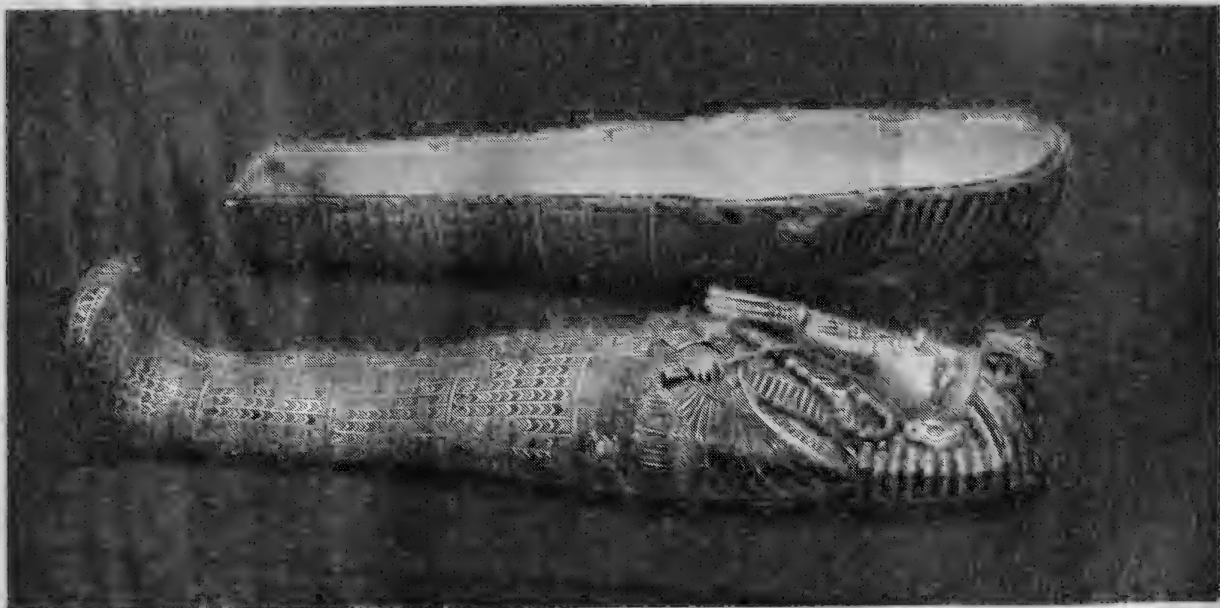
со статуэтками, частично лежала у северной стены, куда была свалена грабителями. Еще несколько судов впоследствии нашли в кладовой. Здесь имелись баржи для сопровождения бога солнца Ра, когда он совершает свой ежедневный путь по небосводу, лодки для охоты на речных зверей и болотную дичь, суда для переправы через воды подземного мира. Эта коллекция — превосходное пособие для изучения кораблестроительного искусства древних египтян. Модели сделаны весьма тщательно и воспроизводят все детали настоящих судов. Ладья, показанная на выставке, по обводам и окраске несколько напоминает парусник и имеет два больших кормовых рулевых весла. Посредине палубы находится нечто вроде каюты или надстройки. По мнению Г. Картера, на таком судне упоший должен был совершать поездки в Абидос, центр культа Осириса, но, возможно, оно предназначалось для перевозки покойного на западный берег Нила, где находился некрополь.

С культом умершего и воскресшего бога Осириса — божества прорастающих хлебных злаков, с которым сопоставляли покойника, дабы он пробудился к новой жизни, — связан еще один предмет, найденный в углу помещения. Вырезанная по фигуре этого бога доска была выдолблена и заполнена илом с посеянным в нем зерном. Подобно тому как оно прорастает, должен был воскреснуть и умерший.

Далее, здесь находились модель ручной мельницы и два сита для процеживания пива — обычного напитка древних египтян, а также модель житницы, закрома которой заполняло зерно.

У северной стены сокровищницы разместили ларцы с драгоценностями и окрашенные белой краской сундуки. Здесь больше всего похозяйничали грабители. Они сломали печати, вскрыли сундуки и шкатулки, наиболее ценные вещи похитили, а остальное разбросали. Нужно сказать, что в древнем Египте, как, впрочем, и в других странах древнего Востока, всевозможные укладки и ларцы заменяли наши шкафы и комоды и, подобно им, нередко богато украшались, представляя собой подлинные произведения искусства. Впрочем, и в Европе, особенно в прошлые века, всевозможные шкатулки также делались весьма разнообразными и затейливыми.

Из шести ларцов у северной стены четыре были

Один из четырех антропoidных золотых гробиков для хранения внутренностей Тутанхамона

изготовлены настоящими художниками-виртуозами. Достаточно сказать, что мозаичный узор одного из них составлен из примерно сорока пяти тысяч элементов. На крышке первого ларца, отделанного слоновой костью, черным деревом и расцвеченного инкрустацией, имелась табличка с надписью: «Золотые украшения шествия в опочивальне Небхепрура (Тутанхамона)». Г. Картер высказывает предположение, что под «опочивальней» следует понимать «гробницу». В этом ларце оказались лишь кое-какие мелкие украшения, а все наиболее ценное исчезло бесследно.

Другому ларцу придана необычная форма — овальная, в виде картуша. На его золотой крышке, также представляющей собой огромный картуш, крупными иероглифами, инкрустированными слоновой костью и черным деревом, вписаны имена Тутанхамона. Надпись с выгравированными на боках ларца именами и титулами фараона опоясывала его тремя полосами. Этот ларец также опустошен грабителями. В нем остались только обломки ювелирных украшений и несколько скипетров.

Остальные ларцы были почти полностью лишены своего первоначального содержимого. В них оказались либо вещи, явно хранившиеся прежде в других сундуках, либо то, что не прельстило воров. Только по табличкам с надписями на некоторых сундуках и шкатулках можно было предположить, что в них находилось. Так узнали, что украдено шестнадцать золотых или серебряных сосудов для притираний, золотые кольца, какие-то золотые украшения и другие ценные предметы — всего до шестидесяти процентов содержимого ларцов (по приблизительным подсчетам Г. Картера). Несколько серег, нагрудных украшений, ожерелье и кольцо — вот все, что осталось от ювелирных украшений. И все же то небольшое, что сохранилось, великолепно иллюстрирует совершенство техники древних мастеров, их изощренный вкус и изобретательность. В этом легко можно было убедиться при ознакомлении с образцами украшений, представленными на выставке «Сокровища гробницы Тутанхамона». Композиция этих украшений обычно связана с государственным культом различных богов — прежде всего бога солнца Ра и бога луны, мудрости, письма и счета Тота в их многообразных ипо-

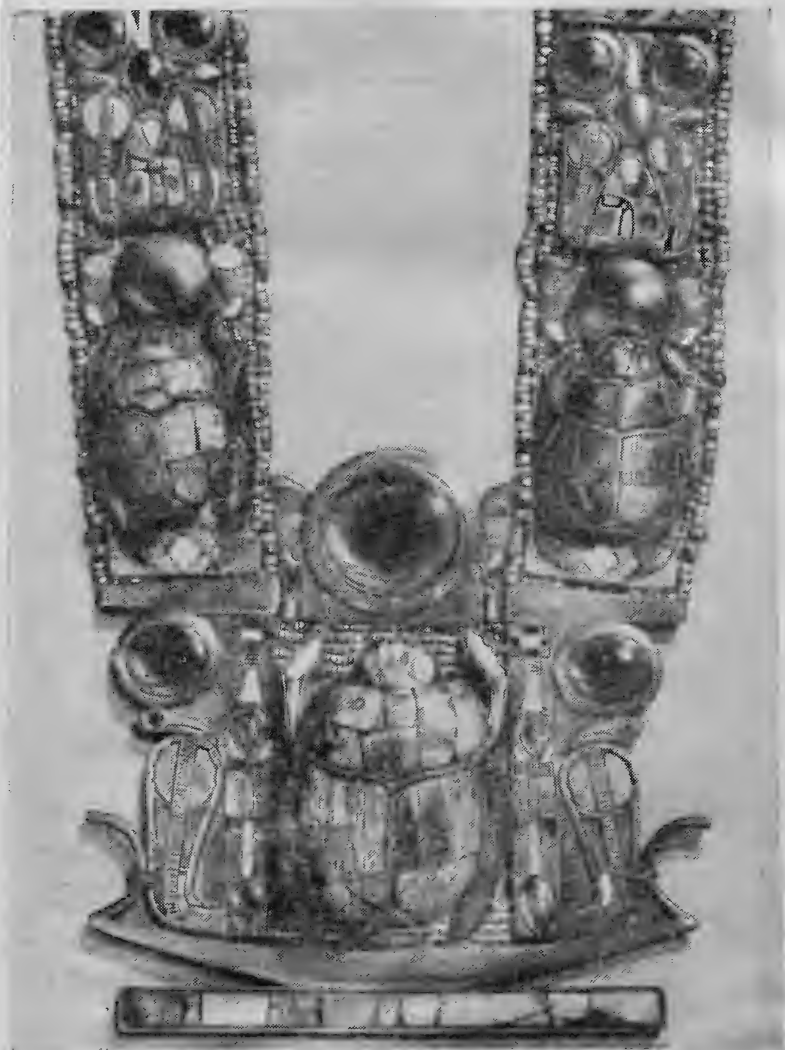

Селкит — одна из четырех богинь-хранительниц ковчега с канопами

Ларец кедрового дерева с отделкой из слоновой кости, золота и серебра. Резные знаки-иероглифы обозначают понятия «сила», «владычество», «жизнь»

стасях и символах. Видимо, им придавался какой-то ритуальный или магический смысл. Быть может, они должны были ограждать фараона от действия враждебных сил или сопоставлять его с тем или иным божеством, как, например, массивная золотая подвеска на широкой, тоже массивной цепи. Подвеска представляет собой солнечную ладью, на которой находится большой скарабей с диском солнца на голове. По краям ладьи — два урея, также увенчанные солнечными дисками. Между скарабеем и уреями стоят иероглифы, обозначающие «жизнь», «постоянство», «красота». Звенья цепи составлены из скарабеев, перемежающихся с солнечными дисками и изображениями двух уреев. Завершается она фигурками

Подвеска из массивного золота, изображающая ладью бога солнца
в которой помещены скарабей и урей

двух коршунов. Застежка сделана в виде двух уреев. И подвеска и цепь богато и пестро расцвечены камнями — лазуритом, сердоликом, бирюзой, полевым шпатом, а также разноцветной смальтой.

На другой, близкой по стилю первой, столь же массивной подвеске, выполненной в той же технике, в центре композиции помещен сделанный из халцедона большой скарабей с распростертыми крыльями и лапами коршуна, которыми он сжимает иероглиф, обозначающий «вечность», и букет цветов. На крылья опирается ладья Тота с помещенным в ней символом этого бога — «левым глазом» — и двумя уреями по бокам. Над ними — лунный диск с изображением царя, стоящего между богами Тотом и Гором. Внизу прикреплены небольшие подвески в форме цветов и бутонов лотоса, разделенных голубыми жужжками.

Если обе эти подвески связаны в той или иной степени с религиозными верованиями или культом мертвых и, возможно, имеют, так сказать, значение официальное, то золотые серьги в виде утки с распростертыми крыльями, украшенные полудрагоценными камнями и цветной смальтой и выполненные техникой перегородчатой эмали, Тутанхамон, вероятно, просто носил в детстве. Как показало обследование мумии фараона, его уши были проколоты.

К хвосту утки прикреплено пять ниток бус, завершающихся каплеобразными подвесками. На одном из дисков-застежек, сделанных в виде запонок, изображены фараон и два урея.

Среди оставленных ворами украшений были еще серьги — жесткие, сплошные и с подвесками; ожерелья-воротники из бус и нагрудники-пекторали, сходные с найденными на мумии Тутанхамона, но наиболее интересны царские регалии — два скипетра в виде крюков (изображающий их иероглиф означает «властвовать», «править») и две плети с тремя хвостами каждая. И те и другие считались атрибутами Осириса. Возможно, происхождение этих знаков царского достоинства восходит к очень отдаленным временам, когда основу хозяйственной жизни составляло скотоводство, а посох и плеть были неременной принадлежностью вождя паствушеских племен. Примечательно, что на одной плети имя фараона выписано в его первоначальной форме:

Золотая подвеска, изображающая скарабея, поддерживающего ладью
бога луны Тота

Серьга с подвесками. На ней изображены уреи и скарабей

Тутанхатон, а на другой — в более поздней: Тутанхамон.

Первая плеть и один из посохов — он сделан из бронзы — были представлены на выставке в нашей стране.

Деревянные белые сундуки предназначались для богато украшенных парадных одежд, но, кроме пары сандалий и воротника из семи пронизей синих бусин, скрепленных золотыми перехватами, в них ничего не оставили.

Как уже говорилось, в сокровищнице была обнаружена палетка для письма, по-видимому подаренная ему Меритатон. Здесь же находились и другие наборы письменных принадлежностей — его личная собственность. На одной палетке с красками и тростниковыми перьями — каламами, обитой листовым золотом, начертано имя царя в ранней его форме — Тутанхатон. Это доказывает, что он пользовался ею либо в первые годы своего правления,

либо даже до вступления на престол, еще в детстве, когда его обучали грамоте. Другая палетка — из слоновой кости, — очевидно, сделана позднее: во-первых, в нанесенном на ней тексте упомянут Амон-Ра, что было невозможно при господстве религии Атона; во-вторых, фараон назван Тутанхамоном.

Кроме палеток в «письменный прибор» входил фут-

ляр-пенал для тростниковых перьев, выполненный в виде полой колонны с капителью из стилизованных листьев пальмы (верхняя часть ее служила крышкой), а также инструмент из слоновой кости, служивший для разглаживания неровностей папируса.

Считалось, что покойник, принадлежавший при жизни к господствующим слоям общества, а тем более фараон, должен был располагать в загробном мире достаточным количеством слуг или рабов, которые обеспечивали бы ему такое же лишенное всяких забот существование, какое он имел при земном своем бытии.

Для этого в гробницу помещали статуэтки «ответчиков», или ушебти, получивших свое название от породы дерева, из которого их первоначально изготовляли. В шестой главе «Книги мертвых» говорится, что «когда человек обязан возделывать поля, орошать пастбища или переносить песок с востока на запад», то предстают ушебти, и «тогда говорят они: „Здесь я!“» — отсюда другое их название: «ответчики». Обычно они изображались с мотыгами или заступами в руках. Иногда же модели этих орудий труда, равно как модели всевозможных сосудов для воды, предназначенных для орошения полей царства мертвых, помещали отдельно. Так как ушебти служили для подмены умерших, то в лучших экземплярах стремились передать портретное сходство с теми, взамен кого они должны были трудиться, — в данном случае с Тутанхамоном. В этом легко можно было убедиться на выставке, где экспонировались две фигурки «ответчиков» — обе из кедрового дерева. Одна фигурка фараона изображена в полосатом головном платке, увенчанном уреем; платок, ожерелье и браслеты позолочены, глаза инкрустированы. Другая представлена в темном парике, позолоченных браслетах и воротнике.

На обеих ушебти начертаны отрывки из «Книги мертвых», а на ступенях первого ответчика, кроме того, написано: «Сделано царским писцом, военачальником Миннехтом, для владыки своего Осириса, фараона Небхепрура...» Было найдено шесть ушебти с его именем. Отсюда можно предположить, что при погребении фараона приближенные в качестве посмертного дара приносили ему подобные фигурки.

Модель саркофага, в котором находились антропoidные гробики с семейными реликвиями Тутанхамона

Всего в деревянных ящиках, куда их уложили, было обнаружено 413 статуэток «ответчиков» и 1866 моделей их орудий труда.

Портретное сходство с Тутанхамоном придано и небольшой деревянной статуэтке, где он представлен на погребальном ложе в облике Осириса. (Статуэтка эта также демонстрировалась на выставке в Советском Союзе.) Она лежала в продолговатом ящике. Рядом с мумией царя, на голову которой надета маска, сидят две птицы: одна с лицом человека — душа Ба, другая — сокол, возможно бог Гор. Надпись на ложе гласит, что поднесена эта статуэтка царским писцом, хранителем сокровищницы Май. На самой фигурке имеется текст: «Снизойди, мать Нут, склонись надо мной и преврати меня в одну из бессмертных звезд, которые все в небе!» Нут — богиня неба.

Что касается Май, который, как мы знаем из той же надписи, а также и из иных источников, помимо других своих должностей был еще «управителем строительных работ на Западе», т. е. в некрополе, то именно он лет через одиннадцать после смерти Тутанхамона, уже в правление Хoremхеба, восстанавливал пострадавшую от грабителей гробницу фараона Тутмоса IV. Поэтому вполне возможно, что под его руководством спешно со-

Статуэтка фараона Аменхотепа III. Обнаружена в саркофаге вместе с другими семейными реликвиями Тутанхамона (увеличена)

оружалась усыпальница Тутанхамона и он же приводил ее в порядок, хотя и довольно небрежно, после первого вторжения в нее воров, когда она была опечатана, а проход между первыми двумя дверьми заполнен щебнем.

Дальше, у северной стены, Г. Картера ожидала находка, поныне заставляющая ломать головы историков

и вдохновляющая их на различные, порой достаточно фантастические, гипотезы. На ящиках, в которых хранились статуэтки «ответчиков», лежал черный антропоидный гроб, опоясанный позолоченными полосами с начертанными на них магическими заклинаниями, обращенными к богам и духам-хранителям покойного. В длину он имел 0,75 м. Внутри него находился второй гроб — также деревянный, но целиком позолоченный и напоминающий по убранству гробы фараонов. В нем был третий маленький деревянный гробик, рядом с которым лежала вычеканенная из массивного золота статуэтка, изображающая фараона Аменхотепа III сидящим на земле. Ее высота всего 5,4 см. На выставке в Москве и в Ленинграде она привлекала всеобщее внимание филигранностью и чистотой работы мастера, ее создавшего. На голове у фараона — парадный шлем, в правой руке — царские регалии: скипетр и плеть, левая — опущена на колено. К шее прикреплена цепочка, с помощью которой фигурка подвешивалась, как брелок. Статуэтка эта была завернута в погребальную пелену.

В третьем гробу помещался антропоидный четвертый гробик — всего лишь 12,5 см длиной. Он был также деревянный. На нем были начертаны титулатура и имя царицы Ти́и, а внутри лежала обернутая в полотно прядь каштановых волос. Предметы эти, особенно прядь волос, имеют характер интимный, семейный, а то, что их поместили в гробницу Тутанхамона, доказывает кровное родство его по прямой линии и с Аменхотепом III и с Ти́и. Вопрос только в том, приходились ли они родителями ему, или же были родителями отца его Эхнатона, что представляется более вероятным, если принять во внимание возраст молодого фараона при его вступлении на престол и продолжительность правления царя-еретика.

Но этим открытием, нарушающим обычные представления о традиционном «комплекте» погребального инвентаря, неожиданности не кончились. Рядом с антропоидным гробом в деревянном ящике лежали два маленьких антропоидных гробика, покрытых слоем блестящей черной смолы и опоясанных лентами позолоченных надписей, обращенных к богам, без указания имени покойного. В каждом из них оказался второй позолоченный гробик, где покоились мумии двух мертворожден-

ных детей, очевидно, близнецов, отцом которых, по всей вероятности, был Тутанхамон.

Значительный интерес вызывают предметы, оставшиеся в почти пустом ларце, стоявшем рядом; это модели инструментов чрезвычайно малых размеров, всего 2,7 см в длину. Дело в том, что все они железные. Форма их разнообразна: два имеют вид ланцета, два — изогнутых слегка на конце резцов, остальные — долота различных типов. Предметы эти загадочны, потому что неясно, какие представления или обряды были с ними связаны. Как уже говорилось, железо в Египте было тогда редкостью, и только этим обстоятельством, по мнению Г. Картера, можно объяснить присутствие их в гробнице.

В северо-западном углу сокровищницы стоял приклоненный к стене узорчатый футляр с тремя находившимися в нем составными луками. Футляр украшен рельефами, выдавленными на тонких листах золота, и мозаикой, для которой использовали такой требующий огромного искусства и терпения материал, как радужные крылья жуков. Но зато в сочетании с кусочками коры и кожи, а также с золотой фольгой составленный из них узор, передающий несколько схематизированно сцены охоты фараона на зверей пустыни, вызывает восхищение.

Кроме всего описанного выше в сокровищнице были свалены в кучу еще части двух охотничьих колесниц. Среди них находился кнут с надписью: «Сын фараона, предводитель отряда, Тутмос». Кто был этот отпрыск царской семьи? Чей он был сын? Тутмоса IV? Аменхотепа III? И сколько ему было лет, если он еще не скончался в год погребения Тутанхамона? И почему принадлежащий ему бич попал в гробницу? Все эти вопросы еще ждут ответа.

Только через пять лет после открытия гробницы, в ноябре 1927 г., наступил черед исследования последнего ее помещения — кладовой. Уже при первом беглом ознакомлении с ней стало очевидно, что по сравнению с относительным, хотя и весьма далеким от идеального, порядком в сокровищнице здесь царил невообразимый хаос: предметы погребального ритуала, кровати, кресла, табуреты, скамейки для ног, алебастровые и глиняные сосуды, луки и стрелы, ларцы и многие другие вещи беспорядочно громоздились друг на друге. Сундуки были опрокинуты, а содержимое их разбросано. Грабители вели себя здесь предельно бесцеремонно. Впрочем, так поступали они и в других комнатах, но там чиновники некрополя постарались придать хотя бы вид какого-то подобия благообразия. В кладовой же все было оставлено в том виде, в каком покинули ее воры, следы бо-сой пятки одного из которых отчетливо, на века, отпечатались на крышке стоявшего у входа сундука.

Чтобы проникнуть сюда, грабители пробили лаз в нижней части обмуровки из обмазанных слоем извести обломков песчаника, закрывавшей вход. На сохранившейся верхней части обмазки виднелись оттиски четырех различных печатей царского некрополя с весьма трудно читаемыми надписями, вроде «Небхепрура, который создал изображение Осириса и построил дом его», «Небхепрура-Анубис, торжествующий над „Девятью луками“» * и т. п.

В кладовую, загроможденную до такой степени, что некоторые предметы чудом сохраняли равновесие, нельзя было войти. Поэтому, чтобы начать разборку заполнявших ее вещей, следовало, соблюдая особую осторожность, работать, перегибаясь через порог и просунув в

* Девять луков — враждебные Египту народы.

кладовую лишь голову и руки. Когда же приходилось тянуться за особо тяжелой вещью, готовой в любой момент свалиться и обрушить другие предметы, три или четыре человека удерживали работающего археолога за веревку, пропущенную у него под мышками.

Казалось, что может рассказать эта беспорядочно наваленная груда разнообразных вещей о событиях трехтысячелетней давности? Но Г. Картеру и его сотрудникам при внимательном, подробном и вдумчивом изучении отдельных предметов, их взаиморасположения и следов, оставленных грабителями, подобно следователям, восстанавливающим картину преступления, удалось представить в общих чертах все происшедшее в гробнице до того, как вход в нее на века был скрыт хижинами рабочих.

Как уже говорилось, предполагалось, что грабители проникли в гробницу дважды. Но лишь при исследовании кладовой догадка эта подтвердилась окончательно. Удалось также получить ответы на некоторые вопросы, прежде неясные.

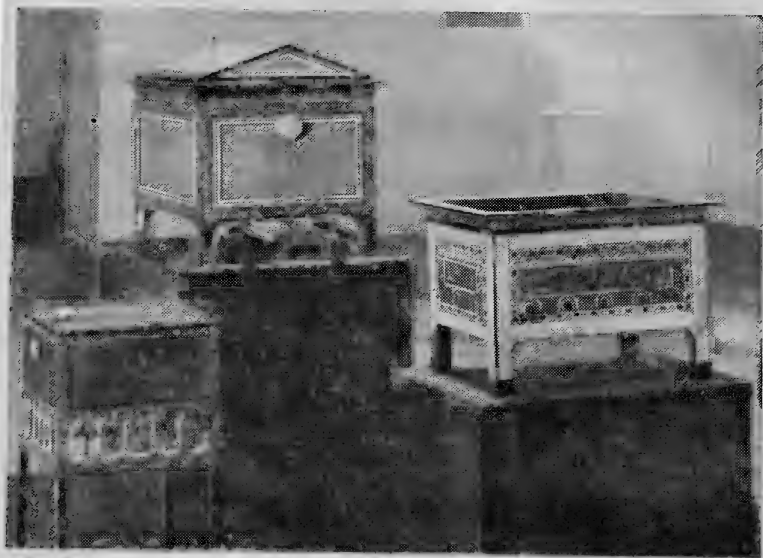
В передней комнате и в проходе, ведущем от дверей, лежали брошенные пустые каменные сосуды, явно сюда не относящиеся. Когда-то в них содержались всевозможные душистые масла и притирания, для изготовления которых с большими затратами и трудностями доставлялось сырье из далеких южных стран. Благовоения эти были у египтян в большом ходу, особенно у женщин, и весьма ценились. Стоили же они очень дорого. Видимо, вторично грабители проникли в гробницу со специальной целью их похитить. Воры вытащили сосуды из кладовой в переднюю комнату и здесь перелили их содержимое в другую, более удобную для транспортировки тару, а сосуды бросили где попало. Во всяком случае, по предписаниям погребального ритуала, когда каждый предмет или группа предметов должны занимать место в отведенном для них помещении и даже в определенном месте его, им надлежало находиться именно в кладовой. В гробнице Тутанхамона этот порядок оказался нарушенным, то ли вследствие небрежности служителей некрополя, приводивших ее в порядок после ограбления, то ли с самого начала. Она была сравнительно небольшая и сооружена не по обычному плану; видимо, поэтому в целях экономии места при-

шлось изменить предписания обычного ритуала. В кладовой, которая прежде всего предназначалась для хранения запасов продовольствия, вина, масел и благовоний, оказалось множество предметов, названных Г. Картером «чужеродными». С них он начинает описание ее содержимого.

На самом верху груды вещей лежали три больших ложа. Устройство их весьма примитивно: на деревянную раму, опирающуюся на ножки в виде львиных лап, натянуты веревочные сетки; в ногах имеется панель. Особенно примечательно одно из них — из черного дерева, облицованное листовым золотом. Растительный орнамент, образованный гирляндами лепестков и фруктов, связками папируса и красноголовой осоки, символизировал единение обеих частей Египта — Южной и Северной. Он был выгравирован на полированном золоте.

В другом конце кладовой находилось еще одно ложе — складное. Оно, по-видимому, было дорожным и отличалось от первых трех тем, что состояло из трех частей, скрепленных бронзовыми, легко вынимавшимися петлями.

Вообще в этом помещении оказалось особенно много мебели, причем отдельные ее экземпляры по художественным своим достоинствам почти достигали уровня непревзойденного парадного трона из передней комнаты. Прежде всего это относится к креслу, получившему название «жреческий трон». Оно, вероятно, использовалось в тех случаях, когда Тутанхамон выполнял какие-либо церемонии, связанные с государственным официальным культом. Ножки трона скреплены так, как скрепляется складной стул, т. е. наискось; вогнутое его сиденье сделано из черного дерева и инкрустировано слоновой костью. Оно имитирует пятнистую шкуру какого-то животного, возможно гепарда. Ножки также из эбена, украшены золотыми поясками и инкрустированы. Заканчиваются они резными утиными головками. Верх спинки трона отделан листовым золотом и инкрустирован фаянсом, цветным стеклом и камнями. На ней изображен солнечный диск Атона и начертаны собственное и тронное имена фараона в их первоначальной форме, т. е. так, как они писались до восстановления культа Амона. Ниже на вставленных горизонтально и верти-

Комод из красного дерева в форме столика; переносной ларец из кедрового дерева с двускатной крышей (обнаружен в передней комнате) и расписной ларец с инкрустациями из слоновой кости

кально пластинках эбенового дерева тоже перечисляются его различные имена, причем упоминаются оба написания: Тутанхатон и Тутанхамон. Таким образом, трон этот, как и ряд других предметов из гробницы, о которых уже упоминалось, свидетельствует о том, что возвращение к прежней религии произошло не сразу и что отмена введенных Эхнатом реформ потребовала известного, хотя и не очень продолжительного, времени. Задняя сторона спинки также покрыта листовым золотом и украшена вычеканенным на нем изображением коршуна — богини Нехебт, окруженным относящимися к ней хвалебными эпитетами. К трону принадлежит скамеечка, на которую должны были опираться ноги сидящего на нем фараона. Поэтому на верхней ее части помещены инкрустированные фигуры девяти связанных пленников — обычный символ врагов Египта, которых царь попирает таким образом стопами.

Из мебели, обнаруженной в кладовой, следует еще упомянуть о детском креслице Тутанхамона, об одном

из табуретов необычной формы и особенно о комодѣ. Креслице — белого цвета, имеет высокую спинку и ножки, вырезанные в виде звериных лап. Табурет, также белый, о трех ножках, сиденье его полукруглое, сделано в виде двух львов, связанных голова к хвосту. Необычны ножки, вырезанные в форме собачьих лап. Под сиденьем помещен традиционный орнамент, символизирующий единение Верхнего и Нижнего Египта. Что касается комода, то этот великолепный образчик искусства египетских мебельщиков легко бы вписался в любой современный интерьер. Так просты и изящны его формы. Комод не велик и не высок — всего 60 см. Он выполнен из красного кедра в виде столика с откидной крышкой на бронзовых петлях. Видимо, в нем хранились тонкие льняные одеяния фараона. В средней его части по всем четырем сторонам вставлен резной фигурный фриз из перемежающихся черных знаков *анх* («жизнь») и позолоченных — *усер* («сила»), установленных на знаках *неб* («владыка»). Все рейки из черного дерева, окаймляющие боковые панели, украшены тонко вырезанной позолоченной надписью, содержащей имена и титулатуру Тутанхамона. Комод этот экспонировался на выставке в СССР.

Одеяния, находившиеся в нем и в другом таком же комодѣ, только сломанном, были украдены, а вместо них в ящики положили подставки для головы; некоторые весьма примечательны не только как произведения искусства, но и по запечатленной в них символике. Прежде всего это относится к подголовнику, вырезанному из слоновой кости. Он изображает стоящую на коленях мужскую фигуру, двумя поднятыми руками поддерживающую выгнутую опору для головы. По бокам, обращенные друг к другу спинами, лежат два льва. Видимо, вся эта композиция олицетворяет бога воздуха — Шу, вздымающего небо над землей. Львы — это символы восхода и заката бога солнца Ра, «Вчера» и «Завтра». Детали фигур и контуры иероглифов надписи на столбике за спиной Шу выполнены синей краской. Она гласит: «Благой бог, сын Амона, царь Верхнего и Нижнего Египта, владыка Обеих земель Небхепрура, которому дана жизнь, подобно Ра, вечно». Подголовник этот также можно было увидеть на выставке.

Вторая подставка — из раскрашенной резной кости —

напоминает складной табурет. Ее украшают гротескные головки уродливого карлика — Беса, духа-хранителя домашнего очага, покровителя веселья.

Третий подголовник сделан из синего фаянса с золотой отделкой. Он самый простой и, пожалуй, самый изящный. Художественный эффект достигается соразмерностью пропорций и сочетанием цветовой гаммы.

Сходна с ним и четвертая подставка из непрозрачного бирюзового стекла, опоясанная золотой полоской вокруг ножки.

В кладовой было обнаружено несколько сундуков. Но особенно выделяется среди них один, хотя и сильно пострадавший, но тем не менее все еще прекрасный. Его крышка была сорвана и находилась в одном углу, а сам сундук — в другом, под грудой наваленных на него вещей, которые своей тяжестью повредили его стенки и ножки. Он отделан слоновой костью с рельефной расцвеченной резьбой. Но прекраснее всего крышка. В середине ее изображены Тутанхамон и Анхесенпаамон, стоящие в беседке, увитой виноградными лозами. Облаченные в широкие складчатые одеяния, как было модно в эпоху Нового царства, они, по-видимому, непринужденно беседуют. Царица преподносит мужу букет цветов лотоса и папируса, за которым он протягивает руку, небрежно опираясь другой на посох. Фриз внизу изображает двух девушек, вероятно служанок, собирающих цветы и плоды мандрагоры.

Что находилось в этом сундуке — неизвестно.

Зато известно первоначальное содержимое трех других, также сильно поврежденных сундуков — детских, которыми, должно быть, пользовались при путешествиях, как указывают прикрепленные к ним бронзовые петли (похожие на ручки). Рама изготовлена из эбена, а панели — из кедра с инкрустациями из слоновой кости. Надписи на них сообщают, что это «бельевые сундучки его величества, когда он был ребенком», и что в них хранились камедь, ладан, сурьма, несколько сосудов и золотые кузнечики. Действительно, остатки указанных в списке вещей оказались рассыпанными по полу, тут же лежали маленькие сосуды из фаянса, серебра и золота, но никаких золотых кузнечиков не было.

Весьма любопытна коробка, предназначенная для хранения головных уборов, — впервые обнаруженная в

Египте. Это простой ящик с панелями, инкрустированными пояском из квадратиков синего и желтого фаянса. Крышка его откидывается на петлях, а внутри укреплен шар на ножке — подставка, на которую надевались парадные головные уборы фараона. К сожалению, они не сохранились: ткань истлела, и нашитый на нее узор из золотого, лазуритового, сердоликового бисера лежал в виде бесформенной кучки на дне ящика.

В других сундуках и ларцах более грубой работы хранились самые разнообразные предметы, которые грабители в своих поспешных поисках, ломая сундуки и шкатулки, безжалостно переворошили и раскидали. Здесь были игрушки и всевозможные безделушки, оставшиеся от времени детства фараона; браслеты и ножные обручи, изготовленные из различных материалов; пращи для метания камней, маленькие игральные доски, прибор для добывания огня, рукавицы для стрельбы из лука, краски в горшочках и т. п. На двух парах фаянсовых браслетов начертаны имена Эхнатона и Сменхкара.

В одном из сундуков оказались вещи, никак между собой не связанные и сунутые туда второпях: миниатюрные изображения передних ног парнокопытных животных из синего фаянса (предназначение этих магических символов, связанных с погребальным обрядом, неизвестно), под ними лежали скомканные парадные одеяния, пара перчаток и пара тростниковых сандалий. Носильные вещи хранились первоначально явно в других укладках, а здесь должны были находиться фаянсовые сосуды, которые теперь оказались разбросанными по полу. Одеяния, к сожалению, сохранились очень плохо, так как сильно пострадали от сырости, но остатки бахромы, вышивки по подолу и тканый орнамент свидетельствуют о былом их великолепии.

Одни сундуки оказались пустыми, а в других еще оставалось оружие — простые и составные луки, стрелы, палицы и бумеранги. Впрочем, предметы вооружения валялись повсюду. Здесь были помимо луков и стрел еще серпообразные мечи, метательные палки, которыми пользовались не только в сражениях, но и при охоте на мелкую дичь, а также щиты — боевые и церемониальные.

Палиц оказалось много, и притом разнообразных:

больше — серпообразных, меньше — напоминающих полицейскую дубинку с утолщением у рукоятки.

Боевые палки обнаружены в Египте впервые и поэтому, естественно, особенно интересны. Длина их колеблется от 62 до 92 см. Один из концов утолщен, и на него надет металлический наконечник. Руки защищали кожаными «чашечками», несколько напоминающими эфес и украшенными золотой сеткой. Рукоятки трех палок обернуты листовым золотом.

Кривые бронзовые мечи, обнаруженные в гробнице, уникальны. Их было два: один покороче — 40 см в длину, другой побольше — 59 см. Изготовлены они необычно: клинок, эфес и рукоять представляют собой единый кусок металла. Мечи эти характерны для эпохи Нового царства, и форму их впоследствии заимствовали греки.

Луки, отличавшиеся тонкостью отделки и техническим совершенством (в чем можно было убедиться на выставке, где был представлен один из них — с аппликациями, изображающими заросли папируса, коня и козла), были в основном трех родов: простые — из одного куса дерева; простые — из двух кусков дерева и составные, достигавшие 110—123 см в длину.

Очень много было обнаружено стрел — 278, причем они представляют собой 16 различных типов, отличающихся размерами и формой. Наконечник изготовлен из бронзы, слоновой кости, стекла, заменяющего кремнь; стержень обычно тростниковый с насадкой из твердого дерева. Известно, что египтяне в древности славились как отличные лучники, и дождь стрел, которые они выпускали в неприятеля, надо полагать, производил большие опустошения в его рядах.

Защитное оружие было представлено восемью щитами — четырьмя парадными, четырьмя боевыми — и кожаным панцирем. Он пострадал столь сильно, что сохранить его не удалось: пластины из кожи были нашиты на льняную основу, совершенно распавшуюся от времени и влаги.

Что касается боевых щитов, они сделаны из легкого дерева, обшитого шкурами антилоп и гепардов. На двух в центре укреплены картуши Тутанхамона. Эти щиты невелики: 72 см в длину и 51 см в ширину.

Церемониальные щиты несколько большего размера.

Их украшает ажурная позолоченная деревянная резьба, изображающая фараона: на одном — в облике льва, пожирающего врагов Египта, символически представленных фигурами азиата и негра, на другом — в облике воина, поражающего врага, изображенного тут же в виде льва. На двух других щитах фараон представлен сидящим на троне.

Среди множества предметов, заполняющих кладовую, как-то: всевозможных амулетов, моделей судов, ящиков с ушебти, подобных найденным в сокровищнице, и т. п. выделяются некоторые, достойные того, чтобы на них остановиться несколько подробнее.

Прежде всего это небольшая по размерам — 70 см в длину — скульптурная композиция, изваянная целиком из полупрозрачного алебастра, служившая, видимо, главным украшением стола. Она представляет собой плывущую по водоему барку; некоторые ее детали отделаны золотом. Внутри прямоугольного водоема находится подставка; на ней укреплена лодка. Ее нос и корма загнуты вверх и завершаются головками каменных козлов. Посреди лодки укреплен навес на четырех папирусообразных колоннах, под которым стоит подобие открытого саркофага. На носу барки сидит обнаженная девушка с цветком лотоса в руке. На корме стоит, управляя рулевым веслом, по-видимому, рабыня, тоже нагая. В бассейн наливали воду и, видимо, ставили туда цветы.

Г. Картер, хотя и с оговорками, полагает, что эта группа изображает погребальную барку для небесного плавания фараона. Остается неясным, как это увязать с его гипотезой, что она предназначалась для убранства праздничного стола. Во всяком случае, точного объяснения предназначения этой скульптурной группе пока дать невозможно.

Из алебастра сделана также и ваза в форме стилизованного льва, стоящего на задних лапах на высокой подставке, табурете. Его правая передняя лапа поднята вверх, а левая опирается на иероглифический знак *са*, что значит «защита» (в основном магическая). Его пасть оскалена, язык, окрашенный в красный цвет, высунут. Горлышко вазы закрывает высокий головной убор так же, как и табурет, украшенный резным цветочным орнаментом. На груди льва в трех картушах начертаны

тронное и собственное имя Тутанхамона, а также имя Анхесенпаамон. Эта ваза входила в состав коллекции, привезенной в СССР из Каира.

Интересно и другое произведение прикладного искусства, обнаруженное в кладовой. Это небольшая, высотой всего 13 см, серебряная ваза, которой придана форма плода граната. Ее опоясывает посередине чеканный узор, образованный васильками и листьями оливы; вокруг горлышка вьются гирлянды из цветов мака и лилии.

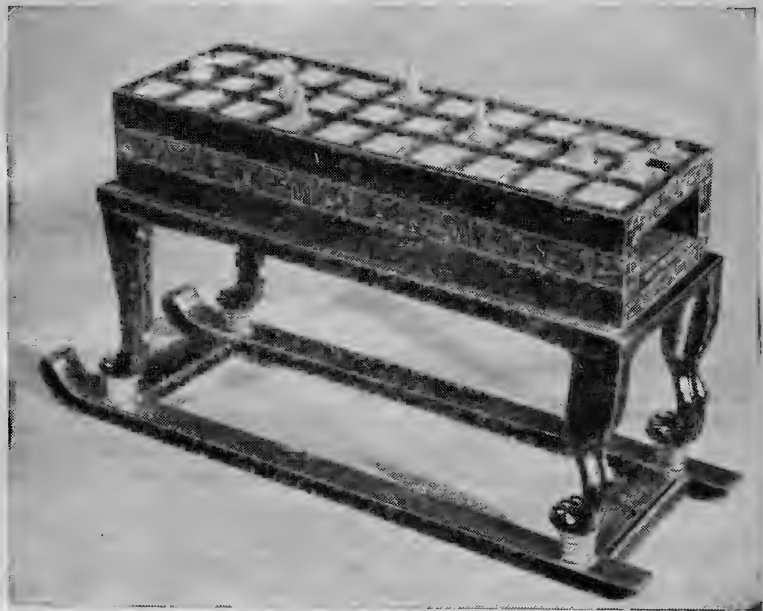
В кладовой хранились также игральные доски, хотя некоторые детали их — кости и пешки — грабители забросили в переднюю комнату. Доски различались по размерам. Ими снабдили умершего фараона не только потому, что они составляли его личную собственность и, подобно другим вещам, должны были служить ему в загробном мире, но также в силу каких-то не совсем для нас ясных мифологических представлений, о которых упоминается в одной из глав «Книги мертвых».

Одна из этих игровых досок — самая большая и, пожалуй, наиболее примечательная — демонстрировалась у нас на выставке. Она имеет длину 53,5 см и установлена на столике из черного дерева с выдвижными ящиками, где хранились фигурки и игральные кости. Они все не сохранились, но судя по тем, что уцелели, были сделаны из золота, серебра или слоновой кости.

Собственно игровой доской служила столешница, разделенная на тридцать клеток, по десять в каждом ряду. Ящики и бока столика опоясывает полоса позолоченного иероглифического текста, содержащая титулатуру и имена фараона. Столик укреплен на подставке, сделанной в виде маленького стула с ножками в форме львиных лап, стоящего на полозьях. Когти лап и помещенные под ними «подушечки» также позолочены.

Как называлась эта игра и каковы были ее правила — неизвестно. Мы знаем лишь, что игроки получали по пять «пешек»: один — черного цвета, другой — белого. Они передвигались в зависимости от количества очков, определяемого с помощью двух игровых костей.

В кладовой же хранились опахала, скипетр и всевозможные посохи и трости. Опахала, как известно по множеству изображений, всегда несли за фараоном или

Игральная доска-столик (черное дерево, слоновая кость, золото)

держали за его спиной, когда он восседал на троне во время приемов или официальных церемоний. Должность опахалоносца считалась одной из высших в придворной иерархии. От самих опахал, сделанных из страусовых перьев, которые были укреплены на длинных шестах, завершающихся полукруглыми пластинками, ничего не осталось: они рассыпались в прах. Верхушкам придавалась обычно форма цветка лотоса. Они вырезаны либо из слоновой кости и тогда отделаны резьбой, цветным узором и позолотой, либо из черного дерева, покрытого листовым золотом. Одно из опахал последнего вида примечательно: на нем выписаны все тронные имена и титулатура Эхнатона и выгравированы два картуша с именами Атона.

Скипетров в Египте существовало несколько видов. Обнаруженный в кладовой принадлежит к типу *сехем*. Обычно фараоны держали его в руках при жертвоприношениях. Он невелик (52 см) и сделан из дерева, оби-

того массивным золотым листом. Его украшают чеканный орнамент и инкрустации, выполненные техникой перегородчатой эмали. Иероглифическая надпись из золота и синего фаянса гласит: «Прекрасный бог, возлюбленный, чей лик ослепительный подобен сияющему Атому. Сын Амона, Тутанхамон». Таким образом, этот скипетр — еще одно ценное историческое свидетельство о том кратком периоде, когда культы этих обоих богов сосуществовали. На оборотной стороне изображены приносимые в жертву связанные быки. Скипетр этот экспонировался на выставке.

Трости и посохи представлены большим количеством экземпляров различных типов и форм. Г. Картер высказывает предположение, что Тутанхамон даже специально коллекционировал их. Так ли это было, сказать трудно, но зато мы можем составить полное представление о том, как их изготовляли в древнем Египте и какие разновидности были тогда в ходу, а их немало: длинные посохи с набалдашниками, с закругленными и раздвоенными верхними концами, с бронзовыми наконечниками, трости с загнутыми ручками и изогнутыми палками, предназначенные для того, чтобы убивать змей и т. д. Некоторые из тростей богато отделаны золотом и серебром.

Как уже говорилось, обычно в гробницах фараонов XVIII и XIX династий подобные кладовые предназначались для хранения запасов продовольствия и всевозможных благовоний, масел и притираний.

Последние занимали тридцать четыре различных по форме и величине (от 21 до 76 см) алебастровых сосудов и один серпентиновый. Часть из них грабители вытащили в переднюю комнату и, опорожнив, бросили там. На внутренних стенках сосудов — у которых было пошире горлышко — явственно виднелись отпечатки пальцев воров, которые руками торопливо выгребали густые масла и мази. Отдельные сосуды оказались много древнее погребения Тутанхамона. Хотя надписи на них пытались уничтожить, все же остались следы имен, позволяющие определить, что пользовались ими почти за столетие до него — при Тутмосе III. Должно быть, благовония и масла выдерживались длительные сроки, что, видимо, повышало их качество и соответственно цену.

Сосуды вмещали примерно от 3 до 14 л каждый.

Всего, как подсчитал Г. Картер, в гробнице находилось около 350 л всевозможных благовоний и притираний. Надо полагать, грабителям, если только их не схватили, досталась богатая добыча.

Встречались фигурные сосуды: один изображает — и при том весьма реалистически — козленка, другой — как уже упоминалось — мифического льва. Иногда их украшали выполненные с подлинным искусством резные узоры или тонко выгравированные строки иероглифов. В отдельных случаях эти надписи, вернее, то, что от них осталось после старательных попыток стереть, приводят к заключениям, достойным внимания историка. Так, на двух сосудах, где первоначально имелись картуши Аменхотепа III, имя Амона соскоблено, видимо при Эхнатоне.

На другом сосуде видны следы имен двух фараонов. Возможно, это были картуши Аменхотепа III и Аменхотепа IV (Эхнатона). Если эта догадка Г. Картера верна, то тем самым подтверждается их совместное правление, о чем до сих пор нет единого мнения среди специалистов.

Щедро снабдили Тутанхамона и запасами вина. Оно было налито в 36 глиняных амфор, и, разумеется, от него за многие столетия, кроме осадка, уже ничего не осталось. Однако надписи на амфорах позволяют установить, где находились виноградники фараона, кто снабжал его вином и как долго оно выдерживалось. Таким образом, нам известно, что царские запасы пополнялись из владений Атона, Амона и самого Тутанхамона, расположенных в Дельте, преимущественно на западном берегу Нила. Большую часть партии вин доставляли из виноградников Атона, и обозначены они урожаем от 3-го до 21-го года его правления. Отсюда существенный вывод: почитание этого бога длилось не менее двадцати одного года.

Что касается вин из владений Тутанхамона, то самая поздняя партия доставлена в 9-й год царствования. Лишь одна надпись упоминает 10-й год правления.

Виноградники Амона поставили вина меньше всего, и пометка на амфорах указывает лишь на 1 год. Поэтому есть основания полагать, что культ Амона полностью восстановили лишь незадолго до кончины Тутанхамона.

Многие амфоры оказались разбитыми — очевидно, это дело рук грабителей, обращавшихся с ними не слишком бережно при поисках добычи.

Запасы пищи хранились в 116 корзинах, из которых часть была разбросана по передней комнате. Перенесли их туда грабители, или они находились там с самого начала — сказать трудно, но последнее представляется более достоверным: едва ли у воров хватило времени и сил, чтобы перетащить их через узкий и неудобный лаз. Плетеные иногда с узором, корзины загрузили зерном, различными фруктами, виноградом, мандрагорой, орехами, а также финиками.

Хотя с того дня, как была обнаружена гробница, прошло более полувека, до сих пор нет полного научного описания всего того, что в ней было найдено. Подобный каталог должен будет включить в общей сложности около двух тысяч объектов. Приходится все еще пользоваться как основным источником книгой Г. Картера, правда написанной очень живо и увлекательно. Но этого, конечно, мало. Автор, основываясь на предварительном изучении обнаруженных им предметов и первых своих впечатлениях, приводит лишь краткие и не всегда адекватные описания. Однако за неимением других материалов именно они послужили основой при написании настоящей работы.

Тем не менее в последующие за открытием усыпальницы Тутанхамона десятилетия более пристальное исследование отдельных вещей, наблюдения других ученых, а также обнаруженные новые источники позволили кое в чем дополнить, а иногда и уточнить сведения, которыми располагал Г. Картер. Мы сейчас несколько лучше осведомлены о событиях того бурного и полного противоречий времени, когда попытка введения культа единого бога, Атона, завершилась при ближайших преемниках Тутанхамона полной победой приверженцев традиционной религии предков. Именно эти события и сопутствующие им обстоятельства привели к тому, что имя юного фараона на долгие столетия было предано забвению.

ПОГРЕБЕНИЕ И ЗАБВЕНИЕ

Возможно, что к концу жизни Тутанхамон стал править более самостоятельно: ему шел примерно восемнадцатый год, а на юге, как известно, люди мужают рано. Но два ближайших советника и наставника, опекавших его с того дня, когда девятилетний мальчик был коронован двойной короной фараонов, очевидно в главном храме страны — Карнаке, продолжали оставаться при нем. Это были престарелый и опытный царедворец Эйе — муж Тии, кормилицы Нефертити, получивший еще при Эхнатоне высокие титулы «отца бога», «начальника конницы его величества» и «личного писца царя», и полководец Хoremхем, сделавший карьеру также при царе-еретике, при котором он занял высшие военные и административные посты. Но, как показали последующие события, их преданность фараону была лишь кажущейся и вынужденной.

Тутанхамон окончательно возвратился в Фивы, видимо, на 3-м году правления и тогда же изменил свое имя. При нем велось усиленное строительство: восстанавливались запущенные и разрушенные при Эхнатоне святилища прежних богов. Не только в Египте, но и в Куше обнаружены следы его деятельности — например храмы в Каве (Гемпаатоне) и в Фарасе. Богам посвящаются новые изваяния. Но впоследствии Эйе и особенно Хoremхем безжалостно стирали картуши Тутанхамона и узурпировали все, что было при нем воздвигнуто.

Как уже говорилось, причины ранней смерти молодого фараона не установлены. Но удивляться ей не приходится. Судя по многочисленным изображениям и обследованию останков Сменхкара (если они только действительно принадлежали ему), обнаруженных в гробнице Тии, вся семья, начиная с Эхнатона, отличалась несомненной болезненностью и, вероятно, даже некоторыми признаками дегенерации. Сменхкара скончался в возрасте приблизительно двадцати пяти лет, Эхн-

атон едва ли на много пережил свое сорокалетие. Смерть Тутанхамона тоже была неожиданной. На это указывают некоторые сопутствующие обстоятельства.

Умер он, видимо, в самом конце года. Вспомним о веночке из васильков, надетом на урей первого антропoidного гроба. Семьдесят дней потребовалось на бальзамирование, да всевозможные обряды и церемонии заняли некоторое время. Таким образом, со дня кончины до погребения прошло около трех месяцев. За этот относительно краткий срок следовало построить гробницу, изготовить ковчеги, саркофаг, гробы и многие предметы погребального инвентаря. И хотя, разумеется, резервы рабочей силы, равно как и средства, имелись в неограниченном количестве, тем не менее спешка была неизбежной. Следы ее наблюдаются в гробнице повсеместно: и в живописи фресок, и в работе плотников, изготовлявших ковчеги, и на едва обтесанных стенах кладовой. Видимо, никто, и прежде всего сам Тутанхамон, не помышлял о преждевременной смерти. Как известно, каждый фараон по вступлении на престол начинал строить себе гробницу; правда, царский венец доставался им обычно не в детские годы.

Как бы то ни было, Тутанхамон скончался более или менее неожиданно. Надо было спешно позаботиться о погребении, достойном его сана. Возможно — приходится ограничиваться лишь догадками и предположениями — в создавшейся ситуации ничего более не оставалось, как приспособить под усыпальницу фараона гробницу, которую начал сооружать для себя Эйе. Будучи более или менее близким родственником фараона, он получил разрешение быть погребенным в царском некрополе. Но, повторяем, это не более чем предположение. Во всяком случае, за ограниченностью времени следовало торопиться, и Тутанхамону пришлось довольствоваться гробницей относительно скромной, имевшей, как мы видели, всего четыре помещения, расположение которых несколько напоминает гробницы Тутмосидов. Руководство работами возложили на уже знакомого нам Май — того самого Май, который принес в дар своему усопшему повелителю его изображение в образе Осириса.

Известие о кончине фараона, как это бывало обычно, повергло страну в официальный траур. Как он проходил, мы знаем из классического произведения египетской

литературы, правда эпохи Среднего царства,— «Истории Синухета», где речь идет о смерти фараона XII династии Аменемхета I: «...царь Верхнего и Нижнего Египта Схотепибра был взят на небо. Он соединился с солнцем, причем [его] божественное тело слилось с создавшим его. Пребывала резиденция в молчании, и скорбели сердца. Большие ворота были заперты, придворные сложили головы на колени, а народ стонал».

Тело Тутанхамона перенесли в «Золотую палату», где жрецы и бальзамировщики приступили к мумификации. Одновременно в мастерских начали поспешно изготавливать гробы и погребальный инвентарь, а во дворце собирать вещи, которыми предполагалось снабдить фараона для подобающего высокому его сану существования в царстве мертвых. В их число включили не только отдельные вещи из убранства дворца и то, чем дорожил Тутанхамон, к чему он привык и что окружало его с детства, но также кое-что из предметов, несомненно приготовленных в свое время для гробницы Сменхкара. Например, золотые гробики, в которые обычно клали внутренности или повязки, предназначенные для бинтования мумии. Почему они не были использованы в свое время, сказать трудно, но вполне возможно, что их изъяли при перезахоронении Сменхкара.

Строители гробницы и те, кому надлежало приготовить все необходимое для погребения, видимо, уложились в отпущенные сжатые сроки, потому что время от дня кончины фараона до дня его похорон регламентировалось строгими предписаниями погребального ритуала. В конце марта или начале апреля наступил срок, когда Тутанхамон должен был отправиться в свой последний путь на запад — в обитель мертвых, где, уподобившись Осирису, возродится для посмертного существования. Погребальные обряды длились несколько дней, потому что над покойником, для того чтобы отождествить его с Осирисом, совершались сложные церемонии, из которых одной из важнейших был обряд «отверзания уст». Это магическое действие должен был осуществить его ближайший наследник — старший сын. Но Тутанхамон умер бездетным. Поэтому «отверзание уст» совершил сменивший его на престоле Эйе, хотя по возрасту он годился ему в деды. Сцена эта изображена на одной из фресок в погребальном покое.

Длинная и торжественная процессия, в которой участвовали многочисленные придворные, жрецы, слуги и плакальщицы, направилась в царский некрополь. Мумию Тутанхамона в золотой маске уложили под огромный балдахин на имевший вид барки бога солнца катафалк, установленный на полозья. Его владчили рыжие быки, как того требовал ритуал, потому что красный цвет был цветом Северного Египта, а именно там впервые возникли многие древнейшие предписания заупокойного культа. Рабы, слуги и придворные несли все те предметы, которые должны были сопровождать фараона в гробницу. Ковчег с канопами, содержащими внутренние органы царя, установленный на салазках, владчили за собой выделенные для этой почетной обязанности его приближенные. Жрецы орошали молоком почву перед салазками и катафалком с телом Тутанхамона. Это символизировало возрождение его к новому бытию. Шествие, прерываемое всевозможными обрядами, магическими действиями и ночными бдениями, продолжалось четыре дня. Его участники как бы совершали паломничество, разумеется символическое, в четыре священных города Северного Египта, подобно тому как туда направлялись древнейшие правители Египта на поклонение находящимся там святыням.

В последний день, когда траурная процессия наконец почти достигла некрополя, по предписанию погребального ритуала волов, владчивших катафалк, сменили обутое в белые сандалии «девять друзей» царя и оба визиря. Они должны были доставить тело почившего фараона к преддверию его усыпальницы. Все они изображены на одной из фресок погребального покоя. В некрополе похоронное шествие было встречено группой танцоров, исполнивших священную пляску духов древнего города Буто. Одетые в короткие передники и высокие головные уборы из тростника, они вышли из хижины, построенной в виде святилища Северного Египта. В вертикальном положении мумию установили у входа в гробницу, и жрецы, символизируя, согласно мифу, очищение тела Осириса, окропили ее водой. Именно здесь Эйе совершил обряд «отверзания уст», дабы вернуть душу в ее прежнюю оболочку. При всех этих ритуальных действиях произносились соответствующие формулы из «Книги мертвых». Затем наступила минута последне-

го прощания. С воплями и причитаниями Анхесенпаамон и ближайшие родственники, обнимая ноги мумии, оплакивали умершего, подобно тому как некогда Исида оплакивала супруга своего Осириса. Затем останки фараона внесли в погребальный покой, куда спустились лишь Анхесенпаамон, ее сестры, немногие жрецы и ближайшие придворные, которые начали вносить вещи, долженствующие служить усопшему в загробном мире. Мумию положили в золотой гроб, обильно полив ее благоуханиями и надев на шею венок из живых цветов. Затем золотой гроб поместили в два позолоченных деревянных антропоидных гроба, которые уже, очевидно, стояли в саркофаге. Когда опускали крышку последнего, видимо, допустили какую-то неловкость или несогласованность действий, и она сломалась посередине. Трещину покрыли гипсом и покрасили под цвет песчаника.

Одновременно доверенные придворные опечатывали все сундуки, ларцы и шкатулки с личными вещами и драгоценностями Тутанхамона, а также ковчег с канонами. Как только участники похорон покинули погребальный покой, рабочие начали устанавливать деревянные позолоченные ковчеги, скрывавшие саркофаг. Они торопились, да и теснота, духота и плохое освещение не способствовали тщательности их работы. Поэтому части ковчегов оказались перепутанными и пришлось спешно на месте подгонять их друг к другу. Когда последний, наружный ковчег был собран, а двери его, так же как и внутренних, запечатаны, начали вносить вещи, которые, согласно ритуалу, следовало разместить в этом помещении. Затем возвели перегородку, отделяющую погребальный покой от передней комнаты. В ближайшие дни ее следовало расписать фресками.

Между тем в некрополе, в непосредственной близости к гробнице, установили большой шатер или легкий навес, и начался поминальный пир. Участники, украшенные цветочными гирляндами, красочными пестрыми воротниками из бус и умощенные душистыми маслами, внимали пению. Гибкие танцовщицы услаждали взоры гостей плясками. Считалось, что среди них незримо присутствует и усопший фараон, только что с помощью обрядов и церемоний сподобившийся вечного посмертного бытия. По завершении трапезы сосуды для поминальных возлияний, всевозможные венки, пелены и все, чем

пользовались при погребении, собрали и упрятали в специально приготовленный тайник, где спустя тысячелетия их нашла экспедиция Т. Девиса.

Пока готовились к похоронам фараона, при дворе развивались события если внешне и не бурные, то во всяком случае драматические. Тутанхамон был последним представителем XVIII династии, при которой Египет достиг вершины своего могущества. Умер он бездетным. Не было прямых наследников мужского пола ни у Эхнатона, ни у Сменхкара. Бесспорные права на трон имела лишь юная вдова Тутанхамона, и только брак с нею мог легитимизировать нового царя. О том, что случилось, мы узнаём из источника, на первый взгляд совершенно неожиданного, а именно из анналов хеттских царей, составленных Муршилем III от имени отца своего Суппилулиумы. Оказывается, какая-то царица — имя ее не названо, но, судя по имени ее умершего супруга, в хеттской транскрипции звучавшего Нибхурупа (т. е. Небхепрура), это могла быть лишь Анхесенпаамон — обратилась к Суппилулиуме со следующим письмом: «Мой муж умер, а я слышала, что у тебя есть взрослые сыновья. Пришли мне одного из них: я выйду за него замуж, и он станет владыкой Египта». Подивившись необычному предложению, потому что никогда подобного не случалось прежде, Суппилулиума, посоветовавшись со своими приближенными, послал в Египет гонца, проверить, правда ли все это и не хотят ли его провести.

Тогда царица вновь написала Суппилулиуме: «Почему говоришь ты: они пытаются меня обмануть? Если бы я имела сына, писала бы я тогда в чужеземную страну, что унижительно для меня и страны моей? Вы мне не верите и даже говорите такие вещи! Тот, кто был мне супругом, умер, и у меня нет сына. Неужели я должна взять своего слугу и сделать его моим мужем? Я не писала ни в какую другую страну; я писала [только] вам. Говорят, что у тебя много сыновей. Дай мне одного из своих сыновей, и он станет моим супругом и царем земли Египетской».

В конце концов Суппилулиума внял просьбам Анхесенпаамон и послал своего сына Занназу в сопровождении подобающей свиты. Но царевича в пути убили, возможно по приказанию Хоремхеба, лелеявшего далеко

идушие надежды, которые осуществить сразу он был не в состоянии. Надо полагать, что Эйе, бывший тогда визирем Южного Египта, знал о переписке Анхесенпаамон с Суппилулиумой. Более того, быть может, она велась по его инициативе, так как, выдав замуж молоденькую вдову за чужеземца, не знавшего ни местных обычаев, ни порядков, он мог бы еще надолго сохранить фактическую власть. Не исключена также возможность, что Хоремхеб пытался добиться благосклонности Анхесенпаамон и что он был тем самым «службой», мысль о браке с которым внушала ей отвращение. Обо всем этом мы можем, конечно, только гадать, но едва ли придется сомневаться в том, какая густая сеть интриг и заговоров плелась в те дни сторонниками различных группировок в борьбе за трон фараона.

Попытка сближения с хеттами, очевидно, предпринятая по инициативе Эйе и тех, кто еще вместе с ним окончательно не порвал с традициями Амарны, не удалась. Суппилулиума, разгневанный гибелью сына, вторгся в пределы египетских владений в Сирии. Убийцы были схвачены и казнены. Не исключена возможность, что Хоремхебу пришлось руководить отражением хеттов. Это, естественно, в какой-то степени отвлекло его от непосредственного участия в борьбе за наследие Тутанхамона. В результате к власти пришел престарелый Эйе, закрепивший свои права на престол, по всей вероятности, женитьбой на Анхесенпаамон, годившейся ему по крайней мере во внучки. Правда, некоторые ученые отрицают этот брак, несмотря на то что сохранилось кольцо, где картуши их стоят рядом. Но, повторяем, наши сведения скудны и отрывочны, и поэтому часто приходится довольствоваться более или менее зыбкими предположениями. Все события эти протекали, очевидно, весьма быстро, потому что на фресках в погребальном покое Эйе уже изображен со всеми регалиями фараона, а между кончиной Тутанхамона и временем их написания едва ли прошло более трех месяцев.

Престарелый Эйе правил не долго — всего четыре года. Хотя культ Амона и прежних богов был полностью восстановлен, тем не менее имя Атона гонениям при нем не подвергалось. Он довершил начатое при Тутанхамоне украшение храма в Солебе, в Куше, где были установлены два великолепных изваяния льва из розового гра-

нита. В то же время Эйе совершил весьма неблагоприятный поступок, присвоив себе две незаконченные статуи усопшего царя.

Когда Эйе умер, пришел наконец черед Хоремхеба, набравшего теперь достаточно силы, чтобы, опираясь на войско, занять трон фараонов, в чем ему, по всей видимости, усердно помогал также клир бога Амона. Во всяком случае, добившись своей цели, он в дальнейшем стремился поддерживать наилучшие отношения с его жрецами, щедро одаряя последних и усердно расправляясь с их противниками. Для того чтобы закрепить свое положение, Хоремхем женился на Мутнеджмет, возможно младшей сестре Нефертити.

Стремясь изгладить даже воспоминание о реформах Эхнатона, Хоремхем безжалостно уничтожил все, что было связано не только с ним и с культом Атона, но и со своими непосредственными двумя предшественниками — Тутанхамоном и Эйе. Он присвоил все их сооружения и статуи, стерев имена и поставив взамен свое. Более того, он объявил себя непосредственным преемником Аменхотепа III, исключив таким образом Эхнатона, Тутанхамона и Эйе из списка правивших фараонов, а годы их правления присчитал к своему царствованию. Вот почему о них ничего не знал жрец Манефон, когда тысячу лет спустя писал историю своей родины.

Ахетатон с его великолепными дворцами, вилами и храмами был по приказанию Хоремхеба разрушен. Сады и парки запустели. Жители покинули обреченный город. Святилище Атона в Карнаке снесли и использовали камни для строительства пилонов. Гробницу Эйе разорили и стерли имена его и его жены. Так же поступили с гробницами некоторых приближенных Эйе и Тутанхамона. Почему же не посягнул Хоремхем на усыпальницу Тутанхамона? То ли вход в нее был так удачно скрыт, что точное местоположение не удалось установить? То ли помогло заступничество Маи, как думают некоторые египтологи? То ли не решились тревожить прах фараона, при котором все же был восстановлен культ Амона? Обо всем этом можно лишь гадать. Тутанхамон был забыт. И забвение на тысячелетия спасло его гробницу, с тем чтобы память о нем ожила в наши дни.

СОКРОВИЩНИЦА ИСКУССТВА

Чем же обогатила науку гробница Тутанхамона? Окончательные итоги, хотя со времени ее открытия прошло более полувека, еще не подведены — как уже говорилось, до сих пор отсутствует полное научное описание как всех найденных предметов, так и самой гробницы. Но кое-что и даже многое ясно и сейчас.

С сожалением следует признать, что к нашим довольно скромным знаниям истории Египта того напряженного в идеологическом отношении периода почти ничего не прибавилось. Отдельные уточнения удалось внести в хронологию да, быть может, в генеалогию царской семьи, хотя и здесь многое еще спорно. Что касается событий Амарнской эпохи, одной из наиболее интересных и выдающихся в многовековой истории страны, то они по-прежнему окутаны плотным туманом. Разочарование постигло и филологов. В гробнице не обнаружено ни документов, ни новых текстов.

Сама гробница каких-либо существенных изменений или отступлений от обычного архитектурного плана не имеет. Более того, она значительно беднее и скромнее, чем подавляющее большинство усыпальниц царского некрополя. В ней отсутствуют многочисленные переходы, нет и обычного переднего зала. Это понятно: строители не располагали временем.

Зато историку религии и особенно историку искусства трудно переоценить значение всего того, что дала гробница. Многие предметы до ее открытия были известны только по изображениям, другие — по жалким обломкам, а некоторые оказались вообще неведомы ученым.

То, что сохранила гробница Тутанхамона, превзошло самые смелые ожидания. Здесь в непревзойденных образцах представлено удивительное по силе творческого

мастерства, технического совершенства и эстетического очарования искусство Амарнской эпохи и первых последующих за нею годов, этого сравнительно короткого периода. Оно значительно отличалось от искусства предшествующих и последующих столетий и поэтому привлекает самое пристальное внимание. Дабы понять, в чем заключается своеобразие и значение творчества художников той поры, следует сказать несколько слов о египетском искусстве вообще и о том, как оно воспринимало и передавало окружающую действительность.

Антиисторично и принципиально неверно оценивать древнеегипетское искусство во всех его проявлениях с точки зрения наших вкусов и воззрений и перешедших к нам по наследству эстетических канонов античности. Древнеегипетские художники, прежде всего живописцы и близкие к ним авторы рельефов, руководствовались совершенно иными принципами отображения реального мира. Нельзя также ни в коем случае забывать, что творчество их чрезвычайно тесно связано с религией и подавляющее большинство произведений зодчества, ваяния и живописи создано исключительно для удовлетворения нужд культа.

Древним египтянам перспектива была неизвестна. В живописи и на рельефах они стремились изобразить предмет во всех ракурсах одновременно и притом как можно нагляднее. Вне зависимости от перспективы выделялись и подчеркивались наиболее характерные и существенные признаки. Рисуя человека, древний художник показывал лицо его в профиль, а глаза и брови анфас. Плечи он разворачивал полностью, т. е. также анфас, грудь передавалась в профиль, равно как и ноги. Живописец или ваятель на рельефах рассматривал каждый предмет вне пространственной связи с другими и стремился при этом показать его в наиболее полном виде. Желая что-либо выделить или подчеркнуть, он увеличивал размер изображения. Вот почему боги, цари и умершие сановники представлены обычно значительно выше окружающих их лиц.

Все эти основные характерные особенности древнего искусства обитателей долины Нила окончательно оформились еще на рубеже IV и III тысячелетий до н. э. и почти не менялись на протяжении многих последую-

щих столетий. В значительной степени это объясняется неразрывной связью между искусством и религией. Последняя, как известно, наиболее консервативная из всех форм идеологии. А идеологии древнего Египта, как и вообще египетскому обществу, принявшему на исходе IV тысячелетия до н. э. формы рабовладельческой восточной деспотии, была присуща известная застойность. Это обуславливалось медлительностью развития производительных сил и связанных с ними производственных отношений.

Поэтому портретным статуям умерших, которые в случае гибели тела усопшего должны были служить вместилищем души, придавались раз и навсегда установленные традицией строгие застывшие позы. Прекрасный пример тому — обе черные статуи Ка, стоявшие в передней комнате гробницы Тутанхамона у перегородки, отделявшей ее от погребального покоя. Но зато скульпторы превосходно научились запечатлевать индивидуальные черты тех, чьи образы они с таким неподражаемым мастерством высекали из самых твердых пород камня — гранита, базальта, диорита — или чеканили из золота и серебра с помощью самых примитивных инструментов. Им в высокой степени было присуще чувство пропорции и соразмерности.

Невзирая на связь с религией, даже подчинение ей, искусство древнего Египта отнюдь не оторвано от повседневной жизни и быта. Разумеется, требования религии в какой-то — и притом не малой — степени ограничивали свободу творчества: не разрешали отступать от раз и навсегда определенных норм и законов. Поэтому наиболее правдивы, непринужденны и свободны те произведения искусства, создавая которые мастера и художники не чувствовали себя в такой степени скованными определенными правилами и традициями, требованиями кутового канона.

Прежде всего это касается, конечно, прикладного искусства — предметов для повседневного пользования, а также рельефов и фресок, где изображены не суд богов, ужасы и чудища преисподней, религиозные церемонии и тому подобное, а бытовые сцены: охота, рыбная ловля, пахота, рынок, мастерская ремесленника, пиршество, игры...

Мы не можем проследить здесь развитие древнееги-

петского искусства на протяжении многих столетий до эпохи Амарны и непосредственно примыкающего к ней времени: это не входит в наши задачи. Ограничимся только попыткой охарактеризовать то новое, что появилось в нем в тот период, когда реформы царя-еретика потрясли, хотя и не надолго, казалось, незыблемые устои древней религии и вместе с нею многие принципы, которыми руководствовались художники со времен «почитателей Гора» — древнейших полумифических царей.

Распад страны на отдельные области в конце эпохи Среднего царства и примерно полтора века культа чужеземного бога не могли не сказаться на общем уровне культуры. В этот период исчезают великолепные, мощные и величественные скульптурные портреты и монументальные памятники архитектуры, а также гармоничные по красочным сочетаниям и полные жизни фрески.

Новый расцвет искусства совпадает с освобождением Египта от гиксосов и объединением его под господством Фив. Годы владычества иноземных племен и последовавшие затем походы фараонов-завоевателей XVIII династии в Сирию, Финикию, Палестину вывели Египет из длительной изоляции и познакомили с искусством других стран и народов, в частности с искусством острова Крита.

Сооружаются роскошные дворцы и огромные храмы, стены которых покрывают сложными по композиции рельефами, прославляющими деяния фараонов-победителей и возвеличивающими опекающих их богов. Воздвигаются грандиозные статуи, подобные знаменитым «колоссам Мемнона», стоявшим у входа ныне не существующего заупокойного храма Аменхотепа III в Фивах. Мощь, силу, великолепие стремились воплотить в своем творчестве египетские художники и архитекторы, поэты и летописцы. Произведения архитектуры, скульптуры и живописи поражают размерами, чрезвычайной пышностью, но вместе с тем несколько сухи, официальны. И статуи, и рельефы, и фрески, и литературные произведения холодны, лишены внутренней теплоты, простоты, непринужденности, человечности. Образы фараонов и их сановников, несмотря на точность портретного сходства, чрезмерно идеализированы. Но вместе с тем некоторые из них не только не уступают лучшим

памятникам эпохи Среднего царства, но даже превосходят их изяществом линий, стремлением передать индивидуальность образа, техникой исполнения.

Пристрастие к парадности, пышности и роскоши, присущим этому периоду, обусловило стремительное развитие прикладного искусства. Фараоны издавна славилась великолепием своего двора, их сановники — утонченностью, а египетские женщины — элегантностью и изяществом. Бесчисленные ювелирные изделия, драгоценные сосуды, туалетные принадлежности, нарядные одеяния и изысканная мебель украшали быт господствующих слоев. Ремесленники и художники годами трудились над созданием этих вещей. Но нередко предметы изготовлялись ценой длительных и терпеливых усилий только для того, чтобы сопровождать их владельцев в загробный мир. Лучшим подтверждением этого служит гробница Тутанхамона.

Попытка Эхнатона реформировать древнюю религию предков вызвала огромные сдвиги во всех отраслях изобразительного искусства. Разрыв с традиционной религией, провозглашенное фараоном стремление к установлению «истины» — «маат» обусловили отход от прежних эстетических норм. Ваятели и живописцы амарнской школы в противоположность своим предшественникам перестают идеализировать образ царя. Более того, они стремятся показать его и его близких такими, какими они были на самом деле. Черты реализма в их творчестве, проявлявшиеся прежде главным образом в портретной скульптуре и фресках, передающих сцены повседневной жизни, становятся особенно заметными. Они впадают даже в натурализм, если не в гротеск, особенно в первые годы провозглашения культа Атона, когда нетерпимость Эхнатона и вызванные ею противоречия сказывались особенно резко. Так, дошедшие до нас изображения царя-реформатора и членов его семьи, созданные придворными художниками, меньше всего могут служить поводом для обвинения их в желании польстить своему повелителю.

Эхнатон, его жена Нефертити и шесть дочерей изображены со всеми присущими им физическими недостатками, которые притом подчеркиваются и даже утрируются: чрезмерно удлинненным, оттянутым назад черепом, большим выступающим вперед подбородком, об-

вислым животом, несоразмерно тонкими руками и ногами.

Вместе с тем мастера амарнской школы создали такие шедевры скульптуры, живописи и прикладного искусства, что они безоговорочно были причислены к наиболее выдающимся памятникам мирового искусства. Достаточно сослаться на скульптурные портреты Нефертити и ее дочерей, на найденный в Тель-Амарне торс из кварцита, возможно также изображающий царицу, на портретные крышки каноп из гробницы Тутанхамона, или, наконец, на статуэтки богинь-хранительниц, стоявших у ковчега с канопами. Это объясняется прежде всего их стремлением к простоте, естественности. Преодолев каноническую условность, они одинаково правдиво изображают фараона, его сановников, их слуг и рабов.

Теперь художников привлекают не только огромные рельефы и фрески, почти неизменно передающие одни и те же сюжеты — царя, попирающего врагов или представшего перед богом, но и изображения интимных сцен, природы. Позы тех, кого рисует их кисть или высекает их резец, более непринужденны и грациозны. Их манере присущи плавность линий и гармония красок, утонченность и изящество. Используя прежние мотивы для декоративного убранства, они проявляют большую изобретательность и изысканность. В полной мере это запечатлено на предметах погребальной утвари Тутанхамона, ибо почти все они выполнены мастерами амарнской школы и их последователями, отказавшимися от некоторой заостренности при передаче натуры в пользу ее более реалистической трактовки. Множество тому примеров приведено при описании отдельных вещей, обнаруженных в гробнице, например парадного трона или резной крышки шкатулки из кладовой.

Поразительно, сколько совершенных произведений успели создать древние мастера за девять лет правления молодого царя и за краткие месяцы между днем его смерти и погребением. Утонченность их вкуса, изобретательность и техническое совершенство сказались даже на самых обыденных предметах повседневного обихода. Правда, не все одинаково ценно, иногда обилие украшений и орнаментов чрезмерно, но художественное совершенство большинства изделий заставляет забыть отдельные недостатки.

Восстановление в правах культа исконных богов повлекло за собой возрождение прежних вкусов, что можно проследить на отдельных предметах из гробницы Тутанхамона. Иногда причудливо сплетаются оба направления — старое и новое. Но настроения, воодушевлявшие художников Амарны, полностью не заглохли. Они подспудно сказывались, невзирая на гонения, не только при Хоремхебе, но даже через полстолетия, при Рамсесе II. На хранящейся в Туринском музее статуе этого фараона еще видны отблески художественных веяний, порожденных реформами царя-еретика.

Неповторимое искусство Амарны, столь блистательно представленное в гробнице Тутанхамона, несмотря на его тысячелетнюю давность, доставляет нам, людям совершенно иной эпохи, взглядов и убеждений, подлинное эстетическое наслаждение, потому что истинное искусство бессмертно.

ЛИТЕРАТУРА

- «Всемирная история», т. I, М., 1955.
- Картер Г., Гробница Тутанхамона, М., 1959.
- Керам К., Боги, гробницы и ученые, М., 1963.
- Матье М. Э., Во времена Нефертити, М., 1965.
- Матье М. Э., Искусство древнего Египта, М., 1961.
- Матье М. Э., О периодизации истории амарнского искусства, — «Вестник древней истории», 1953, № 3.
- Перепелкин Ю. Я., Переворот Аменхотпа IV, М., 1967.
- Перепелкин Ю. Я., Тайна золотого гроба, М., 1968.
- Струве В. В., История древнего Востока, М., 1941.
- Чабб М., Здесь жила Нефертити, пер. с англ., М., 1961.
- Carter J., Tut-ankh-Amon, 2éd, Bruxelles, 1950.
- Carnarvon G. and Carter H., Five Years Explorations at Thebes; a Record of Work Done 1907—1911, London, 1912.
- Carter H., The Tomb of Tut-Ankh-Amen, vol. I—III, London, 1923—1933.
- Carter H., Report on the Robberies of the Tomb of Amenotnes II, Biban el Moluk,— «Annales de Service des Antiquités de l'Egypte», t. 3, Le Caire, 1902.
- Carter M., Tutankhamun, the Golden Monarch, New York, 1972.
- Davis T. M., Excavations: Bibân el Molûk. The Tomb of Youiya and Tuiya, London, 1907.
- Davis T. M., Excavations: Bibân el Molûk. The Tomb of the Queen Tiye, London, 1910.
- Davis T. M., Excavations: Bibân el Molûk. The Tomb of Harmhabi and Toutankhamonou, London, 1912.
- Desroches Noblecourt Chr., Toutankhamon. Vie et mort d'un pharaon, Paris, 1965.
- Gardiner A. H., New Light on the Ramesside Tomb-Robberies,— «Journal of Egyptian Archaeology», 1936, vol. 22.
- Harrison S. G., An Anatomical Examination of the Pharaonic Remains Purposed to Be Ankhenaten,— «Journal of Egyptian Archaeology», vol. 52, 1966.
- Knudtzon J., Die el-Amarna Tafeln, Bd 1—2, Leipzig, 1915.
- Maspero G., Les momies royales de Deir el Bahari,— «Memoires publiés par les membres de la Mission Archéologique Française au Caire», t. I, Fasc. 4, Paris, 1889.
- Peet T. E., The Great Tomb Robberies of the Twentieth Egyptian Dynasty, Oxford, 1924.
- Piankoff A., The Shrines of Tutankhamon, New York, 1962.
- Vergote J., Toutankhamon dans les archives hittite, Istanbul, 1961.
- Weigall A., The Glory of the Pharaohs, London, 1923.
- Weigall A., The Life and Times of Akhnaton, New York — London, 1970.
- Weigall A., The Treasury of Ancient Egypt, Edinburgh, 1911.
- Weigall A., Tutankhamen and Other Essays, London, 1970.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Вступление	5
Тутанхамон и его время	7
Гробницы и грабители	19
Предыстория открытия гробницы	42
Говард Картер ищет гробницу	47
Говард Картер находит гробницу	53
Передняя комната	64
Погребальный покой	78
Сокровищница	103
Кладовая	122
Погребение и забвение	136
Сокровищница искусства	144
Литература	151

Исидор Саввич Кацнельсон

ТУТАНХАМОН И СОКРОВИЩА ЕГО ГРОБНИЦЫ

*Утверждено к печати
Редколлегией серии «По следам исчезнувших
культур Востока»*

Редактор *Л. З. Шварц*. Младший редактор *Л. В. Исаева*. Художественный редактор *Э. Л. Эрман*. Художник *А. В. Озеревская*.
Технический редактор *М. В. Погоскина*. Корректоры
В. Н. Багрова и Д. Я. Броун

Сдано в набор 27/II 1976 г. Подписано к печати 6/VII 1976 г.
А-06641. Формат 84×108¹/₃₂. Бум. № 1. Печ. л. 4,75. Усл. п. л. 7,98
Уч.-изд. л. 7,92. Тираж 30 000 экз. Изд. № 3654. Зак. 164.
Цена 26 коп.

Главная редакция восточной литературы издательства «Наука»
Москва К-45, ул. Жданова, 12/1
3-я типография издательства «Наука»
Москва Б-143, Открытое шоссе, 28

Цена 26 коп.